

ISSN 1563-0366; eISSN 2617-8362

Индекс 75882; 25882

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Заң сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия юридическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of Actual Problems of Jurisprudence

№3 (91)

Алматы
«Қазақ университеті»
2019

ХАБАРШЫ

ЗАҢ СЕРИЯСЫ № 3 (91) қыркүйек

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16496-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Сманова А.Б., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Телефон: +7727-377-33-36 (ішкі н. 12-57)
E-mail: Akmaral.Smanova@kaznu.kz

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Байдельдинов Д.Л., з.ғ.д., профессор
(бас редактор) (Қазақстан)
Ерғали А.М., PhD докторы, доцент м.а.
(бас редактордың орынбасары) (Қазақстан)
Кенжалиев З.Ж., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Джансараева Р.Р., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Тыныбеков С.Т., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Усеинова Г.Р., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Жатқанбаева А.Е., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Маликова Ш.Б., з.ғ.к., доцент м.а. (Қазақстан)
Қабанбаева Г.Б., PhD докторы, доцент (Қазақстан)

Муксинова А.Т., (Қазақстан)
Алексеева С.В., аға оқытушы (Қазақстан)
Томас Хоффман, PhD докторы, профессор (Эстония)
Шелухин С.И., PhD, профессор (АҚШ)
Ганс Йохим Шрамм, құқық докторы, профессор
(Германия)
Алиев А.И., з.ғ.д., профессор (Әзірбайжан)
Репецкая А.Л., з.ғ.д., профессор (Хакасия)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Арын А.А., з.ғ. магистрі (Қазақстан)

Заң сериясы Мемлекет пен құқық теориясы және тарихы, конституциялық және әкімшілік құқығы, азаматтық құқық және еңбек құқығы, табиғи ресурстар және экологиялық құқық, қылмыстық құқық және криминалистика, халықаралық қатынастар бағыттарын қамтиды.

ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
Б А С П А У Й І

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова
Телефон: +7 747 125 6790
E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева
Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 13164

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 11.6 б.т. Тапсырыс № 7450.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2019

1-бөлім
**МЕМЛЕКЕТ ПЕН ҚҰҚЫҚ
ТЕОРИЯСЫ ЖӘНЕ ТАРИХЫ**

Section 1
**THEORY AND HISTORY
OF CHAIR OF STATE AND LAW**

Раздел 1
**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Sartaev S.A., Kalshabayeva M.Zh.², Oтынshiyeva A.A.³

¹Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: s.sartai@mail.ru

²Senior Lecturer, Department of Law of Kazakh National Agrarian University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: manshuk.1981@mail.ru

³Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: aidana-best91@mail.ru

PROBLEMS OF INCREASING THE LEGAL AWARENESS OF KAZAKHSTAN SOCIETY

In the article we examined some issues of the influence of historical and political factors on the formation and development of legal consciousness in the Republic of Kazakhstan, and also to identify the place of law in the system of value orientations of citizens of the Republic of Kazakhstan, we carried out practical research. Legal awareness is not a phenomenon acquired from birth, it develops for a long time and gradually. Legal consciousness is formed as a result of the interaction of the individual in society and the understanding of the received information. Legal consciousness is formed under the influence of various circumstances, current events, specific living conditions and various processes that influence the life of a society. In legal science, it is customary to consider the factors influencing the legal consciousness in the following two groups: 1. External (the activities of subjects – creators of legal consciousness). 2. Internal (individual personality characteristics).

It should be noted that the process of forming legal consciousness is impossible without the socialization of the individual, since legal consciousness can only be formed if there is an individual in the social environment and the formation of relations between him and society. A.V. Mudryak justifies the need to consider the factors of socialization as special circumstances or conditions that influence this process. He identifies three groups of such factors: Macrofactors (world, country, state, society) that influence very large groups of people in certain countries, the influence is mediated by two other groups of factors. Mesofactors, conditions of socialization of large groups of people allocated: on a national basis; according to the place and type of settlement in which they live; by belonging to the audience of various mass communication networks. Mesofactors influence a person's legal consciousness both directly and indirectly through the factors of the third group. Microfactors. These include circumstances directly affecting specific people – the family, peer groups, the microsociety, organizations in which social education is carried out – educational, professional, social, religious organizations. (Mudryak, 2000)

The article examines some issues of raising legal awareness in the Republic of Kazakhstan, as well as the problems of legal education, corruption and ensuring the rule of law of modern Kazakhstani society.

Key words: rule of law, law, personality, sense of justice, legal culture, identity, corruption, sense of justice, society, socialization.

Сартаев С.А.¹, Қалшабаева М.Ж.², Отыншиева А.А.³

¹заң ғылымдарының кандидаты, доцент, әл-Фараби атындағы
Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: s.sartai@mail.ru

²аға оқытушы, Қазақ ұлттық аграрлық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: manshuk.1981@mail.ru

³оқытушы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aidana-best91@mail.ru

Қазақстандық қоғамның құқықтық санасын көтерудің мәселелері

Мақалада Қазақстан Республикасындағы құқықтық сананың қалыптасуы мен дамуына тарихи-саяси факторлардың әсерінің кейбір сұрақтары қарастырылды, сондай-ақ Қазақстан Республикасының азаматтарының құндылықтар бағдарының жүйесінде құқықтың орнын анықтауда тәжірибелік зерттеулер жасалынды. Құқықтық хабардарлық туғаннан алынған құбылыс емес, ол ұзақ уақыт бойы дамып келеді. Құқықтық хабардарлық қоғамда адамның өзара әрекеттесуі және алынған ақпаратты түсіну нәтижесінде қалыптасады. Құқықтық санасы әртүрлі жағдайлар, қазіргі оқиғалар, нақты өмір жағдайлары және қоғам өміріне әсер ететін әртүрлі

процестердің ықпалында қалыптасады. Заң ғылымында келесі екі топтағы құқықтық сана-сезімге әсер ететін факторларды қарастырған жөн: 1. Сыртқы (субъектілер қызметі – құқықтық сананың құрушылары). 2. Ішкі (жеке тұлғалық сипаттамалары).

Айта кету керек, заңды сана қалыптастыру процесі адамның әлеуметтенуінің мүмкін емес, өйткені заңды сана тек әлеуметтік ортада адам және оның арасындағы қарым-қатынастарды қалыптастыру кезінде қалыптасуы мүмкін. А.В. Мудрык әлеуметтенудің факторларын осы үдерісте әсер ететін ерекше жағдайлар немесе жағдайлар ретінде қарастыру қажеттілігін ақтайды. Ол осындай факторлардың үш тобын анықтайды: Макрофакторлар (әлем, ел, мемлекет, қоғам), белгілі бір елдердегі адамдардың үлкен топтарына әсер етеді, бұл әсер басқа екі фактормен байланысты. Мезофакторлар, халықтың үлкен тобын әлеуметтендіру шарттары: ұлттық негізде; олар тұратын жері мен түріне қарай; әртүрлі жаппай байланыс желілерінің аудиториясына тиесілі. Мезофакторлар үшінші тұлғаның факторлары арқылы тікелей және жанама түрде адамның құқықтық сауаттылығына әсер етеді. Микрофакторлар. Олардың ішінде белгілі бір адамдарға тікелей әсер ететін жағдайлар – отбасылық, құрдастар топтары, микроөнеркәсіп, әлеуметтік білім беру ұйымдары – білім беру, кәсіптік, әлеуметтік, діни ұйымдар. (Mudryak, 2000)

Мақалада Қазақстан Республикасында құқықтық сананы көтерудің кейбір мәселелері қарастырылған, сондай-ақ құқықтық оқыту, жемқорлық, заманауи қазақстандық қоғамда заңның үстемдігін қамтамасыз ету мәселелері қарастырылған.

Түйін сөздер: құқықтық мемлекет, құқық, жеке тұлға, құқықтық сана, құқықтық мәдениет, әлеуметтену, жеке тұлға, сыбайлас жемқорлық, құқықтық сана, қоғам.

Сартаев С.А., Калшабаева М.Ж.², Отыншиева А.А.³

¹к.ю.н., доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: s.sartai@mail.ru

²старший преподаватель, Казахский национальный аграрный университет, Казахстан, г. Алматы, e-mail: manshuk.1981@mail.ru

³преподаватель, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: aidana-best91@mail.ru

Проблемы повышения правосознания казахстанского общества

В статье рассмотрены некоторые вопросы влияния историко-политических факторов на формирование и развитие правового сознания в Республике Казахстан, а также для выявления места права в системе ценностных ориентаций граждан Республики Казахстан авторами были проведены практические исследования. Правосознание не является феноменом, приобретенным от рождения, оно складывается длительно и постепенно. Формируется правосознание в результате взаимодействия личности в социуме и осмысления получаемых сведений. Правовое сознание формируется под воздействием различных обстоятельств, происходящих событий, конкретных условий жизни и разнообразных процессов, которые оказывают влияние на жизнь общества. В юридической науке принято рассматривать факторы, влияющие на правовое сознание, в виде двух групп: 1. Внешние (деятельность субъектов – творцов правового сознания). 2. Внутренние (индивидуальные особенности личности).

Отметим, что процесс формирования правосознания невозможен без социализации личности, так как правовое сознание может быть сформировано только при наличии индивида в социальной среде и становлении отношений между ним и социумом. А.В. Мудрик обосновывает необходимость рассмотрения факторов социализации как особых обстоятельств или условий, оказывающих влияние на данный процесс. Он выделяет три группы таких факторов: макрофакторы (мир, страна, государство, общество), которые влияют на очень большие группы людей, в определенных странах влияние опосредовано двумя другими группами факторов. Мезофакторы, условия социализации больших групп людей, выделяемых: по национальному признаку; по месту и типу поселения, в котором они живут; по принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации. Мезофакторы влияют на правосознание человека как прямо, так и опосредованно через факторы третьей группы. Микрофакторы. К ним относятся обстоятельства, непосредственно влияющие на конкретных людей – семью, группу сверстников, микросоциум, организации, в которых осуществляется социальное воспитание – учебные, профессиональные, общественные, религиозные организации.

В статье рассмотрены некоторые вопросы повышения правосознания в Республике Казахстан, а также рассмотрены проблемы правового всеобща, коррупции и обеспечения верховенства закона современного казахстанского общества.

Ключевые слова: правовое государство, право, личность, правосознание, правовая культура, социализация, личность, коррупция, правосознание, общество.

Introduction

The need to study the problem of legal culture and legal awareness is determined by the formation in the Republic of Kazakhstan of the rule of law and civil society, characterized by a high prestige of law, its social value, active use by citizens and officials of legal means for achieving socially significant results. In this regard, questions of the impact of legal norms on the consciousness and behavior of an individual are becoming increasingly important.

The Concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020 states: "In turn, an integral part of scientific and educational activities is legal education, legal propaganda, that is, issues of legal culture. In this regard, work should be continued to improve the legal awareness of citizens, including legal literacy among civil servants. It is necessary to expand the scope and improve the quality of legal propaganda among the population through the mass media, including Internet resources, to intensify scientific research on topical issues of law and law enforcement, especially in those branches of law that are most in demand in the everyday life of citizens".

Main part

Considering ways to increase the legal awareness of Kazakhstan society, it should be noted that for this process is a long, requiring a complex of various measures. Let us dwell on the most important of them. (Silbey 2005)

Kazakh scientists Ayupova Z.K. and Sabikenov S.N. consider that "a democratic state of law is a state that recognizes, ensures and protects (guarantees) the rights and freedoms of a person, citizen; a state based on the principle of separation of powers, democratically formed, operating in a regime of strict and unswerving observance of the rule of law, in conditions of developed, a harmonious legal system and a high sense of justice of citizens, with the supremacy of the Constitution and other laws".

The effectiveness of mechanisms to protect the interests of the state directly depends on the level of public legal awareness and legal education of the population. The goal of legal education is to educate a free person who is aware of their legitimate interests and may require a firm political and legal guarantee of their implementation. Only in this case it is possible to achieve sustainable susceptibility of the country's law enforcement system to public needs, efficiency and rationality at all its levels. The active position of the individual is manifested not so much

in the period of various election campaigns, as in everyday life, when in different situations the individual is faced with the choice of behavior and methods for solving problems that have arisen. (Karasartova 2010: 2)

Activities in the formation of higher legal awareness should occur in two directions, focused on improving the quality of education of professional lawyers and legal education of government officials, as well as legal education of the public. It must be admitted that the general increase in the number of institutions and law faculties, which often lack sufficient teaching staff and appropriate training of specialists, led to a glut of the legal services market with unqualified professionals and a general deterioration in the quality of legal services for the population. (Zimanov 1996: 25)

An important form of implementation of the legal policy in the field of human rights is the organization of training lawyers who will become the platform for the formation of an effective protection of human and civil rights and freedoms. It is extremely important to motivate higher education institutions to train lawyers in private specialties. Along with the goal of employment in law enforcement, it is also necessary to emphasize the formation of legal specialists for advocacy, legal offices of government and commercial structures, banks, etc. For example, while there is a general increase in the number of lawyers, there is no specialized training for military lawyers and prosecutors. For such legal professions there is no possibility for continuous strictly directed education, i.e. initial training, retraining and advanced training. In order to increase the level of legal literacy it is necessary to improve the forms and methods of legal explanatory work. It is advisable to develop proposals for changes and additions to the issues of legislation governing the legal explanatory work of state bodies and officials, the development and implementation of rules of procedure for legal education of the population, the development and implementation of mandatory minimum legal education for certain categories of persons, as well as other measures aimed on cultivating respect for human rights. A survey conducted by experts of the Association of Sociologists of Kazakhstan in the framework of the project "Human Rights in Kazakhstan: a common opinion" showed that 52.6% of respondents believe that Kazakhstan does not have any information about human rights and opportunities to protect them. Only one third of respondents (30.7%) are satisfied with the content of information about human rights and the possibilities of their protection, while 16.7% of respondents were unde-

cided. The results obtained allow us to conclude that there is a need for legal education of the population and the creation of accessible centers of legal information. The Digital Library for Human Rights can be one of those accessible human rights information centers. In 2006, a digital library of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan was opened in Astana, which provides free access to legal information for the people of Kazakhstan. Support for a digital library in the country is entrusted to the National Academic Library of the Republic of Kazakhstan (NAB RK). Library documents are available in Kazakh, Russian, French and English. The creation of a digital library is part of the preparation of a National Action Plan for Human Rights. It was created jointly with UNDP in Kazakhstan, UNESCO Almaty Office and the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan. (Nazarbayev 2018)

It should be noted that the digital library of the Commission on Human Rights is an innovative step for the Baltic countries, Eastern Europe, the CIS and Central Asia towards improving access to legal information and human rights education through open public services. Important characteristics of a digital library are: multiple languages, convenience and ease of use, as well as volume (more than 1000 documents selected on the basis of complaints from the public to the Secretariat of the Commission on Human Rights regarding human rights violations). Rural residents and the most vulnerable segments of the population – the disabled, pensioners, children, as a rule, do not have access to legal information. To do this, there is a section of the library, which includes more than 70 conceptual categories that systematize knowledge about human rights. Each of the categories includes frequently asked questions. A digital library can significantly increase the level of human rights awareness and become an effective educational tool. (Syukiyainen 1986: 3038)

The software developed by the University of New Zealand was provided by UNESCO. Digital library does not require professional skills in the field of information technology. In a vast area with a small population, information and communication technologies are the most efficient way to disseminate information. The digital library is distributed to district, regional and village libraries using the library network of the Ministry of Culture and Information of the National Academic Library of the Republic of Kazakhstan. It is also a center for free access to legal information, providing updates and support for the digital library on its server. To date, the digital library on human rights of the Almaty Akimat

has been successfully launched with the support of the Commission on Human Rights, UNDP and the UNESCO Almaty Office. In order to increase public awareness of their rights and responsibilities, as well as the level of legal literacy of the population, the following ways can be recommended: It is necessary to develop a Concept for reforming and improving higher legal education in Kazakhstan. (Levada 2000: 132)

- Development of the textbook «Human Rights in Kazakhstan» in the state and Russian languages for secondary schools, colleges and higher educational institutions.

- Regularly cover the main issues related to the protection of human rights in the mass media, as well as publish human rights booklets.

- Hold roundtables with authorized government agencies and courses on “Legal education as a barrier to corruption”.

- Regularly conduct workshops and training in the field of human rights for prosecution officers, as well as for other government agencies.

- It is necessary to create digital libraries in all cities, regions and rural areas using the country’s library network. (Zhengisbek 2014)

In conditions of a low level of legal literacy, favorable conditions are created for corruption offenses and crimes, therefore the next point we will consider ways to overcome corruption in order to increase the legal awareness of Kazakhstani society. Some researchers limit the causes of corruption to the psychological motives of an individual’s behavior, such as egotism, greed, and the inability to resist temptation in the face of the spread of low ethical standards. However, the reasons for the survival of this disease are complex and diverse, they are both moral and ethical and institutional in nature.

The deformation of the legal consciousness, as already noted above, often occurs when corrupt authorized officials are not able to defend the violated rights and freedoms of Kazakhstanis. Of course, corruption, which has become a social evil, can not be defeated only by the efforts of law enforcement agencies.

First, the fight against corruption should become the main duty and duty of the whole society, and not just a single individual or group of people, government agencies, or the government. To do this, every official must have a pure, incorruptible mind. Only then will society trust them. (Zhiyenbayev, 2018)

Secondly, it is necessary to create a feeling of intolerance towards corruption throughout society.

Thirdly, in order to eradicate the deformation of the legal consciousness in society, it is necessary to

constantly and systematically work to improve legal awareness, legal literacy and legal culture.

Fourthly, we must assume that the fight against corruption is the responsibility of not only the state, but also of every citizen of the state. And of course, the fight against corruption will lead at least to its decline.

Thus, it is obvious that corruption is a social evil that undermines the entire economy, national security, inhibiting the development of the state. Therefore, the fight against corruption must be carried out promptly and systematically (Zkim 2018).

In order to increase the legal culture and legal awareness among students of higher educational institutions, this year, the Office for Youth Policy of Almaty, in accordance with the approved Plan, organized a number of awareness-raising and preventive measures on anti-corruption topics, in these future work in this area will continue. Together with activists of the Alliance of Students of Kazakhstan and the youth wing of the NDP “NurOtan” – “ZhasOtan”, work continues on the development of Student Police Assistance Teams (STIs) in all higher educational institutions of the city of Almaty.

SOPP monitors the crime situation on campus, organizes joint raids with law enforcement agencies, as well as carries out appropriate preventive work to curb corruption and other offenses in the university environment. One of the main factors that counteract corruption is to increase the legal culture, including the anti-corruption culture. When corruption takes place in a society, legal deformation of legal consciousness, in particular legal nihilism, is inevitable.

Of course, highlighting this problem separately would not be an urgent need, especially since such a way as legal education could help to reduce it, but in Kazakhstan there was a rather high level of legal nihilism, so we considered it expedient to consider ways to overcome it separately. (Zhanazarova 2013)

Currently there is a rational question: how to solve the problem of legal nihilism? The eradication of legal nihilism in Kazakhstan, even if it is difficult to implement, is a nationwide task. To achieve this goal requires a scientific approach with a deep analysis of the nature of legal nihilism, the laws of its occurrence, ways to eliminate it. Scientific research conducted to date, find practical implementation, but, unfortunately, not enough. In general, the level of legal culture is not just as a set of values in the legal sphere, but as knowledge and understanding of these values and correlation with them of their actions in society and in certain layers of the management system is insufficient. Any law should reflect the level of legal culture in society and correspond

to the legal reality. Legal culture and de facto human rights are the most important element of social regulation; moreover, they are used to carry out the basic management of social functioning, i.e. legal culture forms the constitutional and legal framework for the functioning of the state. It should be noted that the development of legal culture in civil society requires positive social development and systematic stimulation. How can legal culture help eliminate legal nihilism in Kazakhstani society? Legal education as the main component of legal culture acts as a system of measures aimed at the formation of political and legal ideas, principles, norms and values inherent in the national legal culture of an independent Kazakhstan.

Kazakhstan has declared itself a constitutional state, but the formation of a legal state is inseparable from the development of the legal culture of the whole society and the eradication of legal nihilism. As a result, the fight against adverse negative trends in the legal sphere is extremely necessary, since it contributes to the creation of a developed civil society with developed social institutions. (Savchenko 2007: 5)

The problem of modern Kazakhstani society is that such regulatory regulators as morality and morality have lost their primary importance. To ensure an adequate, law-abiding social behavior of an individual in a democratic state is possible only through its moral and legal consciousness at the same time.

In public consciousness, the attitude towards law as a social value on the basis of social justice and equality, humanity and personal freedom must be affirmed. Every citizen must realize the real need to improve the legal culture as a factor in the eradication of legal nihilism; otherwise, the process may be completely opposite to the process of forming a healthy civil society. Nevertheless, it is also important to understand that, if the citizen is granted unlimited rights, this can provoke permissiveness, which in no way is a manifestation of a democratic state. The level and quality of the legal culture of citizens is one of the most important indicators of the legal system of any civil society. Ensuring compliance with the culture of legality and the formation of the legal consciousness of the population contribute to the creation of an independent, democratic and legal state and serve as important criteria for the formation of a civil society in modern Kazakhstan. Thus, the desire to improve the general and legal culture of every citizen should be a major factor in the elimination of legal nihilism in Kazakhstan's society. In addition, the implementation of systematic work on crime prevention and legal education of the

population will lead to the end of the socio-cultural crisis and will allow the formation of strong civil institutions in modern Kazakhstan.

Figure 1 shows the key components of the development strategy of Kazakhstan, the gradual implementation of which will ensure the establishment of the rule of law and a transparent / accountable state, improving the welfare of citizens. Increasing legal literacy and responsibility on the part of citizens and the state will certainly increase the level of trust and mutually beneficial partnership with the civilian sector. The emphasis on the observance and strict adherence to the values and norms spelled out in the Constitution of the country, in the future, will allow Kazakhstani citizens to develop and inculcate basic values and contribute to raising the level of legal awareness.

Figure 1 – Key components of Kazakhstan's development strategy

Cultural development is certainly one of the integral components of social modernization, which will have a dominant influence on the formation of modern Kazakhstan. Therefore, in the conditions of a new industrial-innovative economy, it is necessary to provide the Kazakh society with all public goods in full volume on the principles of law and justice.

Conclusion

The transition to a new labor society, full-scale integration into the world community, ensuring a high level of citizens' well-being cannot be achieved without the priority development of legal awareness and legal culture built on democratic principles and traditions. Management of culture in the new

historical conditions should be flexible to respond to the changing realities of the era, ensuring the progressive socio-cultural development of society and the state.

In this regard, the Kazakh national idea "Mangilik El" fully correlates with the tasks set for the qualitative and dynamic development of the country in the long-term perspective in line with the key values of modern Kazakhstan:

- national unity;
- peace and harmony;
- stability and tolerance;
- secular society and high spirituality;
- economic growth and industrialization based on the society of universal labor;
- increasing the responsibility of each Kazakhstan.

Kazakhstan already has a unique experience in the field of interethnic and interfaith harmony; therefore, the step-by-step implementation of previously adopted decisions with concrete steps is entirely focused on compliance with the norms, principles and provisions based on the Constitution of the Republic of Kazakhstan. The main task of each Kazakhstani is to implement the constitutional provisions on a daily basis, which in the future will contribute to the massive growth of the political, constitutional and legal culture of citizens. (Constitution 2011)

It is obvious that the problem of deformation of the legal consciousness of the population of Kazakhstan at the present stage is quite acute and is a consequence of the action of many factors (dysfunctional socialization, upbringing, low legal awareness, disorganization of the communication system, etc.) (Yermukhametova 2016)

The desire to raise the general and legal culture of every citizen should be the main factor in overcoming the deformation of the legal consciousness in Kazakhstani society. In addition, the implementation of systematic work on crime prevention and legal education of the population will lead to the end of the socio-cultural crisis and will allow to form a high level of legal consciousness in modern Kazakhstan.

The implementation of the provisions of the Legal Policy Concept will allow to implement the main ideas and principles of the Constitution of the Republic in the context of a new stage of building a legal state in Kazakhstan.

Литература

- Конституция Республики Казахстан (2011) (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями от 02.02.2011) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
- Карасартова М. М. (2010) особенности национально-правовой культуры казахов / Вестник казну. - Алматы. 2010 г. – С. 2-5.
- Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993 - 2000. - М., 2000 год. - 329 с.
- Мудрик А. В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / под Ред. В. А. Слостенина. – 3-е изд., испр. и доп. - М.: Издательский центр «Академия». - 200 с.
- Назарбаев Н. А. Семь граней Великой степи // <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi>
- Ч. Валиханова. Записки о судебной реформе // собрание сочинений в 5-ти т. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской сов. энциклопедии. 1985 год. - Т. 4. - 94 с.
- Савченко С. Ю. Правовая культура личности в гражданском // Социология: проблемы теории и практики: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Алматы. - 5 с.
- Susan S. Silbey (2005) After legal consciousness // Annual Review of Law and Social Science. 1. p. 323-325
- Сюкийянен Л. Р. Мусульманское право. - М., 1986. -328 с.
- Yermukhametova S., Khamzin A., Khamzina Zh., Oryntayev Zh., Alshurazova, Sherimkulova G. (2016) Constitutional Law Fundamentals of the State Administration of the Social Sphere in the Republic of Kazakhstan // International Journal Of Environmental & Science Education. 11(12). 5239 p.
- Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII века – первой половины XIX века. – Алматы. 1996 год. - 296 с.
- Zhengisbek T., Tulenova S., Assyltaeva E., Aitymbetov N.(2014) Formation of civil and patriotic education of youth in Kazakhstan // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 116. 4860 p.
- Zkim E., Absattarov G. (2018) Legal person as new socio-political phenomenon // Bulletin of national academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. 5 (375). 134 p.
- Zhanazarova Z., Beissenova A., Nurbekova Zh., Dzyurenich Y., Turebayeva A. (2013) Labour Conflicts in Kazakhstan: A Specific Character of their Solution // Procedia Social and Behavioral Sciences. – 82. – p. 878
- Zhiyenbayev M., Kozhukhova M. (2018) Conceptualizing legal culture and legal awareness: meaning and structural components // SHS Web of Conferences 55. p. 4

References

- Constitution of the Republic of Kazakhstan (2011) (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as of 02.02.2011). http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
- Karasartova M.M. (2010) Osobennosti natsionalno-pravovoy kultury kazakhov [Features of national legal culture of Kazakhs]. Vestnik KazNU. Almaty. 2010. pp. 2-5.
- Levada Yu. A. (2000) Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskkiye ocherki: 1993 – 2000 [From the views to the concept: sociological essays: 1993 – 2000]. Moskva. 2000. 329 p.
- Mudrik A.V. (2000) Sotsialnaya pedagogika: Ucheb. dlya stud. ped. Vuzov [Social pedagogy: Studies. for students. PED. Higher educational]. Pod red. V.A. Slastenina. – 3-e izd., ispr. i dop. Moskva.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». – 200 p.
- Nazarbayev N.A. (2018) «Sem graney Velikoy stepi» [Seven faces of the great steppe] // <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi>
- Valikhanov Ch. (1985) Zapiski o sudebnoy reforme [Notes on judicial reform]. Sobraniye sochineniy v 5-ti t. – Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sov. entsiklopedii. [Collected works in 5 volumes - Alma-Ata: the Main edition of the Kazakh Soviet encyclopedia.] 1985. T. 4. 94 p.
- Savchenko S.Yu. (2007) Pravovaya kultura lichnosti v grazhdanskom obshchestve: problemy teorii i praktiki [Legal culture of personality in civil society: problems of theory and practice]: avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Almaty. 5 p.
- Susan S. Silbey (2005) After legal consciousness. Annual Review of Law and Social Science. 1. p. 323-325 Syukiyainen L.R. (1986) Musulmanskoye pravo [Islamic law]. Moskva. 328 p.
- Yermukhametova S., Khamzin A., Khamzina Zh., Oryntayev Zh., Alshurazova, Sherimkulova G. (2016) Constitutional Law Fundamentals of the State Administration of the Social Sphere in the Republic of Kazakhstan. International Journal Of Environmental & Science Education. 11(12). 5239 p.
- Zimanov S.Z. (1996) Politicheskii stroy Kazakhstana kontsa XVIII veka – pervoy poloviny XIX veka. [The political system of Kazakhstan of the late XVIII century – the first half of the XIX century]. Almaty. 1996. 296 p.
- Zhengisbek T., Tulenova S., Assyltaeva E., Aitymbetov N.(2014) Formation of civil and patriotic education of youth in Kazakhstan. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 116. 4860 p.
- Zkim E., Absattarov G. (2018) Legal person as new socio-political phenomenon. Bulletin of national academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. 5 (375). 134 p.
- Zhanazarova Z., Beissenova A., Nurbekova Zh., Dzyurenich Y., Turebayeva A. (2013) Labour Conflicts in Kazakhstan: A Specific Character of their Solution. Procedia Social and Behavioral Sciences. – 82. – p. 878
- Zhiyenbayev M., Kozhukhova M. (2018) Conceptualizing legal culture and legal awareness: meaning and structural components. SHS Web of Conferences 55. p. 4

Ергазиев Б.Б.¹, Базаров Е.Т.², Смаилова У.Е.³¹магистр военного дела и безопасности, e-mail:erbiba1980@gmail.com²доктор PhD, e-mail:erdanbt@rambler.ru³магистр социальных наук, e-mail:urkiya.valereva@gmail.com

Академия КНБ РК, Казахстан, г. Алматы

**МОДЕЛЬ УГРОЗЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Понятие «угроза» является одним из ключевых в теории национальной безопасности. Знание угроз выступает основой для разработки и реализации мер реагирования на различные негативные процессы и факторы, определения функций и организационной структуры соответствующих государственных органов. В научной литературе исследование угроз национальной безопасности осуществляется преимущественно в рамках отдельных сфер общественных отношений. Вследствие этого возникает проблема формирования целостного представления о данной категории, с учетом ее системного характера. В статье анализируются различные подходы к пониманию сущностных свойств угроз национальной безопасности. Результатом исследования является модель угрозы национальной безопасности. Сделан вывод о том, что состояние защищенности национальных интересов определяется в зависимости от степени влияния предполагаемых последствий (возможного ущерба) и вероятности их наступления на цели государственного строительства.

С учетом изложенного, исследование условно поделено на две части. В первой выделяются и обосновываются структурные элементы угрозы национальной безопасности. Во второй систематизируются подходы к классификации угроз.

Построение какой-либо модели объекта опирается на его понятие. В свою очередь, для исследования понятия «угроза национальной безопасности» возникает необходимость определения того, что собой представляет термин «понятие», по каким правилам оно формируется.

Ключевые слова: национальная безопасность, угроза национальной безопасности, объект угрозы, источник угрозы.

Yergaziev B.B.¹, Bazarov E.T.², Smailova U.E.³¹Master of Military and Security, e-mail: erbiba1980@gmail.com²Doctor PhD, e-mail: erdanbt@rambler.ru³Master of Social Sciences, e-mail: urkiya.valereva@gmail.com

Academy of the NSC of the RK, Kazakhstan, Almaty

The model of threat of national security

The concept of “threat” is one of the key in the theory of national security. Knowledge of treats is the basis for the development and implementation of response measures to various negative processes and factors, determining the function and organizational structure of the relevant state bodies. In the scientific literature, the research study of treats to national security is carried out mainly in the framework of certain areas of public relations. As a result, the problem of forming a holistic view of this category arises, taking into account its systemic nature. The article analyzes various approaches to understanding the essential properties of the threats to national security. The result of the study is a model of threat of national security. It is concluded that the state of protection of national interests is determined depending on the degree of the influence of the expected consequences (possible damage) and the likelihood of their occurrence on the goals of state building.

With this in mind, the study is divided into two parts. The first identifies and justifies the structural elements of the threat to national security. The second systematizes approaches to the classification of threats.

The construction of any model of an object is based on its concept. In turn, for the study of the concept of “threat to national security” there is a need to determine what the term “concept” is, according to what rules it is formed.

Key words: the threat to national security, the object of threat, source of the threat.

Ергазиев Б.Б.¹, Базаров Е.Т.², Смаилова У.Е.³

¹әскери іс және қауіпсіздік магистрі, e-mail:erbiba1980@gmail.com

²PhD докторы, e-mail:erdanbt@rambler.ru

³әлеуметтік ғылымдарының магистрі, e-mail:urkiya.valereva@gmail.com

ҚР ҰҚК Академиясы, Қазақстан, Алматы қ.

Ұлттық қауіпсіздікке қауіп-қатерлер моделі

«Қауіп-қатерлер» түсінігі ұлттық қауіпсіздік теориясы негіздерінің бірі болып табылады. Қауіп-қатерлерді айқындау әр түрлі негативті процестер мен факторларға әсер ету іс-шараларын әзірлеу және жүзеге асыру үшін, сондай-ақ, осыған жауапты мемлекеттік органдарының функциялары мен құрылымын анықтауға негіз болып табылады. Ғылыми әдебиеттерде ұлттық қауіпсіздік қауіп-қатерлерін зерттеу жұмыстары жеке әлеуметтік қарым-қатынастар тұрғыдан өткізіледі. Осыған байланысты жүйелі тұрғыдан қауіп-қатерлер туралы бір тұтас пікір қалыптастыру мәселесі туындайды. Қазақстан Республикасы ұлттық мүдделерінің қауіп-қатерлерден қорғалуының жай-күйін болжау нәтижелерінің және олардың ықтималдығының мемлекеттік құрылыс мақсаттарына әсер ету дәрежесіне байланысты анықталатыны туралы қорытынды жасалынды. Баяндалғанды ескере отырып, зерттеу шартты түрде екі бөлікке бөлінген. Біріншісі ұлттық қауіпсіздікке төнетін қатердің құрылымдық элементтері ерекшеленеді және негізделеді. Екінші кезеңде қауіптерді жіктеу тәсілдері жүйеленеді.

Объектінің қандай да бір моделін құру оның ұғымына сүйенеді. Өз кезегінде, “ұлттық қауіпсіздікке қатер” ұғымын зерттеу үшін “ұғым” терминінен білдіреді, ол қандай ережелер бойынша қалыптасатынын анықтау қажеттілігі туындайды.

Түйін сөздер: ұлттық қауіпсіздігі, ұлттық қауіпсіздікке қауіп-қатерлер, қауіп-қатерлер объектісі, қауіп-қатерлер көздері.

Введение

Развитие Республики Казахстан осуществляется в новых исторических условиях, сопряженных с глобальными вызовами, кризисными явлениями мировой экономики, конфликтами между ведущими странами мира. Отдельные негативные тенденции создают препятствия для реализации национальных интересов нашей страны.

В этой связи возникает проблема целостного и единого представления категории «угроза национальной безопасности». Для решения данной проблемы возникает потребность в построении модели угрозы национальной безопасности, которая включала бы в себя набор ключевых параметров, характеризующих моделируемый объект в целом и его составные части. Данная модель послужит своеобразным шаблоном, использование которого позволит идентифицировать какое-либо конкретное явление или процесс как угрозу национальной безопасности, описать ее содержательную сторону.

За длительную историю своего существования сформировались различные подходы к описанию термина «угроза». Вместе с тем, накопленных знаний не достаточно для разработки и эффективного применения единой и универсальной для всех сфер общественных отношений научно обоснованной модели угрозы национальной безопасности.

Результаты и обсуждения

Построение какой-либо модели объекта опирается на его понятие. В свою очередь, для исследования понятия «угроза национальной безопасности» возникает необходимость определения того, что собой представляет термин «понятие», по каким правилам оно формируется.

Словарное определение термина «понятие» звучит как мысль, фиксирующая признаки отображаемых в ней предметов и явлений, позволяющих отличать эти предметы и явления от смежных с ними. Признаки, фиксируемые в понятии, представляют собой свойства изучаемых предметов и явлений и отношения между ними (Краткий словарь по логике, 1991: 111, 150). В каждом понятии различают его содержание и объем (Философский энциклопедический словарь, 1983: 513-514). Содержание понятия позволяет выделить структурные элементы (Философский энциклопедический словарь, 1983: 598), а объем понятия – родовые и видовые связи самого понятия и его структурных элементов, то есть классификацию по различным основаниям (Философский энциклопедический словарь, 1983: 513-514).

С учетом изложенного, исследование условно поделено на две части. В первой выделяются и обосновываются структурные элементы угрозы национальной безопасности. Во второй

систематизируются подходы к классификации угроз.

В Казахстане категория «угроза», как один из элементов национальной безопасности, исследовалась в трудах Д. Сатпаева, М.У. Спанова (Сатпаев 1998), К.Е. Смагулова, Ю.В. Кучинской (Смагулов К.Е., 2016), Е.Б. Жатканбаева (Жатканбаев 2006), а также Р.А. Нуртазиной (Нуртазина 2014), А.А. Кайгородцева (Кайгородцев 2006), Г.Б. Рахмановой (Рахманова 2006).

Отдельные труды казахстанских ученых посвящены непосредственно анализу угроз национальной безопасности. Так, в 2000 году в Центрально-Азиатском агентстве политических исследований вышел в свет коллективный труд под редакцией Е.Т. Карина «Национальная без-

опасность Казахстана: иерархия угроз» (Карин 2000), а 2004 году монография Е.Б. Жатканбаева «Угрозы национальным интересам Казахстана» (Жатканбаев 2004).

Изучение перечисленных трудов позволяет сделать вывод, что в них исследуются различные исторические условия, политические процессы, в которых осуществлялось становление Республики Казахстан. При этом, сущностные свойства выделенных угроз не являлись предметом научного поиска. Для отнесения какого-либо явления или процесса к угрозе, как правило, использовалось законодательное определение данного понятия, отражающее результаты теоретических обобщений из различных отраслей научных знаний.

Рисунок 1 – Структура угрозы национальной безопасности

Указанное обуславливает необходимость изучения содержания понятия «угроза национальной безопасности» с позиции его законодательной трактовки.

В подпункте 7) статьи 1 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» раскрывается понятие «угроза национальной безопасности», под которой понимается совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), препятствующих или могущих препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан» (О национальной безопасности Республики Казахстан, 2012).

Из приведенного определения можно выделить три основных элемента «угрозы национальной безопасности» (Рисунок 1):

Источник угрозы – совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений);

Объект угрозы – национальные интересы Республики Казахстан;

Воздействие источника угрозы на объект угрозы, выражающиеся в создании препятствия или предпосылках к созданию препятствий для реализации национальных интересов.

Вместе с тем, если наличие первых двух элементов угрозы (источник и объект) представляется неоспоримым, то присутствие третьего

элемента (воздействие источника на объект) характерно и для других понятий теории национальной безопасности, к которым относятся «риск», «вызов» и «опасность».

В этой связи, представляется необходимость проанализировать понятие «угроза» в соотношении с названными выше категориями.

Так, А.А. Кравчук на основе соотношения понятий «риск», «вызов», «опасность» и «угроза» сделал следующие выводы. Риск – вероятность в конкретных условиях причинения ущерба объекту безопасности. На этом основании «опасность», «вызов» и «угроза» определены им как различные степени риска (Кравчук 2016: 72). При этом А.А. Кравчуком степени риска ранжируются в зависимости от двух компонентов: субъективных намерений и объективных возможностей нанесения ущерба одним из участников международных отношений. Угроза как высокий риск характеризуется наличием обоих компонентов, опасность одним, а вызов отсутствием всех компонентов (Кравчук 2016: 72).

Схожая точка зрения находит отражение в трудах О.А. Белькова и В.М. Мирошниченко, которые определили понятие «вызов» как «совокупность обстоятельств, не обязательно конкретно угрожающего характера, но, безуслов-

но, требующих реагирования на них» (Бельков 2008).

Одновременно с этим указанными авторами, а также М.Ф. Гацко отмечается, что вызов выступает в качестве начальной стадии формирования угрозы. Опасность – осознаваемая, но не фатальная вероятность нанесения вреда. Существенные различия между опасностью и угрозой заключаются в том, что угроза всегда носит конкретно-адресный, персонифицированный характер, а это предполагает наличие явного субъекта (источника) угрозы и объекта, на который направлено ее действие (Бельков 2008; Гацко 2001). Одновременно, М.Ф. Гацко рассматривает риск как вероятность нанесения ущерба объекту обеспечения безопасности. Опасность им соотносится с возможной (потенциальной) угрозой на стадиях зарождения и насыщения противоречий, когда субъект может, но не готов нанести ущерб. В свою очередь, угроза определена им как крайняя стадия обострения противоречий (предконфликтное состояние) (Гацико 2014: 23, 25-26).

Таким образом, в «угрозе», равно как и в «риске», «вызове» и «опасности», выделяются три элемента: «источник», «объект» – он же объект безопасности, а также «воздействие» – вероятность причинения ущерба.

Наряду с этим, интерес представляет тот факт, что вышеуказанными авторами понятие «риск» было определено как родовое по отношению к «угрозе». По этой причине нами рассмотрены подходы к описанию понятия «угроза национальной безопасности» с использованием термина «риск».

Данный подход получил широкое распространение в зарубежных и отечественных научных разработках.

В частности, корпорацией RAND представлена методология оценки рисков, где под «риском» понимаются угрозы и опасности, влияющие на национальные интересы государства (Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology, 2018).

Аналогичным образом возможности использования риск-менеджмента в отдельных сферах общественных отношений изучаются казахстанскими исследователями. Например, Р.Б. Сейсебаева, рассматривая риск в технологиях политического процесса, приходит к выводу, что вероятностные потери, угрозы, опасность, ущерб есть различные уровни рисков (Сейсебаева 2006). Э.М. Канцерова, изучив соотношение страновых экономических рисков, разработа-

ла термин «экономический риск государства» (Канцерова 2000). Г.К. Демеуова провела анализ состояния банковской системы в условиях проявления различных видов рисков с точки зрения конкурентоспособности экономики Казахстана в мировом пространстве (Демеуова 2004). М.С. Нурпеисов в рамках исследования темы «Управление рисками в нефтегазодобывающей отрасли (на материалах Кызылординской области)» определил понятие риска как экономической категории (Нурпеисов 2005). А.К. Бектемиров исследовал вопрос управления рисками на основе формирования модели ущерба чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (Бектемиров 2006).

Общим для данных работ является изучение соотношения категорий риска и угрозы национальной безопасности, выстраивание между этими понятиями причинно-следственных, либо родовидовых связей. Также, общим посылом для перечисленных исследований служит констатация того, что в понятия «риск» и «угроза» вкладывается множество значений, общим из которых выступает нанесение ущерба, создание препятствий для реализации интересов, связанных с достижением целей. Вместе с тем, решение проблемы описания структурных элементов рисков и угроз в указанных исследованиях целью не ставилась.

По этой причине нами исследована возможность выделения структурных элементов угрозы в методологии риск-менеджмента. Данная методология описывается в Международном Стандарте ISO 31000:2009 (Международный Стандарт ISO 31000:2009 «Риск-Менеджмент – Принципы и руководства»).

В документе отмечается, что организации всех типов сталкиваются с внутренними и внешними факторами, из-за которых становится невозможно определить, каким образом будет достигнута цель. Влияние неопределенности на цели организации определяется как «риск (Международный Стандарт ISO 31000:2009 «Риск-Менеджмент – Принципы и руководства»).

Полагаем, что подобное понимание риска имеет сходство со смыслом, вкладываемом в понятие «угроза национальной безопасности». В частности, в рассмотрении их как совокупности факторов, оказывающих воздействие на достижение цели. Различие данных понятий находит отражение в последствиях, где угроза всегда связана с негативными последствиями, а риск также предусматривает положительные последствия для цели.

С учетом общих закономерностей, на наш взгляд, возможно применение аналогии при исследовании структуры риска и структуры угрозы. Этому способствует то, что областью использования рассматриваемого стандарта является любая организация, в том числе государственная, ее части и уровни, функции, проекты и виды деятельности (Международный Стандарт ISO 31000:2009 «Риск-Менеджмент – Принципы и руководство»).

Так, в стандарте, при раскрытии риска, выделяются следующие элементы:

- цели организации, ее внешний и внутренний контексты как объекты влияния риска;

- источник риска – элемент, который сам по себе или в комбинации с другими имеет внутренний потенциал для возникновения риска. Одновременно источник риска определен как внутренние и внешние факторы, из-за которых становится невозможно определить, каким образом организация достигнет своих целей;

- событие – появление или изменение определенных обстоятельств и их причины. Иногда событие можно отнести к терминам «инцидент» или «случайность». Событие без последствий также можно отнести к терминам «частичная удача», «случай», «угроза происшествия», «опасное положение»;

- последствие – исход события, влияющий на цели;

- вероятность – возможность того, что что-то произойдет (Международный Стандарт ISO 31000:2009 «Риск-Менеджмент – Принципы и руководство»).

Полагаем, что цели организации, применительно к Республике Казахстан, соответствуют целям, указанным в документах Системы государственного планирования (Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан, 2017), что, как отмечается учеными, характеризует ключевые параметры современной парадигмы обеспечения национальной безопасности (Мамонов 2014). В рамках указанных целей реализуются национальные интересы, выступающие объектом защиты.

Такой элемент как «источник риска» в теории национальной безопасности соответствует понятию «источник угрозы».

Понятия «последствия» и «вероятность» отражают характер влияния источника угрозы на объект угрозы в таком выражении как возможный ущерб и вероятность его наступления.

Понятие «событие» не является структурным элементом угрозы национальной безопасности,

однако должно учитываться при описании условий, в которых существует угроза. Так, условия могут способствовать либо препятствовать воздействию угрозы на объект защиты. В частности, выступать причиной возможных негативных последствий и вероятности их наступления, тем самым трансформируясь в угрозу.

Следует отметить, что во многом схожие элементы угрозы национальной безопасности выделены А.В. Опалевым и В.С. Пирумовым. К ним относятся:

- причины, ведущие к возникновению угрозы;

- источники и носители угрозы;

- объекты посягательства;

- способы нанесения вреда;

- результат реализации угрозы (Опалев 2010: 59-60).

Перечисленные элементы указанными авторами представлены как данность. Обоснований, почему те или иные элементы выделены в структуре угрозы национальной безопасности, не приводится.

В то же время, общий смысл, вкладываемый в каждый из элементов, позволяет соотнести их следующим образом. Причины возникновения угрозы относятся к описательной части источника угрозы, а именно его движущей силе. Объект посягательства есть объект угрозы. Способы нанесения вреда и результат реализации угрозы отражают характер воздействия источника угрозы на объект угрозы.

На сайте www.Grandars.ru понятие «угроза» определяется как намерение нанести вред, связанное с целенаправленной деятельностью конкретных субъектов, которые и выступают в роли источника угрозы. В связи с этим разработчики сайта полагают, что содержание угрозы характеризуется:

- затрагиваемыми национальными интересами страны;

- обстоятельствами (собственной уязвимостью – степенью защищенности от данной угрозы), что определяет потенциальный ущерб при реализации угрозы;

- местом и временем проявления негативных факторов и условий;

- возможностями, намерениями и волей субъекта угрозы (потенциального противника или конкурента) (www.Grandars.ru).

Следовательно, национальные интересы обозначаются в значении объекта угрозы. Источником угрозы в данной структуре выделены антропогенный фактор социального характера,

предусматривающий наличие субъекта угрозы, обладающего определенной волей и намерениями. Воздействие описывается через потенциальный ущерб, отражающий характер влияния источника угрозы на объект угрозы.

Естественно, угроза проявляется в определенном времени и месте, что необходимо учитывать при выработке мер, однако эти обстоятельства не являются структурными элементами исследуемого понятия.

Как отмечалось ранее, для целостного описания угрозы национальной безопасности также необходимо определить объем данного понятия посредством систематизации различных подходов к классификации угроз. Следовательно, переходим ко второй части исследования.

Изучение литературы показало отсутствие единых подходов к классификации. Так, нередко исследователями используются различные основания деления на виды без должного обоснования, почему выделено то или иное основание, почему к нему отнесены только данные виды.

Вследствие этого, в ходе изучения подходов к делению угрозы на виды отмечены два противоречия. Первое, когда для выделения одних и тех же видов используются различные основания. Например, при делении угроз на реальные и потенциальные используются следующие основания: «сила воздействия» (Константинов 2015), «реальность угрозы» (Опалев 2010: 59), «вероятность возникновения» (Лапшин 2014), «вероятность и время реализации» (www.Grandars.ru).

Второе противоречие связано с совмещением различных классификаций в рамках одного основания. Например, деление на внешние, внутренние и трансграничные по основанию «отношение к объекту обеспечения безопасности» (Стратегическое прогнозирование международных отношений, 2015). На наш взгляд, в данном подходе можно выделить две классификации. Первая, в зависимости от расположения объекта в пределах государственных границ: внутреннее, то есть внутригосударственные интересы, и внешние, то есть интересы, реализуемые за рубежом. Вторая, в зависимости от географических особенностей, где реализуются интересы: в сфере трансграничных рек, гор и т.д.

Наряду с этим, в плане определения существенных свойств понятия «угроза» интерес представляют следующие классификации.

А.В. Константинов, Ж.Д. Османов по основанию «вероятность реализации» выделяют действия разрушительного или ограничительного характера. Также указанными авторами по ос-

нованию «форма проявления» разграничиваются явные, скрытые, прямые и косвенные угрозы (Константинов 2015).

По нашему мнению, данное деление состоит из двух следующих оснований. Явные и скрытые угрозы в зависимости от степени проявления, а также прямые и косвенные – в зависимости от целенаправленности. Представленные виды позволяют описать характер воздействия источника на объект угрозы.

Одновременно, А.В. Константинов, Ж.Д. Османов в зависимости от видов (сфер) общественных отношений выделяют: ресурсно-экологические, военные, политические, криминальные, социальные, финансовые, собственно экономические (эндогенные) и иные угрозы (Константинов 2015). Данная классификация уточняется разработчиками сайта www.Grandars.ru, которыми в зависимости от целевой установки выделяются: прямые (наличие целевой установки) и косвенные (вне целевой установки) угрозы. Также, разработчиками указанного сайта по форме воздействия угрозы делятся: на непосредственные (направленные непосредственно на конкретный интерес) и опосредованные (действует через другие интересы). Полагаем, что данное деление отражает только отдельные свойства такого структурного элемента угрозы, как воздействия источника на объект угрозы.

Также А.В. Константинов, Ж.Д. Османов по уровням иерархии выделяют: глобальные, национальные, региональные, локальные угрозы (Константинов 2015). Лапшин Н.В. по масштабу – локальные, региональные, национальные (Лапшин 2014). Авторы коллективной монографии ЦВПИ МГИМО по масштабам угроз – глобальные, региональные, местные (Стратегическое прогнозирование международных отношений, 2015). На наш взгляд, указанные виды угроз отражают такое свойство как масштаб воздействия источника на объект угрозы.

Кроме того, в отдельных трудах (Константинов 2015), (Опалев 2010: 59), (www.Grandars.ru), (Нурпеисов 2009), помимо масштаба угрозы, также осуществляется классификация в зависимости от местонахождения источника угрозы на внешние (зарубежные) и внутренние (внутригосударственные) виды угроз.

Указанную классификацию Н.В. Лапшин отличает от схожей, основывающейся на отношении источника угрозы к системе, выделяя внутренние (внутрисистемные) и внешние (внешнесистемные) виды угроз (Лапшин 2014). Разработчики сайта www.Grandars.ru допол-

няют такое деление угрозами объективными (специально создаваемыми и внешними по отношению к системе реализации национальных интересов) и субъективными (результат ошибок в реализации национальных интересов) (www.Grandars.ru).

А.О. Линдэ делит угрозы на преднамеренные и непреднамеренные (Линдэ 2008: 8), основанием разграничения которых, на наш взгляд, является умысел. Данная классификация нуждается в соотнесении с приведенной Н.В. Лапшиным (Лапшин 2014), А.В. Опалевым и В.С. Пирумовым (Опалев 2010: 59), где деление источника угрозы осуществлено в зависимости от природы (механизма) возникновения, на природные (источник природные процессы и явления) и антропогенные, которые, свою очередь, подразделяются на следующие два вида. Техногенные (источник – созданные человеком технические сооружения и орудия труда) и антропогенные (источник – человек и социальные структуры). Соответственно, приведенное А.О. Линдэ деление угроз по умыслу можно рассматривать как подвид социальных антропогенных угроз.

Авторами коллективной монографии ЦВПИ МГИМО «Стратегическое прогнозирование международных отношений» в зависимости от состояния общественной системы страны (по функциям обеспечения безопасности) выделяются угрозы: надежности существования и возможности развития. Данную классификацию, на наш взгляд, можно выразить как угрозы стабильности, устойчивости и угрозы развитию, что выражается в конкурентных возможностях по отношению к внешнему миру и целям.

В международных стандартах угрозы также классифицируются в зависимости от иерархической структуры целей на угрозы: стратегическому, организационному уровню, уровням проекта, продукции и процесса.

Другие классификации угроз наиболее полно представлены в исследовании Н.В. Лапшина, где они делятся по составу – на простые и сложные; по времени – на краткосрочные и долгосрочные; по последствиям – на значительные и незначительные; по измеримости – на измеримые и неизмеримые; по предмету (материальности) – на материальные и нематериальные (Лапшин 2014).

Кроме того, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на таком качестве угроз, как их отношение к правовому режиму. Так, отдельные источники социальных угроз, например, террористические, экстремистские организации априори являются незаконными. Одновременно, противоречащими уголовному или администра-

тивному законодательству могут признаваться отдельные деяния, отражающие характер воздействия источника на объект угрозы.

Таким образом, анализ приведенных выше классификаций позволяет сделать вывод, что в них достаточно часто осуществляется деление на виды не собственно угроз, а только одного из их элементов. Например, объекта угрозы (национальных интересов) по видам общественных отношений на политические, экономические и т.д. Затем, это деление представляется как деление угроз на угрозы в сфере экономики, политики и т.д. Однако, такое деление препятствует всестороннему пониманию отдельных структурных элементов угрозы. Например, деление на внутренние и внешние угрозы можно отнести к «источнику угрозы» в зависимости от его расположения – на территории страны или за рубежом, а также к «объекту угрозы» в зависимости от места реализации национальных интересов – внутри страны или в отношениях с участниками международных отношений. При разделении угроз на внутренние и внешние такие аспекты, имеющие значение для выработки мер реагирования, всегда необходимо учитывать.

По этой причине, на наш взгляд, для формирования целостного и всестороннего представления об угрозе национальной безопасности рассмотренные классификации можно систематизировать следующим образом. Сначала распределить классификации в зависимости от структурного элемента угрозы, который они характеризуют (источник угрозы, объект угрозы или воздействие источника на объект угрозы).

После этого, применительно к описанию каждого структурного элемента угрозы национальной безопасности, классификации можно разбить на две следующие группы. Первая отражает основные свойства, то есть, структуру объекта угрозы, включая элементы объекта угрозы (национальных интересов), связи, их иерархию и состояние. К этой же группе можно отнести описание характеристик воздействия, которые будут иметь причинно-следственную связь с преобразованием структуры национальных интересов. Например, глубина, сила, масштаб, степень вероятности, стадия воздействия позволяют оценить, как и насколько будет трансформироваться структура объекта угрозы.

Вторая группа имеет вспомогательный характер, так как отнесенные к этой группе классификации не имеют причинно-следственной связи с преобразованием структуры объекта угрозы (национальных интересов), например, явное и скрытое воздействие.

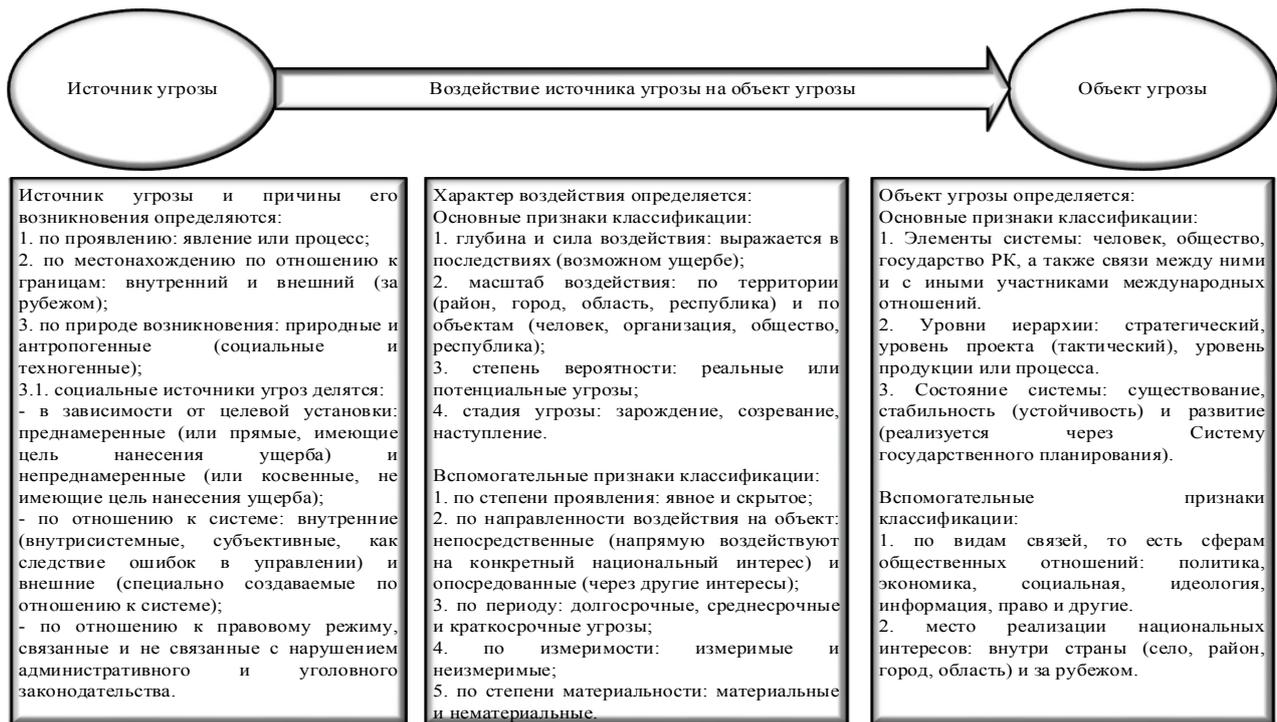

Рисунок 2 – Модель угрозы национальной безопасности

В целом, систематизация классификаций применительно к ранее выделенным структурным элементам угрозы национальной безопасности позволяет представить следующую модель (Рисунок 2).

Заключение

Для отнесения и описания какого-либо явления или процесса как угрозы национальной безопасности необходимо разработать модель данной угрозы на основе определения структуры соответствующего понятия, а также его объема, выражающегося в классификациях.

В рамках построения данной модели установлено, что структура угрозы национальной безопасности состоит из трех элементов: объек-

та угрозы, источника угрозы, воздействия источника на объект угрозы.

При классификации угроз в теории национальной безопасности нередко обеспечивается не объем всего понятия «угроза», а только объем его отдельных структурных элементов, что также требует распределения классификационных признаков между ранее выделенными элементами угрозы.

Состояние защищенности национальных интересов, как и степень опасности (уровень угрозы) для их реализации, определяются влиянием предполагаемых последствий (возможного ущерба) и вероятности их возникновения на существование, стабильность (устойчивость) и развитие в рамках Системы государственного планирования.

Литература

- Бектемиров А.К. Управление рисками на основе формирования модели ущерба от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Дисс ... канд. эконом. наук. – Алматы, 2006. – 178 с.
- Бельков О.А., Мирошниченко В.М. Опасность как социальное явление и научное понятие. Проблемы безопасности. // Наука-XXI, 2008. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.nic-nauka.ru>.
- Гацко М.Ф. Основы национальной безопасности. – Ногинск: Издание Ногинского филиала РАНХиГС, 2014. – 130 с.
- Гацко М.Ф. Сущность понятий «угроза» и «опасность» и их соотношение в военно-политической сфере // Проблемы внутренней безопасности России в XXI веке: Сб. матер. научно-практ. конф. – М.: Издательский фонд «Отечество», 2001. – С. 54-55.

- Демеуова Г.К. Совершенствование управления рисками в коммерческих банках при формировании конкурентоспособной экономики Республики Казахстан: Дисс ... канд. эконом. наук. – Алматы, 2004. – 148 с.
- Закон Республики Казахстан. О национальной безопасности Республики Казахстан. – 2012. – 6 января. – № 527-IV.
- Кайгородцев А.А. Экономическая и продовольственная безопасность Казахстана. Вопросы теории, методологии, практики. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006. – 384 с.
- Канцерова Э.М. Страновые экономические риски и обеспечение национальной безопасности Республики Казахстан: Дисс ... канд. эконом. наук. – Алматы, 2000. – 155 с.
- Кравчук А.А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета, 2016. – Т.22, №11, – С. 65-74. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-vyzov-opasnost-ugroza-v-teorii-natsionalnoy-bezopasnosti>.
- Краткий словарь по логике. / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. / Под ред. Горского Д.П. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
- Стратегическое прогнозирование международных отношений. Коллективная монография ЦВПИ МГИМО. – Москва, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.eurasian-defence.ru/?q=node/39158>.
- Константинов А.В., Османов Ж.Д. Система угроз экономической безопасности национального хозяйства в современных условиях хозяйствования. Лесотехнический журнал, 2015. – 1/2015. – С.250-264. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://lestehjournal.ru/journal/2015/no-1/sistema-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-natsionalnogo-hozyaystva-v-sovremennyh>.
- Лапшин Н.В. Структура угроз экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. – 2014, – Т. 9. № 12. – С.151-156. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii>.
- Линдэ А.О. Международно-правовые основы борьбы государства с угрозами национальной (государственной) безопасности: Автореферат дисс... канд. юрид. наук. – М.: МВД РФ, 2008. – 29 с.
- Мамонов В.В. Концепция нового Закона «О национальной безопасности Республики Казахстан» в контексте его основных понятий // ҚР ҰҚК Академиясының Хабаршысы. – Алматы, 2014. – №2(17). – С.59-64.
- Международный Стандарт ISO 31000:2009 «Риск-Менеджмент – Принципы и руководства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.risk-academy.ru/download/iso31000>.
- Национальная безопасность Республики Казахстан: Учебное пособие / под ред. Р.А. Нуртазиной. – Алматы: Издательство “Бастау”, 2014. – 352 с.
- Национальная безопасность Казахстана: иерархия угроз / под ред. Е.А. Карина. – Алматы: Центральноазиатское агентство политических исследований, 2000. – 302 с.
- Нурпеисов Д.К. Теоретико-правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2009. – 42 с.
- Нурпеисов М.С. Управление рисками в нефтегазодобывающей отрасли (на материалах Кызылординской области): Дисс ... канд.эконом.наук. – Алматы, 2005. – 149 с.
- Опалев А.В., Пирумов В.С. Национальная безопасность. – М.: Оружие и технологии, 2010. – 232 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/ugrozy-bezopasnosti.html>
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2017 года № 790 Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан // Информационно-правовая система ‘Әділет’. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: adilet.zan.kz/rus/doc/12.07.2019.
- Приоритеты национальной безопасности в условиях глобализации / Е.Б. Жатканбаев, К.И. Байзакова, Г.Т., Куренкеева и др. / Отв. ред. Е.Б. Жатканбаев. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 330 с.
- Рахманова Г.Б. Казахстан и проблемы безопасности в Центральной Азии. – Алматы, 2006. – 224 с.
- Сатпаев Д., Спанов М.У. Национальная безопасность Республики Казахстан: опыт определения // Евразийское сообщество. – 1998. – № 4. – С.54-84.
- Сейсебаева Р.Б. Риск в технологиях политического процесса Республики Казахстан: дисс ... канд.полит.наук. – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2006. – 127 с.
- Смагулов К.Е., Кучинская Ю.В. Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан (1991–2011 гг.): монография / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2016. – 260 с.
- Угрозы национальным интересам Казахстана / под ред. Е.Б. Жатканбаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2004. – 106 с.
- Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов.Энциклопедия, 1983. – 840 с.
- Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology. Henry H. Willis, Mary Tighe, Andrew Lau-land, Liisa Ecola, Shoshana R. Shelton, Meagan L. Smith, John G. Rivers, Kristin J. Leuschner, Terry Marsh, Daniel M. Gerstein. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2018. – 81 с.

References

- Belkov O.A., Miroshnichenko V.M. (2008) *Opasnost' kak social'noe yavlenie i nauchnoe ponyatie. Problemy bezopasnosti* [Danger as a social phenomenon and a scientific concept. Security issues]. Nauka-XXI, 1. URL: <https://www.nic-nauka.ru>. [in Russian].
- Bektimirov A.K. (2006) *Upravlenie riskami na osnove formirovaniya modeli usherba ot chrezvichainyh situatsiy prirodnogo i tehnogennogo haraktera* [Risk management based on the formation of a model of damage from natural and man-made emergencies]. Diss kand.ekonom.nauk [Diss. of candidate of economic sciences]. Almaty, 178 p.
- Demeuova G.K. (2004) *Sovershenstvovanie upravleniya v kommercheskih bankah pri formirovanii konkurentosposobnoy ekonomiki Respubliki Kazakhstan* [Improving risk management in commercial banks in the formation of a competitive economy of the Republic of Kazakhstan]. Diss kand.ekonom.nauk [Diss. of candidate of economic sciences]. Almaty, 148 p.
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary] (1983), Glavnaya redaktsiya: L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov (Sovetskaya Entsiklopediya [Soviet Encyclopedia]). Moscow, 840 p.
- Gatsko M.F. (2001) *Sushnost' ponyatiy "ugroza" i "opasnost'" i ih sootnoshenie v voenno-politicheskoy sfere* [The essence of the concepts of "threat" and "danger" and their relationship in the military-political sphere]. Problemy vnutrenney bezopasnosti Rossii v XXI veke: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsiy [Problems of internal security of Russia in the XXI century: Collection of the material of the scientific-practical conference]. Izdatel'skiy fond "Otechestvo". Moscow, pp. 54-55.
- Gatsko M.F. (2014) *Osnovy natsional'noy bezopasnosti* [Basics of national security]. Izdanie Noginskogo filiala RANHiGS [Publishing of the Noginsk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration]. Noginsk, 130 p.
- Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology (2018), Henry H. Willis, Mary Tighe, Andrew Lauland, Liisa Ecola, Shoshana R. Shelton, Meagan L. Smith, John G. Rivers, Kristin J. Leuschner, Terry Marsh, Daniel M. Gerstein. Published by the RAND Corporation. Santa Monica, Calif. – 81 p.
- Kaigarodtsev A.A. (2006) *Economicheskaya i prodovolstvennaya bezopasnost' Kazakhstana. Voprosy teorii, metodologii, praktiki* [Economic and food security of Kazakhstan. Questions of theory, methodology, practice]. Media Alliance. Ust' Kamengorsk, 384 p.
- Kantserova I.M. (2000) *Stranovye riski i obespechenie natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan* [Country economic risks and ensuring the national security of the Republic of Kazakhstan]. Diss kand. Ekonom. nauk [Diss. of candidate of economic sciences]. Almaty, 155 p.
- Kollektivnaya monografiya TsVPI MGIMO «Strategicheskoye prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy» [The collective monograph of the Center for Military-Political Studies of MGIMO "Strategic Forecasting of International Relations"]. URL: <https://www.eurasian-defence.ru/?q=node/39158>.
- Konstantinov A.V. i Osmanov Zh.D. (2015) *Sistema ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti natsionalnogo hozyaystva v sovremennykh usloviyakh hozyaystvovaniya* [The system of threats to the economic security of the national economy in modern economic conditions]. Lesotekhnicheskii zhurnal [Forest Engineering Journal], 1/2015, 250-264. URL: <https://lestehjournal.ru/journal/2015/no-1/sistema-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-natsionalnogo-hozyaystva-v-sovremennykh>.
- Kravchuk A.A. (2016) *Kategorii "vyzov", "opasnost'", "ugroza" v teorii natsional'noy bezopasnosti* [The categories "challenge", "danger", "threat" in the theory of national security]. Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Zabaikal State University], T.22, №11, 65-74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-vyzov-opasnost-ugroza-v-teorii-natsionalnoy-bezopasnosti>.
- Kratkiy slovar' po logike [A brief dictionary of logic] (1991), D.P. Gorskiy, A.A. Ivin, A.L. Nikiforov; Pod red. Gorskogo D.P. Moscow: Prosvesheniye, 208 p.
- Lapshin N.V. (2014) *Struktura ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [The structure of threats to the economic security of Russia. Socio-economic phenomena and processes]. T. 9. № 12, 151-156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii>.
- Linde A.O. (2008) *Mezhdunarodno-pravovyye osnovy bor'by gosudarstva s ugrozami natsional'noy (gosudarstvennoy) bezopasnosti* [International legal foundations of the state's struggle against threats to national (state) security]. Avtorefferat diss kandidat uridicheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of doctor of juridical sciences]. MVD RF Ministry of Internal Affairs of the RF, Moscow, 29 p.
- Mamonov V.V. (2014) *Koncepciya novogo Zakona «O natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazahstan» v kontekste ego osnovnykh ponyatiy* [The concept of the new Law "About National Security of the Republic of Kazakhstan" in the context of its basic concepts]// KR UKK Akademiya synyn Habarshysy [Bulletin of Academy of NSC of RK], №2(17). Almaty, pp 59-64.
- Natsional'naya bezopasnost' Respubliki Kazakhstan [National Security of the Republic of Kazakhstan] (2014), Uchebnoye posobie. pod red. R.A. Nurtazinoy. Almaty: Bastau, 352 p.
- Natsionalnaya bezopasnost' Kazakhstana: ierarhiya ugroz [National Security of Kazakhstan: The Hierarchy of Threats] (2000), pod red. E.A. Karina. Tsentral'noasiatskoe agentstvo politicheskikh issledovaniy. Almaty, 302 p.
- Nurpeisov M.S. (2005) *Upravlenie riskami v neftegazovoy otrasli (na materialakh Kyzylordinskoy oblasti)* [Risk management in the oil and gas industry (based on materials from the Kyzylorda region)]. Diss kand.ekonom.nauk [Diss. of candidate of economic sciences]. Almaty, 149 p.

Nurpeisov D.K. (2009) *Teoretiko-pravovye problemy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan* [Theoretical and legal problems of maintenance of national security of the Republic of Kazakhstan]. Avtoreferat diss doctor uridicheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of doctor of juridical sciences]. KazNU im al'-Farabi. Almaty, 42 p.

Opalev A.V., Pirumov V.S. (2010) *Natsionalnaya bezopasnost'* [National security]. *Oruzhie i tehnologii* [Arms and Technologies], Moscow, 232 p. URL: <https://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/ugrozy-bezopasnosti.html> (accessed 30.07.2019).

Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan ot 29 yanvarya 2017 goda № 790 'Ob utverzhdenii Sistemy gosudarstvennogo planirovaniya v Respublike Kazakhstan' [On approval of the State Planning System in the Republic of Kazakhstan] // *Informatsionn-j-pravovaya sistema 'Adilet'*. URL: adilet.zan.kz/rus/dock/.

Prioritety natsional'noy bezopasnosti v usloviyah globalizatsii [Priorities of national security in the context of globalization] (2001) E.B. Zhatkanbaev, K.I. Baizakova, G.T. Kurenkova i drugie; Otv.red. E.B. Zhatkanbaev. Kazakh universiteti. Almaty, 330 p.

Rahmanova G.B. (2006) *Kazakhstan i problemy bezopasnosti v Tsentral'noy Asii* [Kazakhstan and security issues in Central Asia]. Almaty, 224.

Risk management – Guidelines. International standard. ISO 31000:2009, 2-e izdanie, 2018, 19 p. URL: <https://www.risk-academy.ru/download/iso31000>.

Satpaev D., Spanov M.U. (1998) *Natsional'naya bezopasnost' Respubliki Kazakhstan: opyt opredeleniya* [National Security of the Republic of Kazakhstan: Experience of Definition]. *Evraziyskoe soobshestvo* [Eurasian Community], pp. 54-84.

Seysebaeva R.B. (2006) *Risk v tehnologiyah politicheskogo processa Respubliki Razakhstan* [Risk in the technologies of the political process of the Republic of Kazakhstan]. Diss kand.polit.nauk [Diss. of candidate of political sciences]. KazNU im.al'-Farabi. Almaty, 127 p.

Smagulov K.E., Kuchinskaya Yu.V. (2016) *Gosudarstvennaya politika v sfere obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan (1991–2011 yy.): monografiya* [State policy in the field of ensuring the national security of the Republic of Kazakhstan (1991–2011): monograph]. Pod. obsh. red. Z.K. Shaukenovoy. Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK. Almaty, 260 p.

Ugrozy natsional'nym interesam Kazakhstana [Threats to the national interests of Kazakhstan] (2004), pod red. E.B. Zhatkanbaeva. Kazakh Universiteti. Almaty, 106 p.

Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 yanvarya 2012 goda №527-IV «O natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan» [Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012, No. 527-IV «On the National Security of the Republic of Kazakhstan»]. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31106860.

**Zhetpisbayev B.A., Urisbaeva A.A.²,
Aldashev S.M.³, Yermukhametova S.R.⁴**

¹doctor of law, Professor

²masters of law, e-mail: narynury01@gmail.com

³candidate of law, e-mail:aldashev.sarsengaly@gmail.com

⁴candidate of law, e-mail:saulehan11r@mail.ru

Al-Farabi Kazakh national University, Kazakhstan, Almaty

**CONFLICTS AND SOCIAL DEVIATIONS
IN THE BEHAVIOR OF THE MINOR**

In the study of the problems of conflicts and social deviations in the behavior of minors, it is necessary to proceed from the General thesis that the epistemological roots of the study of problems of conflicts are interdisciplinary in nature, involving an integrated approach to their solution using the scientific achievements of many Sciences: philosophy, logic, sociology, law, pedagogy, psychology, psychiatry, etc. Among the various areas of legal sociology is becoming increasingly important legal (legal) conflictology, which studies the legal relations, norms and institutions in terms of their use for the prevention, prevention and resolution of conflicts. This problem for legal science is new for two reasons: first, due to the lack of development of General conflictology as an independent complex socio-psychological discipline; secondly, the dogmatic study of the law without studying the nature of the conflict and social deviations in the behavior of minors does not contribute to a broader understanding of it, including as a tool for dealing with social and psychological conflicts.

Key words: conflict, conflictology, social deviations, deviant behavior, juvenile, socialization, social contradictions, offenses, social control, measures of struggle, punishment.

Жетпісбаев Б.А.¹, Урисбаева А.А.²,
Алдашев С.М.³, Ермухаметова С.Р.⁴

¹з.ғ.д., профессор

²з.ғ.м., аға оқытушы, e-mail: narynury01@gmail.com

³з.ғ.к., доцент, e-mail:aldashev.sarsengaly@gmail.com

⁴з.ғ.к., доцент, e-mail:saulehan11r@mail.ru

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**Кәмелетке толмағандардың мінез-құлқындағы
жанжалдар мен әлеуметтік ауытқулар**

Кәмелетке толмағандардың мінез-құлқындағы қақтығыстар мен әлеуметтік ауытқулар проблемаларын зерттеу кезінде жанжалдар проблематикасын зерттеудің гносеологиялық тамырлары көптеген ғылымның ғылыми жетістіктерін: философияны, логиканы, әлеуметтануды, құқықты, педагогиканы, психологияны, психиатрияны және т. б. пайдалана отырып, оларды шешуге кешенді көзқарасты көздейтін пәнаралық сипатқа ие екендігі туралы жалпы тезисті негізге алу қажет.

Құқықтық әлеуметтанудың әртүрлі бағыттары арасында құқықтық (заңдық) конфликтология үлкен мәнге ие болады, ол құқықтық қатынастарды, нормалар мен институттарды қақтығыстардың алдын алу, алдын алу және шешу үшін оларды пайдалану тұрғысынан зерделейді. Құқықтық ғылым үшін бұл мәселе екі себеп бойынша жаңа болып табылады: біріншіден, жалпы конфликтологияның дербес кешенді әлеуметтік-психологиялық дисциплина ретінде дамуының жеткіліксіздігіне байланысты; екіншіден, жанжал табиғатын және кәмелетке толмағандардың мінез-құлқындағы әлеуметтік ауытқуларды зерттемей, құқықты догматикалық тұрғыдан зерделеу оны кеңірек түсінуге, оның ішінде әлеуметтік және психологиялық жанжалдармен жұмыс істеу құралы ретінде де ықпал етпейді.

Түйін сөздер: жанжал, конфликтология, әлеуметтік ауытқулар, девиантты мінез-құлық, кәмелетке толмаған, әлеуметтендіру, әлеуметтік қайшылықтар, құқық бұзушылықтар, әлеуметтік бақылау, күрес шаралары, жаза.

Жетписбаев Б.А.¹, Урисбаева А.А.²,
Алдашев С.М.³, Ермухаметова С.Р.⁴

¹д.ю.н., профессор

²м.ю.н., старший преподаватель, e-mail: narynury01@gmail.com

³к.ю.н., профессор, e-mail: aldashev.sarsengaly@gmail.com

⁴к.ю.н., доцент, e-mail: saulehan11r@mail.ru

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Конфликты и социальные отклонения в поведении несовершеннолетних

При исследовании проблем конфликтов и социальных отклонений в поведении несовершеннолетних необходимо исходить из общего тезиса о том, что гносеологические корни исследования проблематики конфликтов имеют междисциплинарный характер, предполагающий комплексный подход к их решению с использованием научных достижений многих наук: философии, логики, социологии, права, педагогики, психологии, психиатрии и др. Среди различных направлений правовой социологии все большую значимость приобретает правовая (юридическая) конфликтология, которая изучает правовые отношения, нормы и институты под углом зрения использования их для предотвращения, предупреждения и разрешения конфликтов. Данная проблематика для правовой науки является новой по двум причинам: во-первых, в силу недостаточности развития общей конфликтологии как самостоятельной комплексной социально-психологической дисциплины; во-вторых, догматическое изучение права без изучения природы конфликта и социальных отклонений в поведении несовершеннолетних, не способствует более широкому его пониманию, в том числе и как инструмента обращения с социальными и психологическими конфликтами.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, социальные отклонения, девиантное поведение, несовершеннолетний, социализация, социальные противоречия, правонарушения, социальный контроль, меры борьбы, наказание.

Introduction

Political, economic and social transformations, the transition to civil society and the construction of the rule of law are characterized by two large-scale trends. On the one hand, it is the liberalization and democratization of all spheres of public life and the corresponding legal reforms. On the other hand, it is the aggravation of social contradictions, inter-ethnic, inter-group, interpersonal conflicts, the participants of which, along with the adults, and minors (Zhetpisbayev 2001 a: 73).

Conflicts have many forms of manifestation: acts of violent confrontation, escalation of violence, aggression, internal discomfort, social dissatisfaction, etc. At the same time, among minors, there is an increase in destructiveness, brutality of these forms of confrontational interaction (Zhetpisbaev 1998 b: 14).

Another characteristic is the growth and prevalence in the environment of juvenile acts of violence, which one encounters in everyday life, as they say, literally at every step: on the street, at school, in places of mass recreation, in the market, at the entrance of his own house in the cinema, etc. All this necessitates the development of special measures for comprehensively confronting conflicts arising among minors.

And here, in our opinion, the role of juvenile justice bodies specialized in dealing with conflict issues of minors is indisputable. What has been said could not be better actualizes the overall importance of the problems of conflict of minors and the organization of social and legal measures, to eliminate their causes and conditions, as well as to develop a set of measures to combat these manifestations, within the competence of the juvenile justice bodies.

Among the various areas of legal sociology, legal (conflict) conflictology is becoming increasingly important, which studies legal relations, norms and institutions from the point of view of using them to prevent, prevent and resolve conflicts (Kazimirchuk 1995: 212). This problem for legal science is new for two reasons:

– firstly, due to the insufficiency of the development of general conflictology as an independent complex socio-psychological discipline (Dmitriev 1993: 4);

– secondly, the dogmatic study of law without studying the nature of the conflict does not contribute to a broader understanding of it, including as an instrument for dealing with social and psychological conflicts (Kazimirchuk 1995: 212).

Based on the contribution of scientists to legal science and practice, it can be concluded

that the prevailing concepts of «wrongdoing», «misconduct» and others do not adequately reflect the nature of the actions and offenses of minors. This is explained by the fact that, before committing an act of an unlawful nature, a juvenile offender usually commits such acts, which can be subjected not only to evaluation, but also to the procedure for their consideration by special bodies and services. This judgment is quite reliably and reasoned that it is possible to illustrate with the example of the social service of mediation, the purpose of which is to comprehensively understand the conflict or conflict between the parties and bring the parties to a truce, not bringing the matter to judicial proceedings (Zhetpisbaev 2005 c: 5).

Each juvenile offence is usually preceded by a conflict (group, interpersonal, intrapersonal, etc.). At the same time, any committed offense is also a conflict, but a conflict for which legal liability is provided for in accordance with the law. Conflicts that precede offenses also cause discomfort in the system of social relations. They cause a public outcry, condemned by morality and ethics, although on the surface it would seem that they do not violate the law and not cause a firestorm of public opinion which may arise as a result of a violation of the rule of law and attracting a juvenile offender to the legal responsibility. At the same time, they, as well as offenses, cause damage to the established and existing social relations in society, subject them to deformation.

In many cases, a fair punishment “removes the burden” from the soul of the offender, brings him moral relief, thereby eliminating intrapersonal conflict. In everyday life, it is determined that the personality of a juvenile offender has no established stereotypes, it is multifaceted and multifaceted, endowed with moral autonomy, which can also be a conflict. In some cases, the offence committed, regardless of its significance, is perceived by the juvenile offender, first of all, as his own mental trauma, inflicted both personally and to the people around him. Therefore, it causes internal feelings of the minor, a sense of remorse of the offender in the offense. In another case, despite the gravity of the offence committed, it does not cause such moral suffering for the juvenile offender, and the latter expects that the public, officials or bodies dealing with his case will show some leniency, and the case will subsequently be forgotten. These trends in intrapersonal conflicts demonstrate the infinite nature of the conflict, but at the same time allow us to draw conclusions that it is necessary to carry out at least the most General systematization of

existing knowledge about the conflicts of minors, to determine their methodological and theoretical foundations, to outline the contours of the current paradigm of conflict studies, to outline algorithms for prospects and ways of their development.

Methods and theoretical and methodological basis

In the study on the legal nature of conflicts and social deviations among minors, the dialectical method of cognition and the system approach to the study of social, legal and psychological phenomena arising in the system of conceptual and theoretical problems of conflicts and social deviations in the behavior of minors are used as a methodological basis.

The methodological base is characterized by both traditional and new innovative approaches, methods and techniques for the study of legal relations under consideration. In the process of research, the methods of analysis and synthesis, modeling, generalization, forecasting, abstraction, historical and legal, comparative legal, formal legal and other methods were applied.

Unfortunately, the development of certain aspects of the whole system of problems of legal conflictology, Kazakhstan researchers were engaged only fragmentary. At the same time, these developments constitute the starting point for the actualization of the problem being studied in the context of disclosing their internal psychological content, genesis, etiology, dynamics, the end of the conflict, the result and consequences of the conflict, the common denominator of which is, as a rule, a perfect offense, presented and as a consequence of the conflict, and how the conflict itself took place.

The concept of conflict is ambiguous and therefore there are many definitions of the definition of the term «conflict». In the literature of the Soviet period, conflicts were perceived as certain contradictions or opposites. However, in our opinion, well-established stereotypical beliefs regarding this kind of understanding of conflicts were thoroughly shaken as a result of the most in-depth studies conducted by V.N. Kudryavtsev. He is convinced that «contradictions and conflict cannot be regarded as synonymous. Contradictions, opposites, differences – these are necessary, but sufficient conditions for conflict. Opposites and contradictions turn into a conflict only when the forces that are their carriers begin to interact» (Dmitriev 1993).

Conflict as a process of collision of two different parties at the level of individual experiences and

drives indicates the psychological nature of its manifestation. The emergence of conflict at the level of interpersonal or group relationships of different levels and complexity, as a rule, is considered from the standpoint of its social nature. In various sources, these approaches are opposed to each other and absolutized. All this gives rise to a significant difficulty in understanding the true nature of the conflict. This complexity is further enhanced by the fact that the social and environmental manifestation of the conflict is extremely diverse, which gives rise to an idea of the fundamental unresolved problems.

The problem of conflict and its resolution is of interest for understanding the behavior of an individual as well as ensuring effective management of processes at any social level. Understanding its meaning is important when juvenile justice administrators administer juvenile offenders.

Summarizing the diversity of the definitions of the conflict, D.P. Zerkin suggests the following definition of conflict: «conflict (collision) is the confrontation of public actors with the goal of realizing their conflicting interests, positions, values and attitudes» (Zerkin 1998: 38).

From the point of view of A.Y. Antsupova and A.I. Shipilova: «Conflict is the most acute way of resolving significant contradictions that arise in the process of interaction, which consists in counteracting the subjects of the conflict and usually accompanied by negative emotions.

In some cases, the concept of conflict is embedded in the concept of confrontation of mutually exclusive bases in the development of a process or phenomenon. In an equivalent sense, the terms used are «ambivalence», «antinomy», «deviation», «dichotomy». Conflict in absolute sense understanding is an integral feature of the self-organizing process» (Antsupov 1999: 80).

Legal conflict – a kind of social conflict. For the latter, at least two sides are always needed, which are in contact, interact. In this interaction, the actions of the parties are aimed at achieving mutually exclusive goals and, therefore, collide. Strong tension is characteristic of all conflicts, which induces people to change this situation, either to adapt to it or to protect themselves from it» (Kazimirchuk 1995: 213).

In the data and in many other definitions, the conflict is primarily associated with a contradiction or one of its moments – the struggle of opposites. For example, in the interpretation of the American conflictologist L. Kozer, conflict is a struggle for values and claims for a certain status, power, and resources. According to another American author,

K. Boulding, the conflict marks a conscious and matured contradictions and conflicts of interests. R. Dahrendorf understood as a conflict all structurally-produced relations of opposites between norms and expectations, institutions and groups.

In the «Short Dictionary of Sociology», conflict is characterized «as the highest stage in the development of contradictions in the system of relations between people, social groups, social institutions, and society as a whole, which is determined by the intensification of opposing tendencies and interests of social communities and individuals.»

So, the concept of conflict is inextricably linked with the philosophical concept of contradiction, or rather, with the content of the philosophical law of “unity and struggle of opposites.”

Results

Without pretending to the incontestability of the provisions in the analysis of the epistemological and logical aspects of conflict management, we restrict ourselves to this problem, taking into account the peculiarities of the social nature of juvenile violators of legal prohibitions. It seems that in this case it is more important to focus not so much on the violation of legal norms, as on the creation of legal and other conditions and procedures for resolving the problems of deviant behavior of the minor. The focus on the contradictions between the consciousness and the action of the juvenile offender and the legal norm requires careful analysis” (Zhetpisbayev 2002d: 49).

Superficial judgments, fueled by everyday consciousness, as a rule, do not personify a person, and inevitably lead to a desire not so much to explain the reasons for such behavior as to look for measures to prevent them or punish the offender. Epistemological flaw is detected when the original is issued as a crown of knowledge, the explanation of the causes of offense is reduced to indicating the imperfection of a private property» (Weisberg 1996: 29).

Certain flaws are issued for the real being, which later inexorably can affect or even predetermine the fate of a minor, an assessment of his behavior. In short, those cases where a set of circumstances actually replaces the analysis of the nature of the phenomenon. As a result, not only individual researchers, but also employees of law enforcement, judicial and other bodies, without making special intellectual efforts, give the significance of a perfect whole to a separate, particular (condition, vice, circumstance, etc.). At the same time,

surface induction, sliding from one factor to another, provides science with various kinds of generalizations expressing correlations between offense and various social factors: «alcoholism is the cause of many offenses», «many offenders leave troubled and incomplete families», «strengthening social control helps reduce crime», etc.

In this regard, the facts of increasing criminal convictions and an increase in the intensity of the dynamics of offenses committed by minors are quite understandable. Most often this happens because «semi-professionals» and even «casual» specialists work with juvenile offenders and most often this phenomenon occurs among law enforcement officers working with juvenile offenders. Therefore, in a number of foreign countries, to work with minors, as a specialist in juvenile justice (judges, lawyers, police officers, etc.), only the best representatives of these professions are carefully selected.

At the same time, the law of violation among minors is a kind of litmus indicator, determining the consistency, excellence, dynamism of the public relations existing in the state in the fight against crime.

In this regard, one cannot but agree with V.N. Kudryavtsev, who, illustrating the process of forming the personality of a minor, makes the following essential remark: «Without much difficulty, we notice that there is a definite connection between the age of adolescents and the level of their intellectual development. The older students and children, the more they know and think better. Is it possible on this basis to assume that the reason for the increase in the level of knowledge of schoolchildren is their age? Apparently, such a judgment would be somewhat superficial. It's not in itself the number of past years makes a person smarter, more cultured and more educated» (Kudryavtsev 1976: 12).

Even in the context of freedom of choice (on freedom and lack of freedom) of the behavior of the personality of a minor, the focus should be not so much on the decision results as on the structure of motives and goals underlying the volitional act (Kudryavtsev 1976: 102) that is, systemic characteristics of behavior personality of a minor in the unity of rational and emotional components.

This conclusion is confirmed by a variety of studies: G.S. Minkovsky (data for 1966), L.M., A.A. Taranova (data for 1993–95) and his own data (data for 1995–2018), which confirm that the juvenile's misconduct is far from always can be explained by the closest factors (family, social environment, etc.), that is, not always «Apple from apple» acts with the

inevitable categoricalness of the social dominant.

The dynamics of social deviations in juvenile offenders depends on various factors, but in examining them, one should not lose sight of the fact that the right does not affect the entire consciousness of a person.

Agreeing that in this case legal consciousness acts as a direct object, it is important not to forget how much moral autonomy, freedom of choice of form of behavior is developed in the personality of the minor.

If it (moral autonomy) is absent, then the moral capitulation of the individual before circumstances, corporate rules is possible. The offense itself is an open expression of the moral crisis of the personality (Platonov 1972: 138-139). It is not by chance that the ancients claimed that «laws are weak without morals.»

Internal freedom of the individual, arising from the autonomy of the will, creates conditions for the formulation of such universal laws (moral laws) that have objective significance, making them independent of natural laws, of the laws of causality (Kudryavtsev 1976: 122). Such ethical conclusions reveal to us not only the greatness of free will, but also provide us with the key to understanding the relationship of moral convictions and legal prescriptions. In the most academic formula, these provisions found a generalization in the statements of I. Kant. His imperative as applied to morality is expressed in the rule: «act only according to such a maxim, guided by which at the same time you may wish it to become a universal law» (Kant 2004: 260), and as applied to law, this imperative sounds like this: «act outwardly so that the free manifestation of your arbitrariness is compatible with the freedom of everyone, in accordance with the universal law».

Famous Jurist S.C. Alekseev believes that the historical line of law in the life of society is directly, directly dictated by its deep-seated requirements, namely: «to bring into the acute situation caused by various conflicts (personal, group and others) permanent and firm principles based on the principles of civil peace, appeasement, consent, taking into account various mutual, coordinated interests to ensure and protect the status of an autonomous person, to provide him with a reliable and guaranteed scope and measure of free behavior (Alekseev 1994: 54).

These requirements fully apply to the law. It is the law that ensures the institutionalization of the interaction between the citizen and the state, the individual and the state authorities. And it is

here that certain prerequisites are created to ensure the protection of the juvenile offender and the application of educational and legal measures to him. Since, committing offenses that do not represent a great public danger, juvenile offenders for the first time face the imperative requirements of the law. That is why it is so important to trace the nature of the deviant behavior of a minor in order to prevent further criminalization of the consciousness of the minor offender and not be forced to resort to more severe measures of legal influence (punishment).

The leading role in the occurrence and development of deviations in the character of a minor, according to Yu.M. Antonyan and V.V. Yustitsky plays a complex of the following factors:

- accumulation of characterological consequences of unsatisfactory life problems;
- errors in education that impede the socialization of the individual;
- the processes of one-sided development of personality, which are especially active when the accentuated trait reaches a certain level of qualitative manifestation;
- violation of mental and socio-psychological processes that provide social control and regulation of the quantitative expression of a character trait (Antonyan 1993, 50).

Typological signs of factors affecting the manifestation of unlawful actions by minors do not always allow to identify the individual characteristics of the offense, but these signs characterize the background of social deviations and provide answers to the questions why it (the offense) took place. Therefore, it is important to know and take into account to what extent, and how the accentuation of the character of the minor contributed to the offense. It is important to identify whether there was a strong emotion caused by the wrong actions of the victim, whether there were threats and other forms of coercion against the minor, the presence and degree of his material or other dependence on the persons who pushed him to the offense. And, of course, the reasons for the question: «Were there other motives and antisocial needs in committing an offense to a minor?»

Analyzing the genesis of a deviant behavioral act, V.V. Lunev notes: «We hold the opinion that antisocial needs and motives as such do not exist, as, incidentally, apparently, one cannot speak of socially useful and even socially neutral motivations in relation to criminal behavior. By the same outwardly similar motivation, both a crime and a noble act can be committed. Revenge of the

neighbor for the offense, realized in the infliction of bodily injury, is antisocial, and revenge on the enemy of our Motherland is sacred.

Attempts by some authors once and for all to enlist some of the motives as antisocial, others as socially neutral, and still others as socially useful were not productive. Social assessment of the motive depends not on its abstract content, but on what social relations it is included in and what social relations it is opposed to. Regardless of specific social relations, motives, like needs, are socially neutral. They cannot be, properly assessed in terms of social utility or harm. The latter are not concluded in the nature of the motives as such, but in their function, which is revealed through the relationship of the motive with other elements of criminal behavior (with the goal, the choice of means to achieve it, the consequences), through the relationship with those social values that the subject neglected, realizing his desire” (Kudryavtsev 1986 b: 30-31).

It is correctly noted in the literature that life processes that develop under the influence of the consciousness of people and groups must be perceived critically. The emergence of conflicts and social deviations in the behavior of a minor does not always have the same nature of origin, but at the same time contain a lot of factors contributing to their organic association and «joint efforts” influencing:

- on the formation of the character of a minor;
- provoke a minor to communicate outside the home and visit the «low-key” places, institutions;
- to ignore the minor social values that have developed in the society, the sanctity of family relations, family ties;
- to violate the rights and freedoms of others, if they are in a position dependent on it (children, elderly parents, etc.);
- creating an environment of tension, nervousness, mutual intolerance, etc. (Bandurka 1997).

Of course, to make a categorical conclusion that these circumstances finally «maim” the identity of the minor, regardless of their significant significance, would be premature and obstructing an attempt to penetrate the true nature of these phenomena. Indeed, it is not the magnitude of the fluctuation of the indicators of circumstances that makes it possible to judge the degree of stability of their influence on the behavior of the minor. Researchers note that despite the deformations in the consciousness of the individual, a significant part of minors prone to committing offenses are

valued, perhaps even subconsciously, by qualities such as honesty and decency. Although it is perhaps these qualities that are the conflict environment that forms the rejecting behavior of a minor, despite their positive orientation. If a minor reproduces in his actions his own idea of moral categories that are formed as a result of the influence of his environment, then one can quite positively say that these moral principles are a social mask, behind which corporate attitudes are dictated by the hope of self-preservation. Therefore, the original installation often contains erroneous versions for the following reasons:

- firstly, the requirements of law-abiding behavior in a juvenile offender reproduce the model of the conscious adaptation of the individual to the available world;

- secondly, the deliberate reassignment of other norms and values calls for submissive submission to reality;

- thirdly, such attitudes do not create conditions for the development of a minor person, as an individual capable of improving himself and the surrounding reality.

And although in legal literature it is emphasized that the right holds in its principles, institutions and norms the most rational, scientifically grounded, progressive variants (models) of human behavior that benefit both the society as a whole, proceeding from the task of improving social relations, and the personality itself with the right understanding of its objective interests.

It should be understood that whatever reasonable models of human behavior, enshrined in the rule of law, but the process of legal education can not only be determined by the power will of the institutions of the state, and the genesis of legal norms goes beyond the legislator's activities, since actual patterns of typical mass behavior nature, he (the legislator) draws not from some categorical imperatives, set aside in the mind itself, but from life itself (Yavich L. S., 1985: 118-119).

Thus, the compulsory formation of law-abiding behavior of a minor should not be an end in itself. The carrier of such morality means by education of morality a conscious adjustment of the personality to the world in existence, its implantation in the social fabric of a social organism.

At the same time in best ways, the company receives conformists there are all reasons to believe that the internal assimilation of legal requirements should be a device for the minor in the formation of his legal orientation and social organization.

Discussion

In modern law literature, an interesting situation has arisen in assessing the misconduct of minors, expressed in the form of conflict:

- in some cases, possible conflicts and conflicts in the war denying minors, subsequently developing into offenses are considered in relation to the problems: personality, freedom, law (V.A. Kuchinsky, F.M. Orzikh, etc.);

- in others, the genesis of the behavior of the minor's personality and the use of valuable qualities in the legal impact on conflict, illegal, criminal actions (V.N. Kudryavtsev, O. L. Dubovik and etc.);

- thirdly, models (theological, rationalistic, anthropological, psychological) in the context of suppression minor behavior of the minor and their conflicts (A.M. Yakovlev, U.S. Dzhekebaev, etc.);

- in the fourth – the dynamics of conflicts of minors are considered in the context of social, economic conditions of society, the level of culture, traditions inherent in the state and people inhabiting it, national characteristics and even religious beliefs (A. A. Taranov, B. A. Zhetpisbayev);

- finally, many scientists see the problems of conflicts, conflicts and juvenile delinquency in the biological, physiological origins of the behavior of the personality of a minor (B.S. Volkov, N.P. Dubinin, I. A. Struchkov, etc.).

Specialists number over 200 conflict zones, in connection with which various versions are put forward in the study of juvenile delinquency. They claim that juvenile delinquency is a conflict expressed in the form of a social and legal antipode of lawful conduct. That is why their social and legal signs of are opposite.

Based on the contribution of scientists to the legal science and practice, it can be concluded that the prevailing concepts of "wrongdoing", "misconduct" and others do not adequately reflect the nature of actions and mortars of minors. This is explained by the fact that unlawful nature of the juvenile offender, as governed. It takes such actions, which can be subjected not only to evaluation, but also streamlined in the procedure for their consideration by special bodies and services. This judgment is valid. not reliably and reasonably possible to illustrate based on the example of the social service of mediation, the meaning of which is to comprehensively understand the conflict or conflict between the parties and bring the parties to a truce, without bringing the matter to trial.

If we talk about theoretical studies on the problems of studying conflicts of minors, then it should be noted that, considering the basic concepts of conflict of laws, you share the following logical series of legal categories:

- “Disagreement” when there is a divergence of interests, position and position of the parties;
- “Conflict” – the contradictions between the norms of legal acts comrades of different legal force;
- “Conflict situation” – the moment or period arises the concept and development of legal conflicts;
- “Conflict situation” – unconstitutional counter the struggle of subjects, accompanied by violations of public go law and order;
- “Dispute” – the proceedings in the prescribed manner, etc.
- In this case, it is possible to agree or not with the authors of these ideas on the specific points he cited. there, but in general, these concepts in dynamics help to understand the nature conflicts and deviant behavior of minors, and determine the possibility of applying by the bodies of juvenile justice, to the juvenile offender of individual measures of socialization or re-socialization.

Conclusion

The results of the study suggest that conflicts and social deviations of minors can be viewed in the context of the following components:

- how certain actions constitute a process;
- as a process contributing dysfunction to the system installed rules of behavior.

To understand the nature of conflicts and social deviations means priests to determine the content of the contradictions between the prohibition of legal regulations and the real social behavior of a minor.

Any social deviation in the behavior of the individual arising from the results of the conflict, according to society is disrespectful of the law in force. A more extreme form of such disrespect and disregard for the right is schemes offense. Based on a similar understanding of the essence of social deviations, they can be classified into:

- **significant deviations when there is a discrepancy between the requirement of law and behavior;**

– disturbing deviation – the concept is quite common wounded in scientific understanding, but requiring a new reevaluation and new understanding.

In this regard, it is appropriate to give such examples. Essentially, in the disturbing deviation there is a contradiction between the requirements rule of law and reality. At the same time, many norms of law, due to the moral “aging” of the norms, themselves provoke a disturbing deviation. For example, implementation of trade rules (trade in unidentified places) or petty theft of property. In this case, from the point of view of formal law, there are all signs of administrative offenses, but on the other hand, if there is not enough or even in the absence of housing facilities (salaries, scholarships, social benefits), it is very difficult to hope for a model legitimate behavior. Therefore, situations of disturbing deviations require careful analysis and legal assessment, where blind decisions are unacceptable. That is, the phenomena of a similar process acquire properties that are associated with distortions and deformation of social values, norms, attitudes, and even entire social institutions.

For an adequate assessment of the values under which understand objects, things, phenomena with useful properties for consumers, we must remember that they often act as an orienting ideal for the behavior of a minor.

It is enough to remind that the lawful or unlawful behavior of minors has traditionally been viewed through the prism of the interests of the individual, group (Zhetpisbaev 2002: 11).

But at the same time, they often either identified or opposed social and material interests and values.

According to the criminologist A.M. Yakovlev, identifying the social fact with the material fact, ignoring the cognitive specificity of the social fact, we thereby reinject the social fact, prescribe it the properties of the thing, the object (Yakovlev 1985: 11).

Certainly, it is impossible to consider social fact beyond the limits of both critical analysis and its deification. When studying conflicts and social deviations of minors, it is very important not only to follow the letter of the law and the requirements of logic, but also to identify the real role (influence factors) of both social and material facts.

References

- Alekseev S.S. Teorija prava [Theory of Law]. – M.: BEK, 1994. – S.54.
- Antonjan Ju.M., Justickij V.V. Nesovershennoletnie prestupniki s akcentuacijami v haraktere. Uchebnoe posobie // MVD RF VNII. – M., 1993. – S. 50.
- Ancupov A.Ja., Shipilov A.I. Konfliktologija: Uchebnik dlja vuzov. – M.: JuNITI, 1999. – S. 80.
- Bandurka A.M., Druzd' V.A. Konfliktologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov. – Har'kov: Universitet vnutrennih del, 1997. – S. 12.
- Vajsberg L.M. Problemy lichnosti v kriminologii. – Almaty, 1996. – S. 29.
- Dmitreev A.V., Kudrjavcev V.N., Kudrjavcev S.V. Vvedenie v obshhuju teoriju konfliktov. – M., 1993.
- Zhetpisbaev B.A. Teoreticheskie problemy administrativno-pravovogo prinuzhdenija v Respublike Kazahstan. – Almaty: Daneker, 2001. – 410 s.
- Zhetpisbaev B.A. Problemy organizacii juvenal'noj justicii i social'nyh sluzhb pr delam nesovershennoletnih pravonarushitelej. – Almaty: Gylm, 1998. – 48.
- Zhetpisbaev B.A., Sartaev D.Sh., Bahralinov A.S. Administrativnye pravonarushenija: opyt teorii i praktiki / Pod obshhej red. k.ju.n., doc. B.A. Zhetpisbaeva. – Almaty, 2005. – 336s.
- Zhetpisbaev B.A. Rol' konfliktov v ocenke nepravomernogo povedenija nesovershennoletnih // Pravovaja reforma v Kazahstane. – 2002. – № 3 (16). – S.49.
- Zhetpisbaev B.A., Ajtpaeva A.K. Konceptual'no-teoreticheskie problemy deviantnogo povedenija i pravovoj socializacii nesovershennoletnih v Respublike Kazahstan. – Almaty, 2002. – 266 s.
- Zerkin D.P. Osnovy konfliktologii. Kurs lekcij. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. – S.38.
- Kazimirchuk V.P., Kudrjavcev V.N. Sovremennaja sociologija prava: Uchebnik dlja vuzov. – M.: Jurist#, 1995. – S. 213.
- Kudrjavcev V.N. Prichiny pravonarushenij. – M.: Nauka, 1976. – S.12.
- Kant. I. Soch. T. 4. Ch.1. – S. 140; – S. 260.
- Kriminal'naja motivacija / Otv. red. akademik V.N. Kudrjavcev. – M.: Nauka, 1986. – S.30-31.
- Mehanizm prestupnogo povedenija. – M.: Nauka, 1981. – S. 11.
- Lukasheva E.A. Pravo, moral', lichnost'. – M.: Nauka, 1986. – S. 102.
- Platonov K.K. O sisteme psihologii. – M., 1972. – S. 138-139.
- Javich L.S. Sushhnost' prava. Social'no-filosofskoe ponimanie genezisa razvitija i funkcionirovanija juridicheskoy formy obshhestvennyh otnoshenij. – M. 1985. – S. 118-119.
- Jakovlev A.M. Teorija kriminologii i social'naja praktika. – M.: Nauka, 1985. – S. 239.

Аманов Ж.К.¹, Салимгерей А.А.², Нұртілеу М.Н.³

¹доктор юридических наук, доцент, e-mail: indonezian@gmail.com

²доктор PhD, доцент, e-mail: kz10instituta@gmail.com

³магистр военного дела и безопасности, e-mail: maigul@list.ru

Академия КНБ РК, Казахстан, г. Алматы

СУЩНОСТНЫЕ СВОЙСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ, ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Национальные интересы являются многогранным и многоаспектным явлением, требующим их структурированного и однообразного понимания. Классификация по наиболее важным признакам способствует систематизации и уточнению знаний о национальных интересах, описанию их как целостной категории. Это, в свою очередь, позволяет определить проблемы при их реализации, обозначить и оценить угрозы национальной безопасности.

В научной литературе классификация национальных интересов осуществляется с использованием различных подходов по различным основаниям, а также с позиции различных отраслей науки. Указанное затрудняет формирование единого представления о национальных интересах во всех их проявлениях, с учетом имеющихся взаимосвязей и взаимозависимости. Зачастую также смешивается формальное и содержательное описание отдельных граней и аспектов национальных интересов.

В качестве результата исследования представлены ключевые свойства национальных интересов, позволяющие описать их как систему, включая структурные элементы. Данные существенные свойства служат основой для группирования и структурирования представленных в теории национальной безопасности подходов к классификации.

Ключевые слова: национальные интересы, интересы человека, интересы общества, интересы государства.

Amanov Zh.K.¹, Salimgerey A.A.², Nurtileu M.N.³

¹Doctor of Juridical Science, Associate professor, e-mail: indonezian@gmail.com

²PhD, Associate professor, e-mail: kz10instituta@gmail.com

³Master of Military and Security, e-mail: maigul@list.ru

Academy of the NSC of the RK, Kazakhstan, Almaty

Essential properties of national interests; classification

National interests are multifaceted and multi-aspect phenomenon requiring a structured uniform understanding. According to the most important features, classification contributes to the systematization and refinement of knowledge about national interests, describing them as a holistic category. This allows identifying problems in their implementation, to identify and evaluate threats to national security.

In scientific literature, classification of national interests is carried out by using various approaches for various reasons, as well as from the perspective of various branches of science. Above-mentioned makes it difficult to form a unified view of national interests in all their manifestations, taking into account existing interconnections and interdependencies. It often takes place when formal and meaningful description of individual facets and aspects of national interests are mixed.

As a result of the study, it is presented that the key properties of national interests allow to be described as a system, that includes structural elements. These essential properties, serve for grouping and structuring the classification of approaches, presented in the theory of national security.

Key words: national interests, human interests, society interests, state interests.

Аманов Ж.К.¹, Салимгерей А.А.², Нұртілеу М.Н.³

¹заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: indonezian@gmail.com

²PhD докторы, доцент, e-mail: kz10instituta@gmail.com

³Әскери іс және қауіпсіздік магистрі, e-mail: maigul@list.ru

ҚР ҰҚК Академиясы, Қазақстан, Алматы қ.

Ұлттық мүдделердің маңызды қасиеттері, олардың классификациясы

Ұлттық мүдделер – бұл олардың құрылымды және біркелкі түсінуін талап ететін көп қырлы және көп аспектілі құбылыс. Ең маңызды белгілері бойынша жіктеу ұлттық мүдделер туралы білімді жүйелеуге және нақтылауға, оларды тұтас категория ретінде сипаттауға мүмкіндік береді. Бұл өз кезегінде оларды жүзеге асырудағы проблемаларды анықтауға, ұлттық қауіпсіздікке төнетін қатерлерді анықтауға және бағалауға мүмкіндік береді.

Ғылыми әдебиеттерде ұлттық мүдделерді жіктеу әр түрлі негіздер бойынша әр түрлі тәсілдерді қолдана отырып, сонымен қатар ғылымның әртүрлі салалары тұрғысынан жүзеге асырылады. Көрсетілген мәселе, ұлттық мүдделер туралы олардың барлық көріністері мен өзара байланысты ескере отырып бір тұтас түсінігін қалыптастыруды қиындатады. Сонымен бірге, ұлттық мүдделердің жеке қырлары мен аспектілерінің формальды және мазмұнды сипаттауы көбінесе шатастырады.

Зерттеу нәтижесі ретінде ұлттық мүдделердің негізгі қасиеттері ұсынылған, бұл олардың құрылымдық элементтерді қоса жүйе ретінде сипаттауға мүмкіндік береді. Бұл маңызды қасиеттер ұлттық қауіпсіздік теориясында ұсынылған жіктеу тәсілдерін топтастыруға және құрылымдауға негіз болады.

Түйін сөздер: ұлттық мүдделер, адам мүдделері, қоғамның мүдделері, мемлекеттің мүдделері.

Введение

Категория «национальные интересы» является одной из ключевых в теории национальной безопасности. Национальные интересы реализуются во всех сферах общественных отношений, обеспечивая динамическое развитие человека, общества и государства.

Многогранность и разнонаправленность национальных интересов обуславливают проблему их целостного восприятия. Большинство существующих исследований характеризуют различные грани и аспекты национальных интересов и не направлены на их последующую систематизацию для формирования на этой основе общего представления о данной категории, с учетом ее мультипликативности.

Указанное препятствует разработке единой методологии для определения перечня и конкретной предметной области национальных интересов, формирование которого, по сути, основывается на различных подходах к их классификации. Данное обстоятельство затрудняет анализ и оценку угроз национальным интересам и соответственно сдерживает развитие системы обеспечения национальной безопасности.

Целью настоящего исследования является систематизация сущностных свойств национальных интересов, выработка целостного представления о них с использованием классификационных признаков.

Результаты и обсуждения

Для систематизации существующих подходов к классификации первоначально возникает необходимость уточнения сущностных свойств и структуры национальных интересов. Это, в свою очередь, позволит выделить их характерные признаки для наиболее полного и последовательного описания связей между различными видами национальных интересов.

Традиционно национальные интересы включают в себя следующие обязательные элементы – интересы человека, интересы общества, интересы государства.

Существующие подходы к классификации уточняют реализацию национальных интересов применительно к отдельным аспектам.

Так, В.Н. Лопатин в зависимости от степени общности национальных интересов выделяет индивидуальные, групповые, общественные интересы (Лопатин 2000).

Используя данное основание, А.А. Прохожев предлагает свою классификацию. В частности, автор выделяет индивидуальные (личные), групповые, корпоративные, общественные (общие), национальные и общечеловеческие интересы (Прохожева 2005: 55).

Следует отметить, что при делении национальных интересов наличие в классификации в качестве одного из видов самих национальных интересов представляется достаточно спорным.

Полагаем, что для классификации интересов на национальные и общечеловеческие должен использоваться иной признак.

В этом плане необходимо обратить внимание на классификацию в зависимости от носителей интересов, также предложенную А.А. Прохожевым, которая включает интересы человека, общества, государства, коалиции государств, мирового сообщества (Прохожева 2005: 55).

Другой подход к классификации предлагает Н.Н. Иванова, разделяя интересы по субъективному критерию на частные и общие. Под общими интересами понимаются национальные интересы, которые не следует рассматривать отдельно от частных (Иванова 2008).

Отметим, что деление интересов на общие (публичные) и частные является общепринятым в правовой науке. Вместе с тем, на наш взгляд, в теории национальной безопасности делить интересы на частные и национальные не корректно. Так, национальные интересы включают в себя интересы отдельного человека, а также интересы общества и государства. При этом, частные интересы непосредственно связаны с уровнем развития демократии и гражданского общества.

Обобщая вышеизложенное, отметим целесообразность деления национальных интересов в зависимости от носителей данных интересов и связей между ними на внутри- и внешнеполитические.

Внутриполитические регулируются национальным законодательством и охватывают интересы:

- человека, включая граждан, иностранцев и апатридов;
- общества, включая его отдельные группы;
- государства.

Внешиполитические урегулированы нормами международного права и связаны с национальными интересами определенного государства в его взаимоотношениях с другими участниками международных отношений (иностранное государство, международные организации).

Данная классификация корреспондируется с делением интересов на национальные и наднациональные (интернациональные). В указанном контексте Л.Г. Суперфин полагает, что национальные интересы не растворяются в глобальных и не тождественны им целиком. Так, люди могут выступить против резкого усиления глобализации, но, тем не менее, при возникновении соответствующих условий имеют тенденцию к объединению (Суперфин 2003).

По мнению В.С. Хижняк, национальные интересы обладают индивидуальными особенностями, но при этом, в определенной степени могут совпадать с интересами мирового сообщества. Интернациональные интересы представляют собой совокупность национальных интересов с их уникальными особенностями, внутренними и внешними противоречиями. Стремление отдельных государств к противопоставлению своих национальных интересов интересам международного сообщества не учитывает естественные потребности своих граждан по культурному, информационному и экономическому взаимодействию. Такая политика обречена на изоляцию и последующее поражение (Хижняк 2012: 197).

Естественно, что в определенных вопросах возможно возникновение противоречий и даже прямое столкновение национальных интересов определенной страны с интересами других участников международных отношений, о чем свидетельствуют существующие в мире конфликты. По этой причине, национальные интересы во внешнеполитической сфере ограничиваются только теми, в рамках которых осуществляется реализация интересов страны, включая интересы человека, общества и государства. В этом случае в зависимости от носителей интересов можно выделить интересы человека, общества и государства во внутриполитической сфере и интересы участников международных отношений, совпадающие с национальными интересами. Указанные носители интересов, на наш взгляд, позволяют уточнить основные элементы структуры данной категории.

Общность интересов как во внутри, так и во внешнеполитической сфере возможно раскрыть через классификацию, предложенную А.А. Прохожевым, в которой в зависимости от характера взаимодействия выделяются: совпадающие, параллельные, расходящиеся, конфронтационные интересы (Общая теория национальной безопасности, 2005: 55).

Так, общность и взаимодействие интересов имеет направленность на достижение баланса связей и повышения, тем самым, степени организованности триады «человек, общество, государство». В этом случае с уверенностью можно утверждать, что интересы всех названных носителей являются национальными.

По мнению Е.А. Кафырина, успех в обеспечении национальной безопасности зависит от того, совпадает ли интерпретация государством содержания национальных интересов с реальными

ми потребностями населения своей страны (Кафьрин 2012: 137).

Аналогичная точка зрения находит отражение во взглядах В.С. Пирумова, А.В. Опалева, считающих, что национальные интересы представляют собой совокупность осознанных и сбалансированных легитимных потребностей человека, общества и государства, которых надежно обеспечивает их существование и прогрессивное развитие (Опалев 2010).

Также А.А. Куковский, А.В. Петров, С.В. Шигапова отмечают, что при выделении и последующей классификации национальных интересов обязательным условием является обозначение такого свойства как согласованность интересов личности, общества и государства (Куковский, 2015: 36). На основе этого свойства относить к национальным интересам можно только те, которые призваны уравновесить и сгладить внутренние противоречия и поддерживать баланс личных прав и свобод и интересы государства (Куковский 2017:85).

Анализируя вопросы реализации интересов человеком, обществом и государством в сфере экономики, О.Ю. Колодина выделяет закономерности возникновения противоречий. По ее мнению, интерес отражает отношения субъектов с противоположными потребностями, удовлетворяющих их с помощью друг друга. Противоречие выступает в качестве содержательной формы взаимодействия несовпадающих интересов взаимосвязанных субъектов (Колодина 2012: 144). При этом О.Ю. Колодина указывается, что противоречия интересов были, есть и будут существовать в любой экономической формации, общественном или государственном строе, в связи с чем возникает необходимость их эффективного разрешения (Колодина 2012: 146).

Соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, что в случае возникновения противоречий к национальным интересам можно отнести только ту совокупность интересов, которая позволяет установленными законодательством способами достигнуть сбалансированности связей. Напротив, конфликт интересов всегда несет в себе риски и угрозы для национальной безопасности. По этой причине, интересы, направленные на разрушение, дестабилизацию иное напряжение состояния триады «человек-общество-государство», включая связи между носителями интересов, нельзя отнести к категории «национальные интересы». Следовательно, не все интересы, которые в объективной действительности рас-

ходятся, пребывают в конфронтации или ином противоречии, можно обозначить как «национальные интересы».

Далее, к параллельным национальным интересам, на наш взгляд, относятся те интересы, которые могут не совпадать и не требовать совместных усилий, но в то же время не должны противоречить необходимости повышения сбалансированности связей и организации системы «человек-общество-государство».

Во внутривнутриполитической сфере могут совпадать, существовать параллельно либо вступать в противоречие интересы человека, общества и государства, направленные на поддержание сбалансированных отношений между ними. Во внешнеполитической сфере национальными интересами признаются только те интересы, которые соответствуют и не противоречат интересам названной триады.

Таким образом, с точки зрения формирования системного представления о национальных интересах нами выделены классификации, связанные с обозначением структурных элементов, то есть носителей интересов, а также внутренних и внешних связей между этими элементами (Рисунок). Такое описание позволяет определить границы предмета исследования, сформировать его каркас.

Вместе с тем, для описания национальных интересов как структуры также необходимо обозначить ряд основополагающих системных свойств, таких как: уровни иерархии, временные параметры системы (сроки реализации национальных интересов), а также состояние и функции системы.

Анализ существующих исследований показал, что уровни иерархии можно упорядочить, подразделив их в зависимости «от степени важности» и «от уровня управления». Так, А.А. Прохожев по степени социальной значимости подразделяет национальные интересы на жизненно важные, важные, маловажные (Общая теория национальной безопасности, 2005: 55).

Несколько иную классификацию, со ссылкой на труды Ю.М. Козлова, по такому же основанию приводит В.Т. Владимиров, выделяя жизненно важные интересы, ключевые интересы, второстепенные интересы (Владимиров 2015).

Взяв в качестве основания степень значимости для жизнеспособности, В.С. Пирумов, А.В. Опалев предлагают разделить интересы на жизненно важные и второстепенные интересы (Опалев 2010).

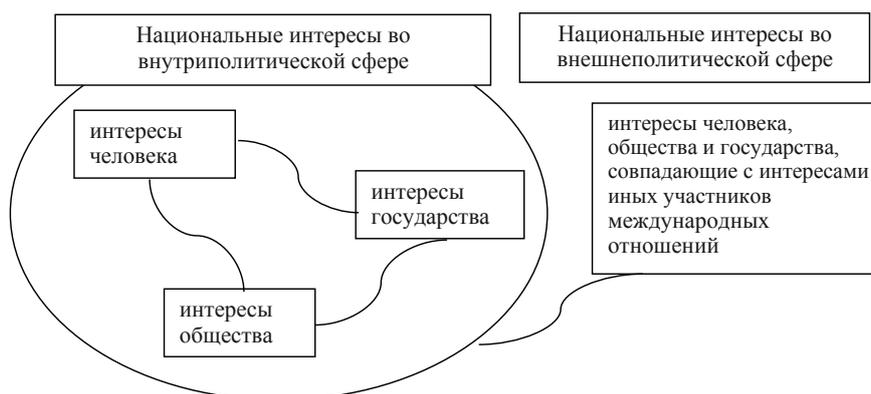

Рисунок – Структура национальных интересов

Деление национальных интересов на основные и неосновные приводится Е.А. Кафыриным. Основные связываются с повышением качества жизни и интересов национальной безопасности, отражая цели развития. Неосновные интересы, по мнению ученого, отражают развитие духовной культуры, форм национального сознания, сохранения и обогащения национального языка (Кафырин 2012).

Последний тезис представляется достаточно спорным, по крайней мере в условиях Казахстана. Как подчеркнул Первый Президент Республики Казахстан – Лидер нации Н.А. Назарбаев в одной из своих программных статей, модернизация общественного сознания выступает сердцевинной политических и экономических преобразований (Назарбаев 2017).

Свою классификацию по степени значимости для обеспечения национальной безопасности предлагает А.И. Овчинников, выделяя интересы первостепенной и второстепенной значимости (Овчинников 2014).

В зависимости от жизненной необходимости реализации того или иного интереса В.С. Хижняк (Хижняк 2012: 197) обозначает жизненно необходимые интересы и интересы развития (т. е. интересы на перспективу).

Приведенные классификации отражают ключевые свойства системы «человек-общество-государство», такие как стабильное функционирование и устойчивое развитие. Наряду с этим, сами подходы к делению свидетельствуют о необходимости их дальнейшего исследования, в том числе для уточнения существенных свойств и их использования в качестве классификационного основания. Так, например, в зависимости от жизненной необходимости можно разделить интересы на жизненно важные интересы и менее

важные (второстепенные) интересы. Категория же развития применима к обоим из названных видов и характеризует общие свойства системы национальных интересов.

При таком подходе необходимо обратить внимание на классификацию национальных интересов в зависимости от уровня управления. В Международном Стандарте ISO 31000:2009 «Риск-Менеджмент – Принципы и руководства» выделяются иерархия целей, в рамках которых реализуются интересы организаций вне зависимости от форм собственности. В частности, иерархия целей в зависимости от уровня управления делится на стратегический, операционный, программный и проектный уровни (<http://www.risk-academy.ru/download/iso31000> (05.06.2019)).

Подобное деление тесно взаимосвязано с классификацией национальных интересов в зависимости от сроков их реализации.

Основоположник понятия «национальные интересы» – Г. Моргентау выделял постоянные (основополагающие) и преходящие (промежуточные) интересы (Morgentau 1972: 29).

Другую классификацию по срокам реализации национальных интересов предлагает В.Н. Лопатин, подразделяя их на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные интересы (Лопатин 2000).

Обобщая данные подходы к классификации, можно выделить постоянные интересы, закрепляемые в Конституции и законодательстве, а также переменные интересы, связанные с реализацией плановых и программных документов страны на долгосрочный, среднесрочный и краткосрочный периоды либо в текущей ситуации.

Другой вариант классификации предлагает Е.Т. Базаров, который в зависимости от стадий реализации национальных интересов выделяет

достигнутые и перспективные национальные интересы (Базаров 2016). Достигнутые, по мнению данного автора, отражают реализованные национальные интересы, в том числе в рамках международных рейтингов конкурентоспособности развитых государств, уровня демократии, защиты прав и свобод человека, инвестиционного климата, уровня экономического развития и т.д. Перспективные национальные интересы отражают желаемый уровень развития страны и обеспечиваются в рамках их целенаправленной, планомерной реализации. Такое деление позволяет определить отправную точку в осуществлении национальных интересов начиная с достигнутых. Затем, обозначить вектор развития через реализацию перспективных национальных интересов. При этом достигнутые национальные интересы следует понимать, как некую «грань», переходить которую государству нельзя, и если это тем не менее произошло, сложившуюся ситуацию следует рассматривать как угрозу национальной безопасности (Базаров 2016).

Приведенные выше классификации, характеризующие состояние системы национальных интересов, могут быть дополнены функциональным анализом, предложенным О.В. Рудаковой. По результатам проведенного данным автором исследования выделяются функции развития и поддержания устойчивости системы. Развитие, по мнению О.В. Рудаковой, представляет необратимое, целенаправленное изменение систем, ведущее к возникновению их качественно новых состояний. В свою очередь, неразвивающиеся системы стагнируют, по причине чего резко снижается их способность к выживанию вследствие падения приспособляемости и сопротивляемости к внешним и внутренним угрозам (Рудакова 2009).

В зависимости от степени активности системы «человек-общество-государство» Е.А. Кафырин выделяет пассивные и активные (основные) национальные интересы. При этом активные интересы связываются им с творческим процессом, качественной модификацией окружающей действительности. По мере развития такие интересы переходят в пассивные (Кафырин 2012).

Обозначая национальные интересы как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и всего государства, Г.А. Голубева, подчеркивает их направленность на обеспечение устойчивого развития, а также минимизацию угроз (Голубева Г.А., 2004).

О.Ю. Колодина отмечает две противоположные тенденции реализации экономических инте-

ресов – стремление к изменчивости и стремление к устойчивости. Изменчивость, по мнению автора, обеспечивает накопление, а институализация передачу опыта, знаний, навыков (Колодина 2012: 144).

Полагаем, что данная классификация должна производиться с учетом особенностей свойств системы по поддержанию своей устойчивости, либо адаптации к изменениям через развитие. При этом «развитие» характеризует его направленность и последовательность по повышению стабильности, в то время как «устойчивость» отражает противопоставление изменениям для поддержания стабильности системы.

В целом, знание перечисленных выше ключевых системных свойств позволяет описать и оценить угрозы национальной безопасности на основе их влияния на преобразование структуры национальных интересов.

В свою очередь, можно выделить также вспомогательные свойства системы, которые будут связаны с уточнением условий, в которых реализуются национальные интересы, либо с декомпозицией основных свойств системы. Например, в зависимости от населенного пункта или сферы человеческой деятельности, в которой представлены национальные интересы.

Так, Т.В. Владимирова приводит мнение Ю.М. Козлова, который по масштабам реализации национальных интересов выделяет местные, региональные, национальные, международные интересы (Владимирова 2015).

В.С. Хижняк считает, что в зависимости от территории интересы можно определить «как территориальные, локальные (в рамках одного географического региона) и глобальные (универсальные, т.е. общие для государств независимо от того географического региона, в котором они расположены)» (Хижняк 2012: 197).

В зависимости от географии потребностей государства К.Н. Куликова, Н.В. Романчева, Е.А. Федорович выделяют внутренние и внешние интересы (Куликова 2013: 88).

Для выработки решений по реализации национальных интересов, на наш взгляд, удобна классификация, используемая в административном праве. Так, в зависимости от административно-территориального устройства внутри государства национальные интересы можно разделить на реализуемые в районе, городе, области, республике, а на международной арене – на региональные и глобальные.

Таким образом, обобщение и систематизация классификаций национальных интересов позво-

ляет сформировать следующее целостное представление (Таблица).

Предложенный подход к систематизации классификаций национальных интересов не является окончательным, так как не исключено обозначение других свойств данной систе-

мы, равно как и приведение иных вариантов деления. Вместе с тем классификации, на наш взгляд, должны, прежде всего, отражать их практическую значимость, а также обеспечивать целостное представление о национальных интересах.

Таблица – Классификация национальных интересов на основе сущностных свойств

№	Сущностные свойства системы национальных интересов	Основания классификации и виды национальных интересов
Основные		
	Структурные элементы	В зависимости от носителей интересов и связей между ними: – интересы человека, общества и государства во внутривнутриполитической сфере (совпадающие, существующие параллельно, либо вступающие в противоречие между собой, при этом всегда направленные на поддержание сбалансированности отношений); – интересы человека, общества и государства во внешнеполитической сфере, совпадающие с интересами других участников международных отношений (иностранные государства, международные организации).
	Иерархия	1) по степени значимости: важные и второстепенные; 2) по уровню управления: стратегические, операционные, программные и проектные.
	Состояние и функции	1) по стадиям реализации: достигнутые и перспективные; 2) по функциональному предназначению: обеспечивающие поддержание устойчивости (стабильности) и обеспечивающие развитие.
	Временные параметры	1) по подверженности изменениям: постоянные и переменные; 2) по срокам реализации: долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные, ситуативные.
Вспомогательные		
	Виды общественных отношений	По сфере реализации: политические, экономические, военные экологические и др.
	Территориальный масштаб	1) в зависимости от административно-территориального деления: на уровне района, города, области, республики; 2) в зависимости от географических границ: региональный и глобальный уровни.

Заключение

Глубокое и целостное понимание категории «национальные интересы» обеспечивается применением системного подхода, объединяющего в себе характеристику их основных и вспомогательных свойств, выработанных на основе различных классификаций.

Основные свойства отражают элементы структуры национальных интересов, связи между ними, а также такие параметры как иерархия, состояние, функции и период существования. Вспомогательные свойства связаны с уточнением условий, в которых реализуются национальные интересы, либо с декомпозицией основных свойств.

Литература

- Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: дис. д-ра юрид. наук. – СПб., 2000. – 433 с.
 Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А.Прохожева. – М.: РАГС, 2005. – Изд. 2 – 344 с.
 Иванова Н.Н. Интерес в праве как основополагающий элемент национальной правовой системы России / Н.Н. Иванова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – №83 – С.128-131.

Суперфин Л.Г. Глобальное и национальное: Специфика взаимодействия глобальных и национальных факторов современного исторического процесса / Суперфин Л.Г. – М.: Институт экономики РАН, 2003. – 169 с.

Хижняк В.С. Классификация интернациональных интересов в международном праве / Хижняк В.С. // Вестник Саратовской юридической академии – 2012. – №5 (88) – С.195-200.

Кафырин Е.А. Нации: формирование и динамика интересов / Кафырин Е.А. // Вестник РУДН, серия Социология. – 2012. – № 2. – С.133-143

Опалев А.В., Пирумов В.С. Национальная безопасность. / А.В. Опалев. – М.: Оружие и технологии, 2010. – 232 с.

Куковский, А. А. Аксиологический подход к национальной безопасности в Российской Федерации / А. А. Куковский // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 2. – С 35–38.

Куковский А. А., Петров А. В., Шигапова С. В. Некоторые подходы к классификации видов интересов / А. А. Куковский и др. // Вестник Южно Уральского Государственного Университета. Серия «Право». – 2017. – Т. 17, № 4 – С. 84–88.

Колодина О.Ю. Специфика структурированности экономических интересов в современном российском обществе / Колодина О.Ю. // Социально-экономические явления и процессы – Тамбов: «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2012. – № 12 (046) – С.138-147.

Владимирова Т.В. О необходимом знании для идентификации угроз государственной безопасности / Т.В. Владимирова // Армия и общество. – М.: Автономная некоммерческая организация Научно-исследовательский центр Наука-XXI, 2015. – №2 (39). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimom-znanii-dlya-identifikatsii-ugroz-gosudarstvennoy-bezopasnosti> (14.06.2019)

Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру // Егемен Қазақстан. – 2017. – 12 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://egemen.kz/article/nursultan-nazarbaev-bolashaqqa-baghdar-rukhani-zhanhghyru> (07.03.2018)

Овчинников А.И. Национальные интересы России: понятие и виды / А.И. Овчинников // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – №2. – С.7-10.

Международный Стандарт ISO 31000:2009 «Риск Менеджмент – Принципы и руководства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.risk-academy.ru/download/iso31000> (05.06.2019).

Morgentau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1972. – P. 29.

Базаров Е.Т. Национальные интересы: исторические и методологические аспекты / Е.Т. Базаров // Материалы международной научно-теоретической конференции «Проблемы противодействия глобальным вызовам национальной безопасности». – Алматы: Академия КНБ РК, 2016. – 2 часть. – С. 45-55.

Рудакова О.В. Устойчивое общественное развитие как проявление национальных интересов / О.В. Рудакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность – М.: ООО «Издательский дом Финансы и Кредит», 2009. – 7 (40) – С.58-59. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-obschestvennoe-razvitie-kak-proyavlenie-natsionalnyh-interesov> (12.06.2019)

Голубева Г. А. Социология. / Г. А. Голубева. – М., 2004. – 224 с

Куликова К.Н., Романчева Н.В., Федорович Е.А. Роль сферы инфокоммуникаций в обеспечении национальных интересов РФ / К.Н. Куликова и др. – М.: Т-Сотт – Телекоммуникации и Транспорт, 2013. – С.88-91. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sfery-infokommunikatsiy-v-obespechenii-natsionalnyh-interesov-rf> (29.05.2019)

References

Lopatin V.N. (2000) Informatsionnaya bezopasnost Rossii: diss d-ra yurid. nauk [Information security of Russia: diss. of doctor of law.]. SPb, 433 p.

Obshaya teoriya natsionalnoi bezopasnosti: uchebnik [General theory of national security: textbook] (2005) Pod obsh. red. A.A. Prohozheva. M.: RAGS, vol.2, 344 p.

Ivanova N.N. (2008) Interes v prave kak osnovopolagaushii element natsionalnoi pravovoi sistemy Rossii [Interest in law as a fundamental element of the national legal system of Russia]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 83, P. 128-131.

Superfin L.G. (2003) Globalnie I natsionalnie: Spetsifika vzaimodeistviya globalnyh I natsionalnyh faktorov sovremennogo istoricheskogo protsessa [Устойчивое социальное развитие как проявление национальных интересов]. М.: Institut ekonomiki RAN, 169 p.

Hizhnyak V.S. (2012) Klassifikatsiya internatsionalnyh interesov v mezhdunarodnom prave [Classification of international interests in international law]. Vestnik Saratovskoi yuridicheskoi akademii, vol. 5 (88), P.195-200.

Kafyrin E.A. (2012) Natsii: formirovanie I dinamika interesov [Nations: formation and dynamics of interests]. Vestnik RUDN, seriya Sotsiologiya, vol.2. P.133-143

Opalev A.V., Pirumov V.S. (2010) Nacional'naya bezopasnost' [National security]. M: Oruzhie i tehnologii, 232 p.

Kukovskii A.A. (2015) Aksiologicalichskii podoh k natsionalnoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii [Axiological approach to national security in the Russian Federation]. Nauchnii vestnik Volgogradskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby. Seriya Yurisprudentsiya, vol. 2, P.35-38.

Kukovskii A.A., Petrov A.V., Shigapova S.V. (2017) Nekotorye podhody k klassifikatsii vidov interesov [Some approaches to classifying types of interests]. Vestnik Yuzhno Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya prvo, vol. 17, №4, P.84-88.

Kolodina O.Y. (2012) Spetsifika strukturirovannosti ekonomicheskikh interesov v sovremennom rossiiskom obshestve [Specificity of economic interests structuring in modern Russian society]. Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya I protsessy, Tambov: "Tambovskii gisudarstvennyi universitet imeni G.R. Derzhavina, vol. 12 (046), P.138-147.

Vladimirovna T.V. (2015) O neobhodimom znanii dlya identifikatsii ugroz gosudarstvennoi bezopasnosti [On the necessary knowledge to identify threats to state security]. Armiya I obshestvo. M: Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya Nauchno-issledovatel'skii tsentr Nauka-XXI, vol. 2(39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimom-znanii-dlya-identifikatsii-ugroz-gosudarstvennoy-bezopasnosti> (14.06.2019)

Bolashaqqa baghdar: rukhani zhanghyru [A look into the future: modernization of consciousness]. (2017) Egemen Kazakhstan, 12th of April. URL: <https://egemen.kz/article/nursultan-nazarbaev-bolashaqqa-baghdar-rukhani-zhanghyru>

Ovchinnikov A.I. (2014) Natsionalnye interesy Rossii: ponyatie I vidy [National interests of Russia: concept and types]. Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik, vol.2, P. 7-10.

Mezhdunarodnyi standart ISO 31000:2009 "Risk Manadgment – Printsipi I rukovodstva" [International Standard ISO 31000: 2009 "Risk Management-Principles and guidelines"]. URL: <https://www.risk-academy.ru/download/iso31000> (05.06.2019).

Morgentau H. (1972) Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., P. 29.

Bazarov E.T. (2016) Natsionalnye interesy: istoricheskie i metodologicheskie aspekty [National interests: historical and methodological aspects]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii "Problemy protivodeistviya globalnym vyzovam natsionalnoi bezopasnosti". Almaty: Akademiya KNB RK, vol.2, pp. 45-55.

Rudakova O.V. (2009) Ustoichivoe obschestvennoe razvitie kak proyavlenie natsionalnykh interesov [Sustainable social development as a manifestation of national interests] / Natsionalnye interesy: priority I bezopasnost'. M.: OOO "Izdadetskii dom Finansy i Kredit", vol. 7, P. 58-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-obschestvennoe-razvitie-kak-proyavlenie-natsionalnykh-interesov> (12.06.2019)

Golubeva G.A. (2004) Sotsiologiya [Sociology]. M, 224 p.

Kulikova K.N., Romancheva N.V., Fedorovich E.A. (2013) Rol sfery infokommunitcii v obespechenii natsionalnykh interesov RF [The role of Infocommunications in ensuring the national interests of the Russian Federation]. M: T-Comm – Telekommunikatsii I Trasport, P.88-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sfery-infokommunikatsiy-v-obespechenii-natsionalnykh-interesov-rf> (29.05.2019)

2-бөлім
**КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ
ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҒЫ**

Section 2
**CONSTITUTIONAL AND
ADMISTRATIVE LAW**

Раздел 2
**КОНСТИТУЦИОННОЕ
И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

Веселов Н.Ю.

кандидат юридических наук, доцент, Криворожский факультет,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
Украина, г. Кривой Рог, e-mail: veselovndl@ukr.net

**ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ
В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ**

Актуальность этой статьи продиктована тем, что ребенок является одной из ключевых фигур правового общества. Феномен прав ребенка включает не только естественно предоставленную способность иметь права и свободы, но и сформированную систему их обеспечения, которая содержит ряд форм (социально-правовых институтов), призванных учитывать наилучшие интересы несовершеннолетнего лица и компенсировать недостатки его возрастного статуса. Ювенальная юстиция является одной из основных форм обеспечения (защиты) прав детей в специфической сфере правоотношений – правосудии и иных смежных с ним общественных отношениях. Учитывая плюрализм концептов ювенальной юстиции и организационно-правовых форм ее функционирования в различных странах, целью (заданием) данного научного исследования является формирование современного представления о праксеологическом измерении ювенальной юстиции в системе обеспечения прав, свобод и интересов детей. Особенно актуальным вопрос формата ювенальной юстиции является для стран, где данный институт проходит этап становления и апробации, а идеи научного исследования могут быть имплементированы в национальное законодательство для совершенствования механизмов обеспечения прав детей. Методологическую основу работы составили системный подход, метод абстрагирования, анализа, индукции, сравнения. Кроме того, широко использованы специальные методы научных исследований: метод юридической герменевтики, компаративистский, логико-семантический и т.д. Для удобства анализа в статье выделено два основных подхода в понимании сущности и границ ювенальной юстиции: ведение ювенальной юстиции исключительно как специфической формы правосудия в отношении детей; расширение границ этого института, включив в него ряд сопутствующих мероприятий превентивного, социального, медико-психологического, педологического и постпедологического характера, направленных на обеспечение наилучших интересов ребенка во всех этих правоотношениях. В результате исследования установлено, что ювенальная юстиция – это не только иной подход к несовершеннолетнему правонарушителю в рамках уголовного производства, а общественно-правовой институт, образующий специализированную систему правосудия в отношении детей и для детей, а также совокупность механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных процедур и программ, предназначенных для обеспечения прав, свобод и законных интересов детей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, реализуемой системой государственных и негосударственных органов. Понимание ювенальной юстиции как комплексного системного и полиинституционального вида деятельности, трансцендирующего за пределы уголовного судопроизводства, обуславливает наличие широкого административно-правового компонента в функционировании этой формы обеспечения прав детей.

Ключевые слова: ребенок, ювенальная юстиция, обеспечение прав детей, социальная профилактика, правосудие в отношении ребенка.

Veselov N.Yu.

Candidate of Laws, Associate Professor, Krivoy Rog Faculty,
National University «Odessa Law Academy»,
Ukraine, Krivoy Rog, e-mail: veselovndl@ukr.net

Juvenile justice in the children's rights ensuring system

The relevance of this article is dictated by the fact that the child is one of the key figures of the legal society. The phenomenon of the rights of the child includes not only the naturally granted ability to have rights and freedoms, but also a formed system to ensure them, which contains a number of forms (social and legal institutions) designed to take into account the best interests of the minor and compensate for the disadvantages of his age status. Juvenile justice is one of the main forms of ensuring (protecting) the

rights of children in a specific area of legal relations – justice and other related public relations. Considering the pluralism of juvenile justice concepts and the organizational and legal forms of its functioning in various countries, the goal (task) of this scientific research is to form a modern understanding of the praxeological dimension of juvenile justice in the system of ensuring the rights, freedoms and interests of children. The issue of juvenile justice format is particularly relevant for countries where this institution is at the stage of formation and testing, and the ideas of scientific research can be implemented into national legislation to improve the mechanisms for ensuring the rights of children. The methodological basis of the work consisted of a systematic approach, a method of abstraction, analysis, induction, comparison. In addition, special scientific research methods are widely used: the method of legal hermeneutics, comparative, logical-semantic, etc. For convenience of analysis, the article highlights two main approaches in understanding the essence and boundaries of juvenile justice: the view of juvenile justice solely as a specific form of justice for children; expanding the boundaries of this institution to include a number of related preventive, social, medico-psychological, penological and post-penological activities aimed at ensuring the best interests of the child in all these legal relationships. As a result of the study, it was established that juvenile justice is not only a different approach to a juvenile offender within criminal proceedings, but a social and legal institution that forms a specialized justice system for children and for children, as well as a set of mechanisms pedagogical and rehabilitation procedures and programs designed to ensure the rights, freedoms and legitimate interests of children in difficult life circumstances, implemented by the State and non-state bodies. Understanding of juvenile justice as an integrated systemic and multi-institutional type of activity transcending beyond the criminal justice process, determines the existence of a broad administrative and legal component in the functioning of this form of ensuring the rights of children.

Key words: child, juvenile justice, ensuring the rights of children, social prevention, justice for the child.

Веселов Н.Ю.

заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Кривой Рог факультеті,
«Одесса заң академиясы» ұлттық университеті,
Украина, Кривой Рог қ., e-mail: veselovndl@ukr.net

Балалар құқықтарында қауіпсіздік жүйесінің талаптары

Осы мақаланың өзектілігі баланың құқықтық қоғамның басты тұлғаларының бірі болып табылатынын көрсетеді. Баланың құқықтарының құбылысы тек қана құқықтар мен бостандықтарға ие болу мүмкіндігін ғана емес, кәмелетке толмаған баланың мүддесін ескере отырып, жастық мәртебесінің кемшіліктерін өтеуге арналған бірнеше нысандарды (әлеуметтік және құқықтық мекемелерді) қамтитын қамтамасыз етілген жүйені қамтиды. Кәмелетке толмағандарға қатысты сот төрелігі – құқықтық қарым-қатынастың нақты салаларында – әділеттілік және басқа да қоғамдық қатынастарда балалардың құқықтарын қамтамасыз етудің (қорғаудың) негізгі нысандарының бірі. Кәмелетке толмағандардың істері бойынша сот төрелігі тұжырымдамаларының және әртүрлі елдердегі оның ұйымдық-құқықтық формаларының плюрализмін ескере отырып, осы ғылыми зерттеулердің мақсаты балалар құқықтарының, бостандықтары мен мүдделерін қамтамасыз ету жүйесінде кәмелетке толмағандарға қатысты сот төрелігінің қазіргі заманғы түсінуді қалыптастыру болып табылады. Кәмелетке толмағандардың істері бойынша сот төрелігі форматы мәселесі бұл мекеме білім беру және тестілеу сатысында тұрған елдер үшін өте маңызды және ғылыми зерттеулер идеялары ұлттық заңнамаға балалардың құқықтарын қамтамасыз ету тетіктерін жетілдіру үшін енгізілуі мүмкін. Жұмыстың әдіснамалық негізі жүйелік тәсілмен, абстракция әдісі, талдау, индукция, салыстырудан тұрады. Бұдан басқа, арнайы ғылыми әдістер кеңінен қолданылады: құқықтық герменевтика әдісі, салыстырмалы, логикалық-семантикалық және т.б. Талдаудың ыңғайлылығы үшін мақалада кәмелетке толмағандардың істері бойынша сот төрелігінің мәнін және шекараларын түсінудің екі негізгі тәсілі атап өтіледі: кәмелетке толмағандарға қатысты сот төрелігін тек балалар үшін әділ сот әдісі ретінде қарау; осы мекеменің шекараларын барлық осы құқықтық қатынастарда баланың ең жақсы мүдделерін қамтамасыз етуге бағытталған профилактикалық, әлеуметтік, медициналық-психологиялық, пентологиялық және постенттік қызмет түрлерін қосу. Зерттеу нәтижесінде кәмелетке толмағандарға қатысты сот төрелігі қылмыстық іс қозғау барысында кәмелетке толмаған құқық бұзушыға ғана емес, сондай-ақ балалар мен балаларға арналған мамаңдандырылған әділет жүйесін қалыптастыратын әлеуметтік және заңды мекеме, сондай-ақ тетіктердің жиынтығы педагогикалық және оңалту рәсімдері мен қиын өмірлік жағдайларда балалардың құқықтарын, бостандықтары мен заңды мүдделерін қамтамасыз етуге бағытталған бағдарламалар Мемлекеттік және мемлекеттік емес органдар. Кәмелетке толмағандардың істері жөніндегі сот төрелігін қылмыстық сот төрелігі

процесінің шеңберінен шығатын интеграцияланған жүйелік және көп функциялы қызмет түрі ретінде түсіну балалардың құқықтарын қамтамасыз етудің осы түрінің жұмысында кең әкімшілік-құқықтық компоненттің болуын анықтайды.

Түйін сөздер: бала, кәмелетке толмағандарға қатысты сот төрелігі, балалардың құқықтарын қамтамасыз ету, әлеуметтік алдын алу, баланың әділдігі.

Введение

Система обеспечения прав, свобод и интересов детей охватывает всю сферу жизнедеятельности ребенка. Впрочем, функционирование этой системы в Украине нельзя признать удовлетворительным. Среди приоритетов, на которых в Концепции Государственной социальной программы «Национальный план действий по реализации Конвенции ООН о правах ребенка» на период до 2021 года предусмотрено сосредоточить усилия, упоминается о создании и развитии системы правосудия, дружественного к ребенку, а именно: внедрение действенных форм и методов профилактики совершения правонарушений детьми; совершенствование системы защиты прав и интересов детей, совершивших правонарушения (Конц. Гос. соц. программы «Нац. план действий по реализации Конвенции ООН о правах ребенка», 2017). Именно этот блок правоотношений, фактически охватываемый понятием ювенальной юстиции и образующий автономный институт в системе обеспечения прав, свобод и интересов ребенка, составляет объект нашего исследования. Актуальность тематики подчеркивает анализ статистики: в Украине ежегодно более 6,5 тыс. несовершеннолетних совершают уголовные преступления, в отношении которых выносятся более 3 тыс. приговоров; наблюдается распространение вредных привычек в подростковом возрасте: употребление наркотиков, алкоголя, психотропных веществ (76% подростков имеют опыт употребления слабоалкогольных напитков, 15% – начали употреблять алкоголь в 11 лет) и т.д. (Конц. Гос. соц. программы «Нац. план действий по реализации Конвенции ООН о правах ребенка», 2017; Нац. стратегия реформирования системы юстиции в отношении детей на период до 2023 года, 2018). Результаты некоторых американских исследований свидетельствуют, что у 65-70% детей в системе ювенальной юстиции диагностируется состояние психического расстройства здоровья. Более чем в 60% случаев такие расстройства вызваны употреблением наркотических или психотропных веществ (National Ctr for Mental Health and

Juvenile Justice 2013: 2). Около 75% молодежи в системе ювенальной юстиции получили травматическую виктимизацию, а 93% – сообщили о влиянии неблагоприятного опыта детства, включая жестокое обращение с ними, насилие в семье, общине (Baglivio 2014).

Цель исследования заключается в формировании современного представления о праксеологическом измерении ювенальной юстиции в системе обеспечения прав, свобод и интересов детей.

Активные поиски национального пути обеспечения прав детей через развитие института ювенальной юстиции, с учетом международного права и мировой практики, создали большой массив научных работ и теорий, среди которых до сих пор не существует единогласия во взглядах касательно трактовки и содержательного (институционально-нормативного) наполнения понятия «ювенальная юстиция». В этой статье были критически проанализированы труды ряда ученых, взгляды и заключения которых оказали влияние на ход исследования и легли в основу наших собственных авторских выводов.

Основная часть

Преобладающее большинство ученых и специалистов института ювенальной юстиции единодушно связывают с обеспечением (защитой) прав детей (несовершеннолетних). Почти каждая дефиниция термина «ювенальная юстиция», так или иначе, содержит упоминание о защите прав детей. Энциклопедическое толкование ювенальной юстиции начинается с того, что она является важным институтом системы защиты прав ребенка (Прилуцкий, 1998: 463). По словам В. Ткачева, «ювенальная юстиция – это система защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних ...» (Ткачев, 2002: 25). Е. Филипенко, рассматривая феномен ювенальной юстиции, отмечает, что это важный инструмент этой системы (Филипенко, 2011: 10). Функционирование институтов ювенальной юстиции А. Навроцкий рассматривает как одну из важных форм, которая составляет основу администрирования прав ребенка (Навроцкий 2018: 314).

Впрочем, в зарубежной науке имеется и несколько иной ракурс взглядов относительно взаимообусловленности феномена прав ребенка и ювенальной юстиции. Ряд ученых рассматривает эволюцию института ювенальной юстиции как рефлексию на становление прав ребенка в мировом масштабе. Л. Раймонд обращает внимание на то, что определенные шаги в решении проблемных вопросов ответственности несовершеннолетних правонарушителей были приняты после принятия Конвенции ООН о правах ребенка (1989 года) (Raymond 2004: 9). Э. Скелтон считает, что особый подход к правосудию в отношении детей набрал обороты благодаря его совместимости с растущим вниманием к правам человека и правам ребенка, являющимся очень сильным фактором влияния на реформирование ювенальной юстиции (Skelton 2009). Г. Одонго исследует этот вопрос с позиции: «права детей как модель ювенальной юстиции». В своей научной работе автор анализирует различные взгляды на вопрос о том, может ли рассматриваться современная ювенальная юстиция через призму философии, основанной на правах детей (Odongo, 2005: 53-56). Наконец, Б. Абрамсон в одной из своих публикаций дает советы специалистам по ювенальной юстиции относительно более эффективного применения Конвенции о правах ребенка как инструмента реформирования системы исполнения наказаний несовершеннолетних (Abramson 2004).

На сегодня как в отечественной, так и в зарубежной науке не сформирован единый концептуальный подход к пониманию ювенальной юстиции, что, в свою очередь, влияет на праксеологическое измерение этого института, понимание его ценностей, восприятие обществом. В общем значении Н. Хананашвили и О. Зыков ювенальную юстицию называют формой социально-правового обращения с несовершеннолетними (Хананашвили 2004: 6). В чем именно заключается специфика такого обращения и по поводу чего оно возникает?

Во многих научно-информационных и правовых источниках основные задачи ювенальной юстиции связывают с противодействием правонарушениям среди детей и защитой их прав в таких правоотношениях. Вторая составляющая такого задания, по мнению некоторых авторов (Гусев 2006: 8-9; Мачужак 2005: 39-40), воплощается в защите этой уязвимой и, еще не до конца сформированной категории социума, от неблагоприятных последствий правонарушений и возвращение их к общественной жизни.

Эти два подхода отражают содержание и цели ювенальной юстиции. Поскольку на практике они не разделяются между собой, это приводит к стиранию грани между функциями судебной защиты и задачами борьбы с преступностью. В контексте задач ювенальной юстиции внимание должно быть уделено не только реагированию на правонарушения, но и профилактике девиантного, в том числе и делинквентного поведения, особенно в среде детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и т.д. (Автономов 2009: 11-12); Новикова 2003). Н. Ортинская среди задач ювенальной юстиции, кроме профилактики правонарушений, видит эффективную социализацию таких субъектов права как дети (Ортинская 2017: 24).

Следует обратить внимание, что в нормативной лексике одновременно циркулируют термины «ювенальная юстиция», «юстиция в отношении детей», «правосудие в отношении детей». Учитывая тенденции имплементации норм международного права в национальное законодательство, использование термина «ювенальная юстиция» является более универсальным, поскольку включает юстицию не только в отношении детей (которые находятся в конфликте с законом), но и «для детей» (там, где это касается судебной защиты их прав и наилучших интересов), а также комплекс других мероприятий, которые осуществляются не только в пределах правосудия.

Обобщая научную теорию и нормативно-прикладную практику, можно выделить два основных подхода в понимании сущности и границ ювенальной юстиции как социально-правового института и формы обеспечения прав детей. Первый – это видение ювенальной юстиции исключительно как специфической формы правосудия в отношении детей. Второй подход предполагает расширение границ этого института, включив в него ряд сопутствующих мероприятий превентивного, социального, медико-психологического, педологического и постпедологического характера, направленных на обеспечение наилучших интересов ребенка во всех этих правоотношениях.

Сторонники первого, так называемого классического подхода и в лингвистическом, и в социально-правовом измерении ювенальную юстицию рассматривают исключительно как автономную (особую) форму (порядок) осуществления правосудия в отношении детей, где главным ее звеном является специализированный суд или судья (Мельникова 2001: 9; Смеловцев

2005; Предеина 2005; Мелешко 2006: 365-366). При этом, такую категорию можно разделить на два блока: правосудие, связанное исключительно с уголовными преступлениями (уголовная ювенальная юстиция) (Ковна 2010: 16; Марковичева 2011; Шестакова 2015: 189); правосудие (юстиция) в отношении детей в более расширенном формате – как в уголовном, так и в других видах судопроизводства (Автономов 2009: 6; Гусарева 2010: 8-9).

Понимание цели и направленности ювенальной юстиции только в рамках уголовного судопроизводства, хотя и имеет исторические истоки, однако на сегодняшний день является слишком узким. Однако в таком узком формате ювенальная юстиция будет играть роль лишь «пожарной команды», задачей которой является «потушить пламя и хоть что-то спасти». В таком случае, из перечня задач ювенальной юстиции, о которых упоминалось ранее, можно говорить исключительно лишь о защите прав детей во время уголовного производства, в то время, как работа на опережение этих правонарушений и по защите прав, свобод и интересов ребенка в других ситуациях остается за пределами такой деятельности. В содержание ювенальной юстиции, безусловно, входят вопросы защиты прав детей во время производства по делам об административных правонарушениях, а также обеспечения прав детей, находящихся в контакте с законом (ребенок вступает в контакт с системой правосудия в той или иной форме или в другой предусмотренный законом способ получает специальный социально-правовой статус (Ищенко 2019: 85)). Все эти категории несовершеннолетних, включая детей в конфликте с законом, современное законодательство объединяет термином «ребенок, находящийся в сложных жизненных обстоятельствах» (Закон Украины «Об охране детства»). Воплощая лозунг «правосудие для детей», ювенальная юстиция одновременно должна быть формой реализации таких конституционных принципов как судебная защита прав ребенка и доступ к правосудию несовершеннолетних, нуждающихся в правовой защите и/или помощи в реализации своих прав и законных интересов (Todres 2004: 160; UN Common Approach to Justice for Children, 2008: 3-4).

Приведенные выше доводы создают предпосылки вспомнить о втором этимологическом значении иноязычного слова «юстиция» – «справедливость» и, взглянуть на ювенальную юстицию как на деятельность по реализации или восстановлению справедливости. Юстиция – это

справедливость в обращении с законом (Hess 2009). С учетом этой точки зрения интересным представляется определение ювенальной юстиции в понимании В. Левченко – это система органов государственной власти и управления, осуществляющих деятельность в отношении детей с целью защиты их прав и интересов и восстановления социальной справедливости (Левченко 2011: 47-48). Это означает, что ювенальную юстицию следует рассматривать как более широкое комплексное явление, которое связано с осуществлением правосудия в отношении детей и обеспечением их прав в судопроизводстве и через судебную защиту, но не ограничивается исключительно этими отношениями.

В современных условиях глобализации и других социально-экономических процессов эффективность традиционной модели ювенальной юстиции ставится под сомнение (Barton & Butts 2008: 1-6). Обеспечение наилучших интересов детей обуславливает включение в организационно-правовой формат ювенальной юстиции, помимо ювенального судопроизводства, еще и социально-правовую надстройку в виде государственных и негосударственных социальных институтов, которые собственно не осуществляют публичное правосудие, но могут и должны участвовать в процессе охраны прав несовершеннолетних, в том числе и в процессе правосудия на основе введения определенных социально-правовых процедур (Бааль 1996: 40; Хомич 2004; Мелешко 2006: 363-364).

Проведенное исследование позволило заметить определенную прогрессию в постепенном расширении круга вопросов ювенальной юстиции, а соответственно, круга задействованных субъектов и правовой базы, процедур и мероприятий этого многогранного общественно-правового института (формы) обеспечения прав, свобод и интересов детей. Следовательно, и значение, и критерии оценки эффективности мероприятий ювенальной юстиции в указанной системе заметно возрастают.

Именно в ювенальной юстиции, по убеждению А. Автономова, проявляется невозможность замкнуться при осуществлении правосудия исключительно в рамках судебных органов. Специализированные суды (судьи) по делам несовершеннолетних могут успешно работать только с опорой на помощь психологических служб, педагогических кадров, социальных работников. Смысл существования ювенальной юстиции заключается не просто в том, чтобы дела несовершеннолетних рассматривались спе-

циализированными судами, а в том, чтобы благодаря адекватным судебным решениям, а также в результате профилактических мероприятий, в том числе и путем своевременной защиты прав ребенка и решения различного рода конфликтов, в которые вовлечены дети, уровень ювенальной девиации и других нарушений прав детей был минимизирован (Автономов, 2009: 5-6). Американская практика и нормативно, и организационно связывает ювенальную юстицию с профилактикой правонарушений среди детей и молодежи. Убедительным аргументом этому служит Закон о ювенальной юстиции и предупреждении преступности 1974 года (*Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act of 1974*), одобренный Конгрессом США (последняя редакция – *Juvenile Justice Reform Act of 2018*). Характер преступности и других проявлений девиации среди детей и молодежи в этой стране побудили законодателей и правительство Соединенных Штатов определить два основных подхода в решении данной проблемы. Оба подхода направлены на нравственное оздоровление детства, отвечают потребностям несовершеннолетних индивидов и общества в целом и воплощаются путем реализации: качественных программ профилактики и программ, способствующих формированию у детей чувства ответственности за свои действия, развивающих личностные качества. В законе отмечается, что скоординированные проекты ювенальной юстиции и профилактики правонарушений, отвечающие потребностям несовершеннолетних, путем сотрудничества с разными местными системами предоставления соответствующих услуг для детей, могут помочь в предотвращении ювенальных правонарушений и вернуть детей к продуктивной общественной жизни. В научной публикации Дж. Гейнборо и Э. Леан приводится высказывание Дж. К. Виг – директора одного из отделов ювенальной юстиции (США), которая отмечает, что система социальной защиты детей, так же как и система ювенальной юстиции является основой государственной политики по обеспечению прав ребенка в любой стране. Специалист отдельно называет приведенные выше две системы, однако подчеркивает взаимообусловленность их мероприятий и общую направленность – уход за детьми и их общее благополучие (Gainborough & Lean, 2008). Прогрессивная модель системы ювенальной юстиции (по убеждению специалистов Управления ООН по наркотикам и преступности), кроме четкой нормативной процедуры защиты прав ребенка в судопроиз-

водстве должна обеспечивать наличие других взаимосвязанных компонентов в соответствии с международно-правовой базой. Важным элементом политики в сфере ювенальной юстиции является комплекс мероприятий, направленных на превенцию ювенальных правонарушений, реагирование на потребности детей, находящихся в конфликте с законом (*United Nations Office on Drugs and Crime, 2013: 8*).

Это обуславливает существование второго расширенного (плюралистического) подхода в понимании ювенальной юстиции – это система, образующая совокупность механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных процедур и программ, предназначенных для обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также деятельность лиц, ответственных за их воспитание, реализуемая системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций (Арпентьева 2015: 15-16; Навроцкий 2018: 314; Филипенко 2011: 10).

Заключение

Проведенный анализ имеющихся представлений о ювенальной юстиции позволил сформировать авторское видение праксеологического измерения этого общественно-правового института в системе обеспечения прав, свобод и интересов детей.

Во-первых, среди задач системы обеспечения прав, свобод и интересов детей функционирование ювенальной юстиции призвано способствовать: обеспечению, охране и защите прав детей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах; появлению дружественных к ребенку услуг и систем помощи; искоренению всех форм насилия и дискриминации в отношении детей; совершенствованию различных форм превенции противоправного и иного девиантного поведения детей, а также исправления и социальной реабилитации несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом.

Во-вторых, от других форм и институтов обеспечения прав детей, кроме специфических задач, ювенальная юстиция отличается еще особыми функциями, среди которых: 1) общей является – охранная; 2) специальными – реститутивная; пацификационная (примирительная) реабилитационная; 3) дополнительными – социально-профилактическая; образовательно-воспитательная, а также способом реализации таких прав – доступ к правосудию и судебная защита.

В-третьих, несмотря на то, что важным компонентом функционирования указанного общественно-правового института является реагирование на ювенальные правонарушения, ювенальная юстиция – это не только иной подход к несовершеннолетнему правонарушителю в рамках уголовного производства или производства по делам об административных правонарушениях, но и совокупность механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных процедур и программ, предназначенных для извлечения ребенка из условий неблагоприятного окружения, оказывающих на него негативное влияние с целью устранения угрозы его жизни и здоровью или предотвращения его дальнейшей девиации, а также возвращение ребенка к общественной жизни в случае совершения правонарушения.

В-четвертых, исходя из задач ювенальной юстиции, ее институциональное обеспечение и содержание обуславливает наличие следующих четырех основных направлений: правовая помощь (патронаж) детям, находящимся в сложных жизненных обстоятельствах; ювенальная превенция и профилактика нарушений прав ребенка; ювенальное правосудие (судопроизводство); реабилитация (ресоциализация) детей, находящихся в конфликте с законом.

В-пятых, ювенальная юстиция это система государственных и негосударственных органов, чья деятельность направлена на защиту прав, свобод и законных интересов детей в указанной сфере правоотношений, среди которых ведущее место занимают специализированные (ювенальные) суды или судьи. Взаимодействие судебных органов с другими службами и органами является ключевым, но не всегда обязательным условием ювенальной юстиции.

В-шестых, ювенальная юстиция – это система, включающая не только комплекс государ-

ственных и иных органов и организаций, но и соответствующее национальное законодательство, которое должно быть основано на международных стандартах обеспечения прав ребенка.

В-седьмых, учитывая тенденции имплементации норм международного права в национальное законодательство, использование термина «ювенальная юстиция» является более универсальным (по сравнению с такими терминами как «юстиция в отношении детей» и «правосудие в отношении детей»), поскольку включает юстицию не только в отношении детей (находящихся в конфликте с законом), но и «для детей» (там, где это касается судебной защиты их прав и наилучших интересов), а также комплекс других мероприятий, осуществляемых не только лишь в пределах правосудия.

В-восьмых, видение ювенальной юстиции как комплексного системного и полиинституционного вида деятельности, трансцендирующего за пределы уголовного судопроизводства, обуславливает наличие широкого административно-правового компонента в функционировании этой формы обеспечения прав детей.

Итак, в нашем понимании ювенальная юстиция – это общественно-правовой институт, включающий специализированную систему правосудия в отношении детей и для детей, а также совокупность механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных процедур и программ, предназначенных для обеспечения прав, свобод и законных интересов детей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, реализуемых системой государственных и негосударственных органов.

В перспективе, указанные выводы могут быть учтены при корректировании действующей Национальной стратегии реформирования юстиции в отношении детей, а также при подготовке аналогичных правовых актов в будущем.

Литература

- Автономов А. С. Ювенальная юстиция: учебное пособие. – М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009. – 186 с.
- Арпентьева М. Р. Парадигмы ювенальной юстиции и совершенствование механизма реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. // Вестник Омской юридической академии. – 2015. № 3 (28). – С. 15–19.
- Бааль Е. Г. Современная система субъектов предупреждения правонарушений несовершеннолетних. – М.: Акад. МВД РФ, 1996. – 163 с.
- Гусарева О. С. Юстиція як складова правових систем сучасних країн світу та України: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Київський національний університет внутрішніх справ. – Київ, 2010. – 18 с.
- Іщенко І. В. Адміністративно-правові засади здійснення підрозділами Національної поліції України ювенальної превенції: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Харківський національний університет внутрішніх справ. – Харків, 2019. – 238.

Ковна У. С. Забезпечення прав і законних інтересів малолітніх осіб у кримінальному процесі України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Академія адвокатури України. – Київ, 2010. – 22 с.

Концепція Державної соціальної програми «Національний план дій щодо реалізації Конвенції ООН про права дитини» на період до 2021 року: затв. постановою Каб. Міністрів України від 05.04.2017 р. № 230-р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/230-2017-p> (дата звернення: 19.06.2019).

Левченко В. О. Адміністративно-правові передумови створення органів ювенальної юстиції в Україні: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Національна академія внутрішніх справ. – Київ, 2011. – 220 с.

Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.09. / Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург, 2011. – 482 с.

Мачужак Я. В., Лавровська І. Б. Формування системи ювенальної юстиції в Україні: перспективи створення ювенальних судів. Вісник Верховного Суду України. – 2005. № 7. – С. 39–43.

Мелешко Н. П. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 787 с.

Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Дело, 2001. – 272 с.

Навроцький О. О. Забезпечення прав дитини в Україні: теоретичні і практичні засади адміністративно-правового регулювання: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07 / Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. – Харків, 2018. – 472 с.

Новикова Т. Ю. Административно-правовая организация защиты прав несовершеннолетних органами ювенальной юстиции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Хабаровский гос. техн. ун-т. – Хабаровск, 2003. – 191 с.

Ортинська Н. В. Правовий статус неповнолітніх: теоретико-правове дослідження: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Національний університет «Львівська політехніка». – Львів, 2017. – 39 с.

Предеина И. В. Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Саратовская гос. академия права. Саратов, 2005. 259 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovye-i-teoreticheskie-osnovy-razvitiya-yuvenalnoi-yustitsii-v-rossii> (дата обращения: 10.06.2019).

Прилуцький С. В. Ювенальна юстиція. Юридична енциклопедія: в 6 т. / редкол.: Ю. С. Шешученко (гол. редкол.) та ін. – К.: «Укр. енцикл.», 1998. Т. 6: Т–Я. 2004. – С. 463.

Про охорону дитинства: Закон України від 26.04.2001 р. № 2402-III. Дата оновлення: 01.01.2019. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2402-14> (дата звернення: 06.07.2019).

Про схвалення Національної стратегії реформування системи юстиції щодо дітей на період до 2023 року: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 18.12.2018 р. № 1027-р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1027-2018-%D1%80> (дата звернення: 02.07.2019).

Смеловцев К. И. Ювенальная юстиция в системе социальной профилактики правонарушений несовершеннолетних: арэф. канд. юрид. наук: 12.00.08 / ВНИИ МВД РФ. – М., 2005. – 36 с.

Ткачев В. В Ростовской области создается региональная модель ювенальной юстиции. Российская юстиция. – 2002. № 2. – С. 25–27.

Филипенко Є. П. Охорона прав і свобод дітей органами внутрішніх справ: адміністративно-правові засади: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Міжнародний університет бізнесу і права. – Херсон, 2011. – 21 с.

Хананашвили Н., Зыков О. Пути продвижения ювенальной юстиции в России. Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты: сборник статей. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2000. – С. 6–24.

Хомич В. М. Введение ювенальной юстиции в Республике Беларусь: стандарты и перспективы. Состояние и анализ сферы правосудия по делам несовершеннолетних. Юстиция Беларуси. – 2004. № 10. – С. 24–27.

Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Самарский гос. ун-т. – Самара, 2015. – 242 с.

Ювенальна юстиція: навчальний посібник / Гусев А. І., Костова Ю. Б., Крестовська Н. М. та ін.; За заг. ред. Н. М. Крестовської. – Одеса: ОЮІ ХНУВС, 2006. – 155 с.

Abramson B. (2004). The right to diversion: using the Convention on the Rights of the Child to turn juvenile justice rights into reality. International Juvenile Justice Observatory. URL: <https://www.eldis.org/document/A17948> (30.06.2019).

Baglivio, M. T., Epps, N., Swartz, K., Sayedul Huq, M., Sheer, A., & Hardt, N. S. (2014). The prevalence of adverse childhood experiences (ACE) in the lives of juvenile offenders. Journal of Juvenile Justice, 3(2). URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9466/b7ff1b7dd08ecb668a5836f89ed03d3638d5.pdf> (26.06.2019).

Barton, W. H. & Butts, J. A. (2008). Building on Strength: Positive Youth Development in Juvenile Justice Programs. Chicago: Chapin Hall Center for Children at the University of Chicago. 66. URL: <http://www.yapinc.org/Portals/0/Documents/Resources/Chapin%20Hall%20Report-YAP%20Mention.pdf> (29.06.2019).

Gainborough J. & Lean E. (2008). Convention on the Rights of the Child and Juvenile Justice. The Link Connecting Juvenile Justice and child welfare. Vol. 7, No. 1. P. 1–15. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED504480.pdf> (27.06.2019).

Hess K. M. (2009). Juvenile Justice. 5-th Edition. Wadsworth, 462 p. URL: https://books.google.ru/books?id=fM-klUeEqEQC&printsec=frontcover&dq=Juvenile+Justice&hl=en&ei=EWs-TdvpOoWVQqWFrNQL&sa=X&oi=book_result&ct=result&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (29.06.2019).

United Nations Office on Drugs and Crime. (2013). Justice in Matters Involving Children in Conflict with the Law Model Law on Juvenile Justice and Related Commentary. New York. 140 p. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Justice_Matters_Involving-Web_version.pdf (28.06.2019).

Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act USA of 1974: Public Law 93–415; 88 Stat. 1109. As Amended Through P.L. 115–385, Enacted Decem. 21, 2018. URL: <https://www.ojjdp.gov/about/JJDPa-of-1974-as-Amended-12-21-18.pdf> (27.06.2019).

Juvenile Justice Reform Act of 2018. Text: H.R.6964 – 115th Congress of United States of America (2017-2018). URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/6964/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22>

Juvenile+Justice+and+Delinquency+Prevention+Reauthorization+Act+of+2018%22%5D%7D&r=1&s=1#toc-H999F63CFCAC64FD19A736B0C0069CBFB (27.06.2019).

National Ctr for Mental Health and Juvenile Justice, United States of America, Models for Change, & United States of America. (2013). Better Solutions for Youth with Mental Health Needs in the Juvenile Justice System. URL: <https://www.ncmhjj.com/wp-content/uploads/2014/01/Whitepaper-Mental-Health-FINAL.pdf> (26.06.2019).

Odongo, G. O. (2005). The Domestication of International Law Standards on the Rights of the Child with Specific Reference to Juvenile Justice in the African Context. Doctor's of Law thesis. Cape Town: University of the Western Cape. 523. URL: http://etd.uwc.ac.za/xmlui/bitstream/handle/11394/1647/Odongo_LLD_2005.pdf?sequence=1&isAllowed=y (30.06.2019).

Raymond, L. (2004). Transformation of the juvenile justice system: A paradigm shift from a punitive justice system of the old order to a restorative justice systems of the new dispensation. Thesis of Research report degree of Masters Public Administration. Cape Town: University of the Western Cape. 101. URL: http://etd.uwc.ac.za/xmlui/bitstream/handle/11394/1494/Raymond_MPA.pdf?sequence=1&isAllowed=y (30.06.2019).

Skelton, A. (2009). Restorative Justice as a Unifying Force for Child Justice Theory and Practice. 1st World Congress on restorative justice, (Lima, Peru, 3-7 Novem., 2009). Lima. URL: <https://www.unicef.org/tdad/4annskelton.pdf> (30.06.2019).

Todres J. (2004). Emerging Limitations on the Rights of the Child: the U.N. Convention on the Rights of the Child and Its Early Case Law. Colum. Hum. Rts. L. Rev. 30, 159–200. (1998) (reprinted in 2 Michael D. A. Freeman, Children's Rights, 139 (2004)). URL: https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1498&context=faculty_pub (28.06.2019).

UN Common Approach to Justice for Children. (2008). 21 p. URL: https://www1.essex.ac.uk/armedcon/story_id/UNCOMMON.pdf (09.06.2019).

References

Avtonomov, A.S. (2009). Yuvenalnaya yusticiya [Juvenile Justice]. M.: Rossijskij blagotvritelnyj fond «Net alkogolizmu i narkomanii» (NAN). 186. [in Russian].

Arpenteva, M.R. (2015). Paradigmy yuvenalnoj yusticii i sovershenstvovanie mekhanizma realizacii konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii [Paradigms of juvenile justice and improvement of the mechanism of realization of constitutional rights and freedoms of man and citizen in Russia]. Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. No. 3 (28), 15–19. [in Russian].

Baal', E.G. (1996). Sovremennaya sistema sub'ektov preduprezhdeniya pravonarushenij nesovershennoletnih [The modern system of subjects for the prevention of juvenile delinquency]. M.: Akad. MVD RF. 163. [in Russian].

Gusarieva, O.S. (2010). Yustytsiia yak skladova pravovykh system suchasnykh krain svitu ta Ukrainy [Justice as an integral part of the legal systems of the modern world countries and Ukraine]. Extended abstract of candidate's thesis: 12.00.01. Kyiv. 18. [in Ukrainian].

Ishchenko, I.V. (2019). Administratyvno-pravovi zasady zdiisnennia pidrozdilamy Natsionalnoi politzii Ukrainy yuvenalnoi prevensii [Administrative and legal principles of implementation by the units of the National Police of Ukraine of juvenile preventive measures]. Candidate's thesis: 12.00.07. Kharkiv. 238. [in Ukrainian].

Kovna, U.S. (2010). Zabezpechennia prav i zakonnykh interesiv malolitnikh osib u kryminalnomu protsesi Ukrainy [Ensuring the rights and legitimate interests of juvenile persons in the criminal process of Ukraine]. Extended abstract of candidate's thesis: 12.00.09. Kyiv. 22. [in Ukrainian].

Kontseptsiiia Derzhavnoi sotsialnoi prohramy «Natsionalnyi plan dii shchodo realizatsii Konventsii OON pro prava dytyny» na period do 2021 roku: zatv. postanovoioiu Kab. Ministriv Ukrainy vid 05.04.2017 r. № 230-r [The Concept of the State Social Program «National Action Plan for the Implementation of the UN Convention on the Rights of the Child» for the period up to 2021: approved by the decree of the Cabinet Ministers of Ukraine from 05.04.2017 № 230-p.]. (2017). Retrieved from: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/230-2017-r> (Date Views: 19.06.2019). [in Ukrainian].

Levchenko, V.O. (2011). Administratyvno-pravovi peredumovy stvorennia orhaniv yuvenalnoi yustytsii v Ukraini [Administrative and legal preconditions for the establishment of juvenile justice bodies in Ukraine]. Candidate's thesis: 12.00.07. Kyiv. 220. [in Ukrainian].

Markovicheva, E.V. (2011). Konceptualnye osnovy yuvenalnogo ugolovnogogo sudoproizvodstva [Conceptual Foundations of Juvenile Criminal Proceedings]. Doctor's thesis: 12.00.09. Orenburg. 482. [in Russian].

Machuzhak, Ya.V. & Lavrovska, I.B. (2005). Formuvannia systemy yuvenalnoi yustytsii v Ukraini: perspektyvy stvorennia yuvenalnykh sudiv [Formation of Juvenile Justice System in Ukraine: Prospects for the Establishment of Juvenile Courts]. Visnyk Verkhovnoho Sudu Ukrainy, no 7, 39–43. [in Ukrainian].

Meleshko, N.P. (2006). *Yuvenalnaya yusticiya v Rossijskoj Federacii: kriminologicheskie problemy razvitiya* [Juvenile justice in the Russian Federation: criminological problems of development]. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press». 787. [in Russian].

Melnikova, E.B. (2001). *Yuvenalnaya yusticiya: problemy ugovolnogo prava, ugovolnogo processa i kriminologii* [Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. 2th ed. M.: «Delo». 272. [in Russian].

Navrotskyi, O.O. (2018). *Zabezpechennia prav dytyny v Ukraini: teoretychni i praktychni zasady administratyvno-pravovoho rehuliuвання* [Ensuring the rights of the child in Ukraine: the theoretical and practical principles of administrative-legal regulation]. Doctor's thesis: 12.00.07. Kharkiv. 472. [in Ukrainian].

Novikova, T.Yu. (2003). *Administrativno-pravovaya organizaciya zashchity prav nesovershennoletnih organami yuvenalnoj yusticii* [Administrative and legal organization for the protection of the rights of minors by juvenile justice bodies]: Candidate's thesis: 12.00.14. 191. [in Russian].

Ortynska, N.V. (2017). *Pravovyi status nepovnolitnikh: teoretyko-pravove doslidzhennia* [Legal status of minors: theoretical and legal research]. Extended abstract of Doctor's thesis: 12.00.01. Lviv. 39. [in Ukrainian].

Predeina, I.V. (2005). *Pravovye i teoreticheskie osnovy razvitiya yuvenalnoj yusticii v Rossii* [Legal and theoretical basis for the development of juvenile justice in Russia]. Candidate's thesis: 12.00.11. Saratov. 259. [in Russian].

Prylutskyi, S.V. (2004). *Yuvenalna yustytisia* [Juvenile Justice] / Sheshuchenko Yu. S. (Eds.). 1998–2004. *Yurydychna entsyklopediia* [Legal Encyclopedia]. (Vols. 6: T–Ia), (p. 463). K.: «Ukr. entsykl.». [in Ukrainian].

Pro okhoronu dytynstva: Zakon Ukrainy vid 26.04.2001, № 2402-III [On the Protection of Childhood: Law of Ukraine dated Apr., 2001, No. 2402-III]. (2001). Update Date: 01.01.2019. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2402-14> (Date Views: 06.07.2019). [in Ukrainian].

Pro skhvalennia Natsionalnoi stratehii reformuvannia systemy yustytisii shchodo ditei na period do 2023 roku: Rozporiadzhennia Kabinetu Ministriv Ukrainy vid 18.12.2018 № 1027-r [On Approving the National Strategy for the Reform of the Justice System for Children for the Period up to 2023: Order of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated 18.12.2018 No. 1027-p]. (2018). Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1027-2018-%D1%80> (Date Views: 02.07.2019). [in Ukrainian].

Smelovcev, K.I. (2005). *Yuvenalnaya yusticiya v sisteme socialnoj profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih* [Juvenile justice in the system of social prevention of juvenile delinquency]. Extended abstract of candidate's thesis: 12.00.08. M. 36. [in Russian].

Tkachev, V. (2002). *V Rostovskoj oblasti sozdaetsya regionalnaya model yuvenalnoj yusticii* [In the Rostov region a regional model of juvenile justice is being created]. *Rossijskaya yusticiya*, no. 2, 25–27. [in Russian].

Fylypenko, Ye.P. (2011). *Okhorona prav i svobod ditei orhanamy vnutrishnikh sprav: administratyvno-pravovi zasady* [Protection of rights and freedoms of children by internal affairs bodies: administrative and legal principles]: Extended abstract of candidate's thesis: 12.00.07. Kherson. 21. [in Ukrainian].

Hananashvili, N. & Zykov, O. (2000). *Puti prodvizheniya yuvenalnoj yusticii v Rossii* [Ways to promote juvenile justice in Russia]. *Yuvenalnaya yusticiya: pravovye i tekhnologicheskie aspekty* [Juvenile justice: legal and technological aspects]: Digest of articles. M.: Rossijskij blagotvoritelnyj fond «Net alkogolizmu i narkomanii» (NAN), 6–24. [in Russian].

Homich, V.M. (2004). *Vvedenie yuvenalnoj yusticii v Respublike Belarus: standarty i perspektivy. Sostoyanie i analiz sfery pravosudiya po delam nesovershennoletnih* [Introduction of juvenile justice in the Republic of Belarus: standards and perspectives. Status and analysis of juvenile justice]. *Yusticiya Belarusi*, no. 10, 24–27. [in Russian].

Shestakova, L.A. (2015). *Realizaciya koncepcii yuvenalnoj yusticii v proizvodstve po delam nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii: genesis, sovremennost i perspektivy* [Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the Russian Federation: genesis, modernity and prospects]. Candidate's thesis: 12.00.09. Samara. 242. [in Russian].

Krestovska, N.M. (Eds.). (2006). *Yuvenalna yustytisia* [Juvenile Justice]. Odesa. 155. [in Ukrainian].

Abramson, B. (2004). *The right to diversion: using the Convention on the Rights of the Child to turn juvenile justice rights into reality*. International Juvenile Justice Observatory. Retrieved from: <https://www.eldis.org/document/A17948> (Date Views: 30.06.2019). [in English].

Baglivio, M.T., Epps, N., Swartz, K., Sayedul Huq, M., Sheer, A., & Hardt, N.S. (2014). *The prevalence of adverse childhood experiences (ACE) in the lives of juvenile offenders*. *Journal of Juvenile Justice*, 3(2). Retrieved from: <https://pdfs.semanticscholar.org/9466/b7ff1b7dd08ecb668a5836f89ed03d3638d5.pdf> (Date Views: 26.06.2019). [in English].

Barton, W. H. & Butts, J. A. (2008). *Building on Strength: Positive Youth Development in Juvenile Justice Programs*. Chicago: Chapin Hall Center for Children at the University of Chicago. 66. Retrieved from: <http://www.yapinc.org/Portals/0/Documents/Resources/Chapin%20Hall%20Report-YAP%20Mention.pdf> (Date Views: 29.06.2019). [in English].

Gainborough J. & Lean E. (2008). *Convention on the Rights of the Child and Juvenile Justice. The Link Connecting Juvenile Justice and child welfare*, vol. 7, no. 1. P. 1–15. Retrieved from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED504480.pdf> (Date Views: 27.06.2019). [in English].

Hess K. M. (2009). *Juvenile Justice*. 5th Edit. Wadsworth, 462 p. Retrieved from: https://books.google.ru/books?id=fM-kIUeEqQC&printsec=frontcover&dq=Juvenile+Justice&hl=en&ei=EWs-TdvpOoWVOqWFrNQL&sa=X&oi=book_result&ct=result&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Date Views: 27.06.2019). [in English].

United Nations Office on Drugs and Crime. (2013). *Justice in Matters Involving Children in Conflict with the Law Model Law on Juvenile Justice and Related Commentary*. New York. 140 p. Retrieved from: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Justice_Matters_Involving-Web_version.pdf (Date Views: 28.06.2019). [in English].

Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act USA of 1974: Public Law 93–415; 88 Stat. 1109. As Amended Through P.L. 115–385, Enacted Decem. 21, 2018. Retrieved from: <https://www.ojdp.gov/about/JJDP-act-of-1974-as-amended-12-21-18.pdf> (Date Views: 27.06.2019). [in English].

Juvenile Justice Reform Act of 2018. Text: H.R.6964 – 115th Congress of United States of America (2017-2018). Retrieved from: <https://www.congress.gov/bills/115/house-bills/6964/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Juvenile+Justice+and+Delinquency+Prevention+Reauthorization+Act+of+2018%22%5D%7D&r=1&s=1#toc-H999F63CF-CAC64FD19A736B0C0069CBFB> (Date Views: 27.06.2019). [in English].

National Ctr for Mental Health and Juvenile Justice, United States of America, Models for Change, & United States of America. (2013). Better Solutions for Youth with Mental Health Needs in the Juvenile Justice System. Retrieved from: <https://www.ncmhj.com/wp-content/uploads/2014/01/Whitepaper-Mental-Health-FINAL.pdf> (Date Views: 26.06.2019). [in English].

Odongo, G. O. (2005). The Domestication of International Law Standards on the Rights of the Child with Specific Reference to Juvenile Justice in the African Context. Doctor's of Law thesis. Cape Town: University of the Western Cape. 523. Retrieved from: http://etd.uwc.ac.za/xmlui/bitstream/handle/11394/1647/Odongo_LLD_2005.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Date Views: 30.06.2019). [in English].

Raymond, L. (2004). Transformation of the juvenile justice system: A paradigm shift from a punitive justice system of the old order to a restorative justice systems of the new dispensation. Thesis of Research report degree of Masters Public Administration. Cape Town: University of the Western Cape. 101. Retrieved from: http://etd.uwc.ac.za/xmlui/bitstream/handle/11394/1494/Raymond_MPA.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Date Views: 30.06.2019). [in English].

Skelton, A. (2009). Restorative Justice as a Unifying Force for Child Justice Theory and Practice. 1st World Congress on restorative justice, (Lima, Peru, 3-7 Novem., 2009). Lima. Retrieved from: <https://www.unicef.org/tdad/4annskelton.pdf> (Date Views: 30.06.2019). [in English].

Todres J. (2004). Emerging Limitations on the Rights of the Child: the U.N. Convention on the Rights of the Child and Its Early Case Law. *Colum. Hum. Rts. L. Rev.* 30, 159–200. (1998) (reprinted in 2 Michael D. A. Freeman, *Children's Rights*, 139 (2004)). Retrieved from: https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1498&context=faculty_pub (Date Views: 28.06.2019). [in English].

UN Common Approach to Justice for Children. (2008). 21 p. Retrieved from: https://www1.essex.ac.uk/armedcon/story_id/UNCOMMON.pdf (Date Views: 09.06.2019). [in English].

**Ибраева А.С.¹, Байкенжеев А.С.², Дюсебалиева С.С.³,
Турсынкулова Д.А.⁴, Ибраев Н.С.⁵**

¹доктор юридических наук, профессор, e-mail: ibraeva_tgp@mail.ru

²кандидат юридических наук, доцент, Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, Казахстан, г. Алматы, e-mail: Ainur.kassymzhan@gmail.com

³к.ю.н., доцент, Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Казахстан, г. Атырау, e-mail: Bakha2001@mail.ru

⁴кандидат юридических наук, доцент, e-mail: adilek03@mail.ru

⁵кандидат юридических наук, доцент, e-mail: ibrayev_nurlan66@mail.ru

^{1,4,5} Казахстанский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В данной статье раскрываются теоретические и практические проблемы государственно-правового регулирования миграционных отношений. Отмечается, что в настоящее время все страны так или иначе сталкиваются с проблемами миграции. Миграционные потоки в мире активно меняются в сторону увеличения. Одной из актуальных проблем является обеспечение прав мигрантов, борьба с незаконной миграцией, совершенствование регулирования миграционных отношений. По мнению авторов, вопросы миграционных отношений можно отнести к глобальным проблемам человечества.

В статье дана общая характеристика миграционной ситуации в Республике Казахстан. Сделан вывод о том, что республика становится большим транзитно-миграционным узлом. И на фоне этого возникают внутренние вызовы, усиливаются демографические дисбалансы, наблюдаются дисбалансы в производительности труда, а также рост незаконной миграции. Эксперты оценивают миграционную ситуацию в нашей стране как неоднозначную.

В статье широко используются статистические данные, характеризующие процесс миграции в Республике Казахстан. Выработаны предложения по совершенствованию государственного регулирования миграционных отношений.

Предлагается сформировать республиканскую систему единого учета иностранцев и лиц без гражданства, содержащую информацию о местах их размещения и компактного проживания, о формировании из них диаспор и общин на этнической и другой основе.

В качестве проблемы, требующей решения, обозначим ситуацию с выдворением незаконных мигрантов. Здесь необходимо специальное финансирование таких действий для органов внутренних дел. В действующем административном законодательстве не предусмотрены такие финансовые средства. Это влечет за собой незаконные длительные содержания их под стражей в приемниках-распределителях органов внутренних дел, зачастую специально не приспособленных для содержания иностранных граждан.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, трудовые мигранты, миграционная активность населения, вызовы и угрозы.

Ibraeva A.S.¹, Baykenzheyev A.S.², Dyusebalieva S.S.³,
Tursunkulova D.A.⁴, Ibrayev N.S.⁵

¹Doctor of legal sciences, professor, e-mail: ibraeva_tgp@mail.ru

²Candidate of legal sciences, associate professor, Academy of National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Almaty, e-mail: ibraeva_tgp@mail.ru

³candidate of legal sciences, associate professor of Atyrau state University. H. Dosmukhamedov, Kazakhstan, Atyrau, e-mail: Bakha2001@mail.ru

⁴Candidate of legal sciences, associate professor, e-mail: adilek03@mail.ru

⁵Candidate of legal sciences, associate professor, e-mail: ibrayev_nurlan66@mail.ru

^{1,4,5}Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

State-legal regulation of migration relations in the Republic of Kazakhstan: problems of theory and practice

This article reveals the theoretical and practical problems of state-legal regulation of migration relations. It is noted that all countries are now facing migration problems in one way or another. Migration flows in the world are actively increasing. One of the urgent problems are the issues of ensuring the rights of migrants, combating illegal migration, improving the regulation of migration relations. According to the authors, the issues of migration relations can be attributed to the global problems of mankind.

The article gives a general description of the migration situation in the Republic of Kazakhstan. It is concluded that the our country is becoming a large transit and migration hub. Against this background, internal challenges are emerging, demographic imbalances are growing, there are imbalances in labour productivity, as well as an increase in illegal migration. Experts assess the migration situation in our country as ambiguous.

The article widely uses statistical data characterizing the process of migration in the Republic of Kazakhstan. Proposals to improve the state regulation of migration relations have been developed.

It is proposed to form a Republican system of unified registration of foreigners and stateless persons, containing information on their places of accommodation and compact residence, on the formation of diasporas and communities on ethnic and other basis.

As a problem that needs to be addressed, we will refer to the situation with the expulsion of illegal migrants. It requires special funding for such actions for the internal Affairs bodies. The current administrative legislation does not provide for such funds. This entails illegal long-term detention in the reception centres of the internal Affairs bodies, which are often not specially adapted for the detention of foreign citizens.

Key words: migration, illegal migration, labor migrants, migration activity of the population, challenges and threats.

Ибраева А.С.¹, Байкенжеев А.С.², Дюсебалиева С.С.³,
Турсынкулова Д.А.⁴, Ибраев Н.С.⁵

¹заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: ibraeva_tgp@mail.ru

²заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитетінің Академиясы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Ainur.kassymzhan@gmail.com

³Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінің доценті, Қазақстан, Атырау қ., e-mail: Bakha2001@mail.ru

⁴заң ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: adilek03@mail.ru

⁵заң ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: ibrayev_nurlan66@mail.ru

^{1,4,5}Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Қазақстан Республикасындағы көші-қон қатынастарын мемлекеттік-құқықтық реттеу: теория және практика мәселелері

Бұл мақалада көші-қон қатынастарын мемлекеттік-құқықтық реттеудің теориялық және практикалық мәселелері қарастырылады. Қазіргі уақытта барлық елдер көші-қон проблемаларына тап болып отыр. Әлемде көші-қон ағындары белсенді түрде ұлғаюда. Көшіп-қонушылардың құқықтарын қамтамасыз ету, заңсыз көші-қонға қарсы күрес жүргізу, көші-қон қатынастарын реттеуді жетілдіру өзекті проблемалардың бірі болып табылады. Авторлардың пікірінше, көші-қон қатынастары мәселелерін адамзаттың жаһандық проблемаларына жатқызуға болады.

Мақалада Қазақстан Республикасындағы көші-қон жағдайының жалпы сипаттамасы берілген. Республика үлкен транзиттік-көші-қон торабына айналатыны туралы қорытынды жасалды. Осыған байланысты ішкі сын-қатерлер туындайды, демографиялық теңгерімсіздік күшейе түседі, еңбек өнімділігінде теңгерімсіздік байқалады, сондай-ақ заңсыз көші-қонның өсуі байқалады. Сарапшылар біздің елдегі көші-қон жағдайын біркелкі емес деп бағалайды.

Мақалада Қазақстан Республикасындағы көші-қон процесін сипаттайтын статистикалық деректер кеңінен қолданылады. Көші-қон қатынастарын мемлекеттік реттеуді жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірленді.

Шетелдіктер мен азаматтығы жоқ адамдарды бірыңғай есепке алудың республикалық жүйесін қалыптастыру ұсынылады, олардың орналасу және жинақы тұратын орындары туралы, олардың ішінен этникалық және басқа негізде диаспоралар мен қауымдастықтарды қалыптастыру туралы ақпаратты қамтиды.

Шешімі талап етілетін мәселе ретінде заңсыз мигранттарды шығарып жіберу жағдайын белгілейміз. Бұл жерде ішкі істер органдары осындай іс-әрекеттерді арнайы қаржыландыруы қажет. Қолданыстағы әкімшілік заңнамада мұндай ақша қаражаты көзделмеген. Бұл көбінесе шетел азаматтарын ұстауға арнайы бейімделген ішкі істер органдарының қабылдау-тарату орындарында оларды ұзақ уақыт қамауда заңсыз ұстауға әкеп соғады.

Түйін сөздер: көші-қон, заңсыз көші-қон, еңбек көші-қоны, халықтың көші-қон белсенділігі, сын-қатерлер мен қауіптер.

Введение

Вопросы государственно-правового регулирования миграционных отношений являются одними из актуальных в настоящее время. Все страны так или иначе сталкиваются с проблемами миграции. Отметим, что миграционные потоки в мире активно меняются в сторону увеличения.

В новом тысячелетии обострились проблемы, связанные с перемещением людей и обеспечением реализации их прав. В связи с этим, полагаем, что проблемы регулирования миграционных отношений можно отнести к глобальным проблемам человечества.

Это связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, рост миграции, т.е. перемещение людей на планетарном уровне проявляется сегодня как объективное явление, связанное с появлением новых государств, новых возможностей.

Во-вторых, неконтролируемый рост миграционных процессов создает угрозу для будущего человечества, препятствует прогрессу общества, создает социальное напряжение между людьми.

В-третьих, контролирование миграционных процессов на планетарном уровне может быть решено только благодаря усилиям всего мирового сообщества, большинства или многих государств.

В-четвертых, решение миграционных проблем возможно на уровне международно-правовых отношений, на основе международных договоров и международных переговоров на основе посредничества или партнерства при урегулировании споров, касающихся миграционных отношений.

Все эти обстоятельства заставляют повальному взглянуть на проблемы правового регу-

лирования миграционных отношений в Казахстане. В данной статье на основе применения научных методов таких как анализ и синтез, структурно-функциональный, статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой, раскрываются некоторые вопросы государственно-правового регулирования миграционных отношений в Казахстане и зарубежных странах.

Постановка проблемы

За последние четверть века количество международных мигрантов увеличилось вдвое и сегодня превышает 250 млн человек. При этом, по данным Международного валютного фонда, доля мигрантов в развитых странах выросла с 5% до 10%. Из них, по данным ООН, порядка 66 млн – беженцы и нелегальные мигранты (<https://365info.kz/2017/11/migratsiya-v-kazahstane-mery-kontrolya-i-rezultaty/>)

К примеру, в 2016 г. самое большое количество мигрантов прибыло в Италию, Грецию и Болгарию. Сейчас в Европе происходит самая большая миграция людей со времен Второй мировой войны. Данная информация была представлена в Интернете на сайте. (<https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-why-europes-refugee-crisis-is-happening-now>).

В настоящее время самый большой кризис мигрантов в Латинской Америке происходит в Венесуэле. В этой стране количество эмигрантов – бежавших из страны вследствие экономического кризиса уже превосходит отметку в 3 миллиона. Эти данные представлены в статье «**The Biggest Migrant Crisis In The Americas Is Taking Place In Venezuela**», опубликованной в Интернете (www.forbes.com/sites/kenrapoza/2018/02/16/the-biggest-migrant-crisis-in-the-americas-is-taking-place-in-venezuela/#49ba47a3223a). Проблемы

миграции и демографии постоянно находятся в центре внимания зарубежных ученых. В статье «The 10 Best Articles on Refugees and Migration 20/2018» представлены исследования о развитии миграции и проблемах беженцев в Нигерии, Сирии, Конго, Йемене, Венесуэле. Зарубежные ученые изучают миграцию в Нигере, вырабатывают рекомендации, как остановить поток мигрантов из этой страны. (<https://openmigration.org/en/web-review/the-10-best-articles-on-refugees-and-migration-202018>)

Александр Билак, директор Международного центра мониторинга перемещения, полагает, что вопросы миграции можно предотвратить с помощью правильной политической воли и инвестиций. Если же они не будут решены, то миграция будет продолжать причинять огромные страдания для беженцев из кризисных мест. Эти данные были опубликованы в статье «The 10 Best Articles on Refugees and Migration 1/2018» (<https://openmigration.org/en/web-review/the-10-best-articles-on-refugees-and-migration-12018/>).

Так, ученые Великобритании предлагают планы по сокращению чистой миграции «с сотен тысяч до десятков тысяч» («Консервативный манифест 2010») путем введения ограничения на иммиграцию граждан третьих стран. Эти меры направлены на сдерживание роста населения. Подобные данные изложены в учебном пособии «Demographic Objectives in Migration Policy-making». (<https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/primers/demographic-objectives-in-migration-policy-making/>)

В Казахстане различные аспекты миграции в последнее время активно изучаются учеными. Вопросы миграции постоянно находятся в поле зрения казахстанского законодателя. Обновляются и совершенствуются нормативные правовые акты.

В 2011 г. был принят новый закон РК «О миграции населения». Данный закон регулирует общественные отношения в области миграции населения, определяет правовые, экономические и социальные основы миграционных процессов. Создана миграционная полиция.

В Послании Президента РК народу Казахстана «Стратегия «**Казахстан-2050**» – Новый политический курс состоявшегося государства» особо отмечается необходимость законодательного регулирования миграционных отношений и влияние миграционных процессов на обеспечение национальной безопасности РК. Первый Президент РК – Елбасы Н. Назарбаев подчеркивает: «С каждым днем обостряется глобаль-

ный демографический дисбаланс. Общемировой тренд – старение человечества. Через 40 лет число людей в возрасте старше шестидесяти будет превышать число тех, кому меньше 15. Низкая рождаемость и старение человечества во многих странах неизбежно провоцируют проблемы на рынке труда, в частности, нехватку трудовых ресурсов. Нарастающий демографический дисбаланс формирует новые миграционные волны и усиливает социальную напряженность по всему миру. Мы, в Казахстане, сталкиваемся с миграционным давлением в отдельных регионах страны, где незаконные трудовые мигранты дестабилизируют местные рынки труда. Мы также должны понимать, что, вполне вероятно, в обозримом будущем можем столкнуться и с обратным процессом – трудовой иммиграцией за пределы нашей страны» (Назарбаев 2012: 8).

В Казахстане принята новая Концепция миграционной политики на 2017-2021 гг. (<https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/88499-kontsepsiya-migratsionnoj-politiki-na-2017-2021-gody-razrabatyvaetsya-v-kazakhstan>)

Основными целями Концепции являются достижение сбалансированного расселения населения, размещение рабочей силы, направленные на обеспечение устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности страны. Для достижения поставленных целей предполагается решение основных подходов: разработка дифференцированных механизмов отбора и использования иностранной рабочей силы; содействие развитию внутренней миграции и поддержка мобильности населения; создание условий и стимулов для переселения в Республику Казахстан этнических казахов, проживающих за рубежом, содействие их адаптации и интеграции; противодействие нелегальной миграции.

В системе права активно формируется новая комплексная отрасль – миграционное право. Это связано с появлением специального законодательства, направленного на регулирование миграционных отношений. Также отметим, что источники миграционного права находятся в рамках международного права и в рамках национального права. Казахские ученые А.С. Ибраева, С. Есетова, А. Турегельдиева предлагают принять Миграционный кодекс (Dyussebalieva 2014: 635-639).

Особо значимыми являются вопросы правового регулирования трудовой миграции. Данный вопрос особо актуален в связи с усилением интеграционных процессов в рамках современной

мировой политики и появления крупных экономических блоков, участником которых становится Республика Казахстан. Эти вопросы были рассмотрены в статье известного казахстанского ученого Т. Абайдельдинова (<http://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/767/740>).

Особо важными являются вопросы юридической ответственности мигрантов, повышения правовой культуры мигрантов и в целом защита прав мигрантов.

Все это обуславливает необходимость изучения различных аспектов миграции.

Общая характеристика миграционной ситуации

На сегодняшний день миграционная ситуация в Республике Казахстан характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, республика становится большим транзитно-миграционным узлом. Это обстоятельство объективно, поскольку Казахстан находится в центре Евразии рядом с такими великими соседями как Китай и Россия. И именно через Казахстан проходят все транспортные коммуникации, связывающие Китай и Европу.

Во-вторых, на фоне этого возникают внутренние вызовы. Только за последние пять лет из прибывших в страну иностранных граждан около 300 тыс. человек прибыло по службе, а 204 тыс. составляют вернувшиеся на родину оралманы. Повышаются темпы миграционной активности и внутри страны.

В-третьих, усиливаются демографические дисбалансы. «В условиях сохранения текущих тенденций население южных регионов Казахстана к 2050 году увеличится на 5,2 млн человек, а плотность расселения в них в четыре раза превысит аналогичные показатели в северных областях. По официальным данным, на сегодняшний день в южных регионах, без учета Алматы, проживают 38% населения, в то время как их доля в валовом региональном продукте составляет лишь 17%. Для сравнения, в северных регионах на 29% населения приходится 25% валового регионального продукта». Эти данные были отражены в статье «International and legal aspects of citizenship on the basis of analysis of the legislation in Kazakhstan and Great Britain (Otyunshiyeva 2019: 45-49).

В-четвертых, наблюдаются дисбалансы и в производительности труда. В южных регионах с наивысшей концентрацией населения зафиксирована самая низкая производительность,

в северных областях с низкой плотностью уровень производительности выше. Тем не менее, прогнозируется, что в ближайшие пять лет приток новых работников во все регионы Казахстана замедлится. Это последствия демографической ситуации начала 90-х годов XX века и связанное с этим сокращение предложений на рынке труда.

В-пятых, наблюдается рост незаконной миграции. Отметим, что борьба с нелегальной миграцией продолжает оставаться насущным вопросом для большинства современных государств. Это требует незамедлительного урегулирования на законодательном уровне в Республике Казахстан.

Обратимся к оценкам экспертов. Так, многие эксперты оценивают миграционную ситуацию в нашей стране как неоднозначную. Отметим, что с начала независимости миграционная ситуация развивается волнообразно. В первый период, начиная с 1991 г. вплоть до 2004 г. Казахстан покинуло более 2,7 млн человек. То есть число выезжающих было больше, чем приезжающих на постоянное место жительства.

И только в 2004 г. стало наблюдаться положительное сальдо. В 2004 г. поток иммигрантов превысил число выезжающих. Эта ситуация наблюдалась до 2011 г. Отметим, что ежегодно в страну въезжали в среднем более 110 тыс. человек.

Однако, начиная с 2012 г., вновь начался спад, особенно усилившийся в 2015-2016 гг. Это можно объяснить мировым финансовым кризисом.

Так, в 2015 г. страну покинуло 30 тыс. человек, в 2016 – почти 33 тыс., а за 6 месяцев 2017 – 15 тыс. человек, из них 10,8 тыс. – русские.

Отметим, что чаще всего казахстанцы выезжают в Россию. Затем привлекательными для проживания являются Германия, Беларусь, Узбекистан и США. По данным исследователя Морозова А., в 2017 году наблюдались самые высокие темпы отъезда русских за последние 5 лет. (https://forbes.kz/news/2017/09/08/newsid_154274)

Приведем статистические данные, озвученные МВД РК и опубликованные в статье Уранкаевой Ж. «Количество незаконно въехавших в РК иностранцев назвали в МВД РК». «Так, в 2017 г. в Казахстан заехали практически 5 млн человек. Это транзитники, иностранцы, которые могут пребывать без визы в стране, и иностранцы, порядка 2 млн человек, которые подлежат обязательной регистрации. Один миллион 600 тысяч человек – это граждане СНГ, в том числе из Узбекистана – один миллион 226 тысяч, России – 147 тысяч, Кыргызстана – 108 тысяч, из

стран дальнего зарубежья – 139 тысяч человек, большинство граждане Китая, Турции, Индии и Монголии» (<https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/kolichestvo-nezakonno-vehavshih-v-rk-inostrantsev-nazvali-v-mvd-rk>).

Миграция зависит от периода времени. Так, весной миграционные потоки в Казахстан увеличиваются. Растет число мигрантов, которые через территорию республики заезжают на территорию России. Также наблюдается рост миграции осенью. Как правило, мигранты возвращаются из России домой, в основном в Узбекистан. «По данным МВД, число иностранцев, прибывающих ежегодно в Казахстан, достигает более 5 млн человек, около 2,5 млн человек на длительный срок оседают в РК для учебы, работы и лечения, 3 млн человек проезжают республику транзитом» (<https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>).

Согласно официальной статистике, «иммиграционный поток в Казахстан состоит преимущественно из репатриантов – этнических казахов из центральноазиатских республик, Китая, Монголии, а также в незначительной мере – русских, украинцев, корейцев. Согласно данным Комитета по статистике Министерства здравоохранения и социального развития, с 1991-го по 1 января 2016 года в Казахстан прибыли и получили статус оралмана 261104 семьи, или 957772 этнических казаха, что составляет 5,5% от общей численности населения страны. Большинство оралманов – 61,6% – прибыли из Узбекистана, 14,2% являются выходцами из Китая, 9,2% – Монголии, 6,8% – Туркменистана, 4,6% – России и 3,6% – из других стран. За 25 лет в Казахстан прибыло более 957 тысяч оралманов. В составе прибывших лица трудоспособного возраста составляют 55,6%, дети до 18 лет – 39,9% и пенсионеры – 4,5%» (<https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>).

Также наблюдается рост числа иностранных специалистов, приезжающих в Казахстан. В региональном распределении наибольшее количество иностранных специалистов приезжают работать в Атыраускую область – 30%, Астану – 15,2%, Мангистаускую область – 12,2%, Алматинскую область – 7,5% и Алматы – 15,8%, что в совокупности составляет 80,7% всех иностранных работников» (<https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>).

Вызовы и угрозы для Казахстана

Новое тысячелетие выявило новые угрозы для государства и общества. Каждое государство

ставит приоритетом защиту национальной безопасности от реальных и потенциальных угроз. В законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» угрозы национальной безопасности определяются как совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), препятствующих или могущих препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан.

Одним из реальных угроз для национальной безопасности РК является нелегальная миграция. Известный казахстанский ученый Е. Садовская раскрывает причины и географию распространения незаконной миграции, рассматривает проблемы предупреждения роста незаконной миграции. (Садовская Е. https://www.neweurasia.info/archive/2001/ka_press/10_08_Migracia.htm)

«Незаконное положение мигрантов порождает серьезные вызовы и угрозы. Так, растет уровень криминализации общества как за счет преступности среди мигрантов, так и за счет преступлений против мигрантов. Это порождает коррупцию в сфере миграции, рост эксплуатации и использования рабского труда. Наблюдаются моменты неоплаты по завершению работы, ростом ограблений. Тем самым возникают угрозы экономической безопасности государства, и в целом здоровью населения» (<http://esa.un.org/unmigration/TIMSO2013/migrantstock>).

Наряду с трудовыми мигрантами в Казахстан попадают деструктивные элементы. В данном случае речь идет о религиозных фанатиках и последователях религиозных течений, запрещенных на территории Казахстана. В этой связи многие страны разрабатывают защитные механизмы, способные на начальной стадии выявить последователей запрещенных религиозных объединений. Такие механизмы действуют в Казахстане. В статье Королева А. «Миграция в Казахстане: меры контроля и результаты» раскрываются меры контроля за незаконной миграцией. (<https://365info.kz/2017/11/migratsiya-v-kazahstane-mery-kontrolya-i-rezultaty>).

В 2019 г. планируется подписать в рамках договора соглашения по противодействию незаконной миграции государствами – членами ОДКБ.

Приведем статистику по 2017 году. «Так, 110 тыс. незаконных мигрантов за это время привлекли к административной ответственности, 10 тыс. выдворены по решению суда. При этом государство наказывает только тех, кто нарушает правила пребывания в стране, для остальных же создаются благоприятные условия нахожде-

ния в Казахстане. Так, например, граждане 61 государства получили возможность безвизового режима с РК со сроком пребывания до 30 дней. Для граждан 53 стран введен облегченный порядок получения виз. Также для граждан Китая и Индии введен 72-часовой безвизовый транзитный въезд. Отметим, что эта норма введена экспериментально. Если результаты будут положительными, то эта норма может быть расширена и на граждан других государств» (<https://articlekz.com/en/article/19706> (Accessed 05.02.2019)).

С 1 июля 2019 г. будут вводиться электронные визы. Это значит, что иностранный гражданин, решивший приехать в Казахстан, посредством Интернета сможет обратиться в миграционные органы РК и дать все свои личные данные, которые будут проверены, и, если все в порядке, ему оформят визу.

Также можно выделить в качестве угрозы массовой выезд из страны молодежи, а также специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием. Специалисты бьют тревогу, полагая, что массовый выезд из Казахстана специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием может подорвать экономику в целом. «Так, выезд из Казахстана только за период с 1991 по 2005 год составил 200-250 тыс. человек. При этом общий ущерб от «утечки умов» можно оценить в 100-125 млрд долларов. Всего за период с 1991 по 2015 год из Казахстана, только по официальным данным, эмигрировало 3,538 млн человек, из них более 2 млн безвозвратно» (<https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>).

Молодежь в качестве нового места жительства выбирает преимущественно Россию. В России работает грамотно выстроенная миграционная политика, направленная на привлечение молодежи. Отметим, процесс получения бесплатного высшего образования. Так, в России практически по всем специальностям можно получить бесплатные гранты. Это способствует тому, что молодежь, и особенно из северных регионов Казахстана уезжает обучаться в российских вузах и затем остается на работу по месту обучения. В дальнейшем также получают российское гражданство.

Отток молодежи лишает Казахстан трудовых профессиональных ресурсов, нехватку которых будет проблематично восполнить. Поэтому полагаем необходимым стимулировать со стороны государства молодежь обучаться в Казахстане. Одним из таких способов является увеличение числа грантов на бюджетной основе. Отметим, что в 2018 г. количество грантов было увеличено

на 20 тыс. мест. Общее количество грантов, выделяемых ежегодно, по республике достигло 69 тыс.

Отметим, что Республика Казахстан становится привлекательной для трудовых мигрантов. Вместе с тем, наблюдается прирост низкоквалифицированной рабочей силы за счет трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. В первую очередь, рассматриваются трудовые мигранты из Кыргызстана и Узбекистана.

Опыт борьбы с незаконной миграцией в странах ОДКБ

Думается, что изучение законодательства ведущих зарубежных стран и использование мировой практики в борьбе с незаконной миграцией в Казахстане окажут несомненную пользу.

Сегодня миграционные потоки растут по всему миру. С одной стороны, это говорит о глобализации, смывании границ, с другой – нельзя забывать и о существующих рисках. Наша цель – не противодействовать передвижению людей, как раз, наоборот. Важно, чтобы в рамках ОДКБ люди мигрировали на законных условиях, так как это в том числе и гарантия их личной безопасности, ведь если тот или иной человек находится в стране на незаконных основаниях, то не обеспечены его права.

Обратимся к статистическим данным. «Более 3,5 тысячи уголовных дел заведено в странах ОДКБ за организацию незаконного трафика. Впервые государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности совместно организовали и провели операцию «Нелегал-2018», которая получила статус постоянно действующей. Два активных этапа операции продолжались с 15 по 23 мая и с 17 по 25 сентября 2018 г.

В результате скоординированных действий компетентных органов государств-членов ОДКБ в ходе операции «Нелегал-2018» было выявлено свыше 143 тысяч нарушений миграционного законодательства, из которых свыше 110 тысяч связаны с нарушением порядка въезда, выезда и пребывания иностранных граждан. Свыше 33 тысяч связаны с нарушениями порядка осуществления мигрантами трудовой деятельности» (<https://ru.sputniknews.kz/politics/20181120/8163342/nelegalnaya-migraciya-odkb-operaciya-itogi.html>)

«При этом в рамках операции полиция стран ОДКБ возбудила 3 615 уголовных дел за организацию незаконной миграции. Кроме того, по административным делам во время проведения «Нелегала-2018» правоохранители выпи-

сали штрафы на сумму около пяти миллионов долларов США, из которых 61% было взыскано в период проведения активных этапов операции. В своих странах операцией «Нелегал-2018» руководили специально созданные межведомственные национальные штабы, работу которых возглавили представители Координационного совета руководителей компетентных органов государств-членов ОДКБ по борьбе с незаконной миграцией (КСБНМ).

Задачи операции касались выявления и пресечения каналов незаконной миграции и преступлений, связанных с ней. Кроме того, операция стала своего рода «тренажером» взаимодействия между полицией, миграционными службами и другими профильными ведомствами как внутри стран, так и на межгосударственном уровне.

По результатам операции были задержаны 443 нарушителя, которые находились в международном розыске, или 399 «подозрительных финансовых операций», произведенных иностранными гражданами в странах ОДКБ на сумму свыше двух миллионов долларов США. Было возбуждено 5 398 уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности и террористического характера, а также нарушениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков и оружия, пересечением госграниц» (<https://ru.sputniknews.kz/politics/20181120/8163342/nelegalnaya-migraciya-odkb-operaciya-itogi.html>)

В 2019 г. планируется начать осуществление операции «Наемник». Цель – установление людей, которые вернулись из зоны боевых действий и принимали участие в незаконных военных операциях. «Наиболее актуально это для боевиков из стран ЦА, воевавших на стороне так называемого «Исламского государства» в Сирии. Отметим, что увеличиваются миграционные потоки в страны ОДКБ с Ближнего и Среднего Востока, террористы пытаются проникнуть на это пространство под видом мигрантов. Планируется в течение года объединить усилия спецмероприятий «Нелегал» и «Наемник» (<https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>)

Предложения по совершенствованию государственного регулирования миграционных отношений

Государственные органы РК держат на контроле миграционную ситуацию. Особое внимание уделяется пресечению незаконной миграции. Так, разработан ряд правовых и организационных мероприятий, проводятся научные

исследования, публикуются доклады Международной организации по миграции МОМ, в которых уделяется большое внимание обеспечению прав мигрантов и предотвращению правонарушений, связанных с миграционными ситуациями. «МОМ является организацией, которая осуществляет деятельность, направленную на решение оперативных задач в области миграции; содействие пониманию вопросов, связанных с миграцией; стимулирование социально-экономического развития через миграцию и защиту человеческого достоинства и благосостояния мигрантов» (<http://www.iom.kz/images/books/FullReportRUS2016.pdf>).

Отметим, что 13 июня 2001 года был принят Закон «О туристской деятельности в Республике Казахстан». На базе данного закона осуществляется государственное регулирование и контроль за туристическими потоками. Предусмотрено лицензирование туристической деятельности. Утверждены квалификационные требования к лицам, осуществляющим занятия туристической деятельностью. Для этого необходимо получение лицензии. Утверждены общие требования, предъявляемые к профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов в области туризма.

Отметим, что в настоящее время в Казахстане установлен безвизовый режим для более чем тридцати стран. Казахстанцы без визы могут посещать 99 стран. «К примеру, Министерство иностранных дел РК с 1 января 2017 года расширило список стран с безвизовым въездом в Казахстан сроком до 30 дней для таких стран как ОАЭ, Малайзия, Сингапур, Монако и для стран 35 ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). Это США, Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Новая Зеландия, Япония, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Республика Корея, Латвия, Люксембург, Венгрия, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Турция, Великобритания, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эстония. Недавно в этот список внесли еще 5 стран: Болгария, Кипр, Литва, Мальта и Румыния» 1 (<http://shopomania.kz/travel/259-bevizovyy-vezd-v-kazahstan.html>).

Вместе с тем полагаем, что необходимы меры по совершенствованию миграционного законодательства. К примеру, необходимо сформировать республиканскую систему единого учета иностранцев и лиц без гражданства, содержащую информацию о местах их размещения и

компактного проживания, о формировании из них диаспор и общин на этнической и другой основе.

Со стороны государства должен быть строгий контроль за своевременным выездом из страны по завершению работы трудовых мигрантов, за процессом депортации иностранцев, принятых на работу с нарушением действующего законодательства.

В качестве проблемы требующей решения обозначим ситуацию с выдворением незаконных мигрантов. Здесь необходимо специальное финансирование таких действий для органов внутренних дел. В действующем административном законодательстве не предусмотрены такие финансовые средства. Это влечет за собой незаконные длительные содержания их под стражей в приемниках-распределителях органов внутренних дел, зачастую специально не приспособленных для содержания иностранных граждан.

Это проблема также была поднята в выступлении депутата Мажилиса А. Самгулова на заседании Парламента РК 12 апреля 2019 г.: «Актуальным является вопрос пребывания трудовых мигрантов в Атырауской и Мангистауской областях. Они должны обратиться в посольство своей страны, которое расположено в Нур-Султане, получить паспорт или же оформить сертификат, чтобы вернуться в свою страну. Однако, из-за отсутствия у них документов, удостоверяющих личность, им не выдаётся проездной документ. Поэтому, вернуть их в свою страну не предоставляется возможность. В результате, растёт количество правонарушений со стороны данной категории иностранцев». В связи с этим полагаем справедливым предложения депутатов Парламента о том, что необходимо усовершенствовать механизмы выявления и выдворения из страны иностранцев, имеющих просроченный документ. В том числе рассмотреть вопрос оказания консульских услуг в западном регионе Казахстана. Проработать вопрос о необходимости сверки печати органов пограничного контроля и ужесточить меры за нарушение правил привлечения иностранной рабочей силы» ([https://bnews.kz/ru/news/okolo_4 mln_trudovih_migrantov_priehali_iz_uzbekistana_rabotat_v_kazahstan?utm_](https://bnews.kz/ru/news/okolo_4 mln_trudovih_migrantov_priehali_iz_uzbekistana_rabotat_v_kazahstan?utm_campaign=16018260&utm_medium=banner&utm_content=40064093&utm_source=news.mail.ru)

[campaign=16018260&utm_medium=banner&utm_content=40064093&utm_source=news.mail.ru\)](https://bnews.kz/ru/news/okolo_4 mln_trudovih_migrantov_priehali_iz_uzbekistana_rabotat_v_kazahstan?utm_campaign=16018260&utm_medium=banner&utm_content=40064093&utm_source=news.mail.ru)

Заключение

В системе функционирования современного государства и права можно выделить новое направление – регулирование миграционных отношений. В этой связи возможно ставить вопрос о новой функции государства – миграционной, и о формировании новой комплексной отрасли права – миграционного права.

Полагаем, что предметом миграционного права могут стать следующие общественные отношения. Это конституционное право человека на свободу передвижения; право и обязанности мигрантов; полномочия органов государственной власти и управления, осуществляющих иммиграционный и миграционный контроль; вопросы трудовой миграции; вопросы юридической ответственности мигрантов. Метод правового регулирования – императивный. Также возможно принятие Миграционного кодекса Республики Казахстан.

С точки зрения юридической науки необходимо изучение опыта развитых государств в регулировании миграционных отношений и особенно опыт борьбы с незаконной миграцией. (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56050557300>).

Противодействие нелегальной миграции в настоящее время является одной из приоритетных задач. Решение данной проблемы лежит в области законотворчества и в области применения этих законов на практике. Также полагаем необходимым совершенствование законодательства РК в области приобретения гражданства. Вопросы гражданства активно исследуются казахстанскими учеными. Укажем труды А. Отыншиевой, А. Ибраевой, А. Байкенжеева (<http://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/958>).

Правовое регулирование гражданства должно правильно отражать миграционные процессы, чтобы предвидеть негативные последствия как для государства, так и для личности в государстве.

Литература

- Безвизовый въезд в Казахстан 2019. Список стран с безвизовым въездом в РК по национальным (общегражданским) паспортам // <http://shopomania.kz/travel/259-bezvizovyuy-vezd-v-kazahstan.html> / Дата обращения 17.03.2019/.
- Зайнетдинов В. Нелегалы заплатили около \$5 миллионов штрафов – итоги операции ОДКБ // Политика. – 2018. – 20 ноября. <https://ru.sputniknews.kz/politics/20181120/8163342/nelegalnaya-migraciya-odkb-operaciya-itogi.html>

Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2017-2021 гг. Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан 5 сентября 2000 года // Источник: <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/88499-kontseptsiya-migratsionnoj-politiki-na-2017-2021-gody-razrabatyvaetsya-v-kazakhstan> / Дата обращения 07.03.2019/

Королев А. Миграция в Казахстане: меры контроля и результаты // 2017. – 16 ноября <https://365info.kz/2017/11/migratsiya-v-kazahstane-meryu-kontrolya-i-rezultaty/>. /Дата обращения 07.03.2019/

Морозов А. Новая миграционная концепция РК – кто «званные гости» и «лишние люди»? – 2017. – 8 сентября. // https://forbes.kz/news/2017/09/08/newsid_154274 /Дата обращения 07.03.2019/

Мунинов А. ОДКБ поставит заслон «наемникам» и «нелегалам» Казахстан привлечет туристов и накажет незаконных мигрантов. – 2018. – 28 апреля // <https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>

Назарбаев Н.А. Выступление на республиканском совещании представителей правоохранительных органов // Новое поколение. – 2005. – 12 сентября.

Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» – Новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012. – Алматы, 2012. – 34 с.

Садовская Е. Незаконная миграция в Казахстане: причины, география распространения и проблемы предупреждения // Причины распространения незаконной миграции // https://www.neweurasia.info/archive/2001/ka_press/10_08_Migracia.htm /Дата обращения 18.03.2019/

Уранкаева Ж. Количество незаконно въехавших в РК иностранцев назвали в МВД РК // Казахстанская правда. – 2017. – 3 ноября. №23 <https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/kolichestvo-nezakonno-vehavshih-v-rk-inostrantsev-nazvali-v-mvd-rk> 17:19, 3 Ноября 2017

Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: Основные причины и социально-экономические последствия возвратной миграции. Региональная полевая оценка в Центральной Азии 2016. – Астана, 2016, XXX с. // <http://www.iom.kz/images/books/FullReportRUS2016.pdf>.

Языкова Т. Названы страны, из которых в Казахстан прибывает наибольшее число мигрантов // https://bnews.kz/ru/news/okolo_4 mln_trudovih_migrantov_priehali_iz_uzbekistana_rabotat_v_kazahstan?utm_campaign=16018260&utm_medium=banner&utm_content=40064093&utm_source=news.mail.ru

Abaideldinov T.M., Muxinova A.T. Some questions of labor migration in the Republic Of Kazakhstan // Vol 85 No.1 (2018): JOURNAL of Actual Problems of Jurisprudence // <http://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/767/740>

Cangiano A. “The Impact of Migration on UK Population Growth.” Migration Observatory Briefing, Centre on Migration, Policy and Society, University of Oxford, 2011. // <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/primers/demographic-objectives-in-migration-policy-making/>

Dyussebalieva S., Yessetova S., Turegeldieva A. The Legal Regulation of Migration: International and National Experience // World Applied Sciences Journal 30 (5): 635-639, 2014, ISSN 1818-4952 © IDOSI Publications, 2014, DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.05.14068

8 reasons Europe’s refugee crisis is happening now // *The Washington Post* Access mode URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-why-europes-refugee-crisis-is-happening-now> (Accessed 22.12.2017).

Ibrayeva, A., Abdikarim, Y., Alimbekova. The legal policy of the Republic of Kazakhstan: New priorities and succession// World Applied Sciences Journal. – 2014. // <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56050557300>

Iimkozha A.E. Analysis of external threats in the context of national security of the republic of Kazakhstan // BULLETIN of Ablai Khan KazUIRandWL. International relations – 2017. – №4 (30) – С. 40-47. <https://articlekz.com/en/article/19706>(Accessed 05.02.2019).

Otynshiyeva, A.A., Ibrayeva, A.S., Castellino, J., Baimakhanova, D.M., Baikenzheyev, A.S. International and legal aspects of citizenship on the basis of analysis of the legislation in Kazakhstan and Great Britain // International Journal of Public Law and Policy. – 2019. – №4.

The Biggest Migrant Crisis In The Americas Is Taking Place In Venezuela», опубликованной в Интернете (The Biggest Migrant Crisis In The Americas Is Taking Place In Venezuela),<https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2018/02/16/the-biggest-migrant-crisis-in-the-americas-is-taking-place-in-venezuela/#49ba47a3223a>

Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin: [Электрон. ресурс]. – – URL: <http://esa.un.org/unmigration/TIMSO2013/migrantstock> (дата обращения 18.03.2019).

How many more migrants and refugees can we expect out of Venezuela? Dany Bahar and Douglas Barrios Monday, December 10, 2018 // <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2018/12/10/how-many-more-migrants-and-refugees-can-we-expect-out-of-venezuela/>

Wright R. “The Economics of New Immigration to Scotland.” Hume Lecture, David Hume Institute, Royal Society of Edinburgh, Edinburgh, 1 April 2008.// https://www.johnmuirtrust.org/assets/000/001/070/reducing_carbon_emissions_-_the_view_from_2050_original.pdf?1438876313

The 10 Best Articles on Refugees and Migration 20/2018»// <https://openmigration.org/en/web-review/the-10-best-articles-on-refugees-and-migration-202018>

The 10 Best Articles on Refugees and Migration 1/2018» // <https://openmigration.org/en/web-review/the-10-best-articles-on-refugees-and-migration-12018/>.

References

- Bezvizovyy v'ezd v Kazahstan 2019. Spisok stran s bezvizovym v'ездом v RK po natsionalnyim (obschegrazhdanskim) passportam // <http://shopomania.kz/travel/259-bezvizovyy-vezd-v-kazahstan.html> / Data obraschenie 17.03.2019/.
- Zaynetdinov V. Nelegaly zaplatili okolo \$5 millionov shtrafov – itogi operatsii ODKB // Politika. – 2018. – 20 noyabrya. <https://ru.sputniknews.kz/politics/20181120/8163342/nelegalnaya-migraciya-odkb-operaciya-itogi.html>
- Kontsepsiya migratsionnoy politiki Respubliki Kazahstan na 2017-2021 gg. Odobrena postanovleniem Pravitelstva Respubliki Kazahstan 5 sentyabrya 2000 goda // Istochnik: <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/88499-kontsepsiya-migratsionnoj-politiki-na-2017-2021-gody-razrabatyvaetsya-v-kazakhstan> / Data obrascheniya 07.03.2019/
- Korolev A. Migratsiya v Kazahstane: meryi kontrolya i rezultaty // 2017. – 16 noyabrya <https://365info.kz/2017/11/migratsiya-v-kazahstane-meryi-kontrolya-i-rezultaty/>. /Data obrascheniya 07.03.2019/
- Morozov A. Novaya migratsionnaya kontsepsiya RK – kto «zvanyie gosti» i «lishnie lyudi»? // 2017. – 8 sentyabrya. // https://forbes.kz/news/2017/09/08/newsid_154274/Data obrascheniya 07.03.2019/
- Muminov A. ODKB postavit zaslon «naemnikam» i «nelegalam» Kazahstan privilechet turistov i nakazhet nezakonnnyh migrantov. – 2018. – 28 aprelya // <https://abctv.kz/ru/news/odkb-postavit-zaslon>
- Nazarbaev N.A. Vyistuplenie na respublikanskom soveschani predstavitel'ey pravoohranitel'nykh organov // Novoe pokolenie. – 2005. – 12 sentyabrya.
- Sadovskaya E. Nezakonnaya migratsiya v Kazahstane: prichiny, geografiya rasprostraneniya i problemyi preduprezhdeniya // Prichinyi rasprostraneniya nezakonnnoy migratsii // https://www.neweurasia.info/archive/2001/ka_press/10_08_Migracia.htm /Data obrascheniya 18.03.2019/
- Urankaeva Zh. Kolichestvo nezakonno v'ehavshih v RK inostrantsev nazvali v MVD RK // Kazahstanskaya pravda. – 2017. – 3 noyabrya. # <https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/kolichestvo-nezakonno-vehavshih-v-rk-inostrantsev-nazvali-v-mvd-rk> 17:19, 3 Noyabrya 2017
- Uyazvimost migrantov i potrebnosti integratsii v Tsentralnoy Azii: Osnovnyie prichinyi i sotsialno-ekonomicheskie posledstviya vozvratnoy migratsii. Regionalnaya polevaya otsenka v Tsentralnoy Azii 2016. Astana, 2016, XXX c. // <http://www.iom.kz/images/books/FullReportRUS2016.pdf>.
- Yazykova T. Nazvany` strany`, iz kotory`kh v Kazahstan priby`vaet naibol`shee chislo migrantov // https://bnews.kz/ru/news/okolo_4 mln_trudovih_migrantov_priehali_iz_uzbekistana_rabotat_v_kazahstan?utm_campaign=16018260&utm_medium=banner&utm_content=40064093&utm_source=news.mail.ru
- Abaideldinov T.M. Muxinova A.T. SOME QUESTIONS OF LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN // Vol 85 No.1 (2018): JOURNAL of Actual Problems of Jurisprudence // <http://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/767/740>
- Abaideldinov T.M. Muxinova A.T. SOME QUESTIONS OF LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN // Vol 85 No.1 (2018): JOURNAL of Actual Problems of Jurisprudence // <http://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/767/740>
- Cangiano A. “The Impact of Migration on UK Population Growth.” Migration Observatory Briefing, Centre on Migration, Policy and Society, University of Oxford, 2011. // <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/primers/demographic-objectives-in-migration-policy-making/>
- Dyussebaliyeva S., Yessetova S., Turegeldieva A. The Legal Regulation of Migration: International and National Experience // World Applied Sciences Journal 30 (5): 635-639, 2014, ISSN 1818-4952 © IDOSI Publications, 2014, DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.05.14068
- 8 reasons Europe’s refugee crisis is happening now // *The Washington Post* Access mode URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-why-europes-refugee-crisis-is-happening-now> (Accessed 22.12.2017).
- Ibrayeva, A., Abdikarim, Y., Alimbekova. The legal policy of the Republic of Kazakhstan: New priorities and succession// World Applied Sciences Journal. – 2014. // <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56050557300>
- Ilimkozha A.E. Analysis of external threats in the context of national security of the republic of Kazakhstan // BULLETIN of Ablai Khan KazUIR and WL. International relations – 2017. – №4 (30) – С. 40-47. <https://articlekz.com/en/article/19706>(Accessed 05.02.2019).
- Otynshiyeva, A.A., Ibrayeva, A.S., Castellino, J., Baimakhanova, D.M., Baikenzheyev, A.S. International and legal aspects of citizenship on the basis of analysis of the legislation in Kazakhstan and Great Britain // International Journal of Public Law and Policy. – 2019. – №4.
- The Biggest Migrant Crisis In The Americas Is Taking Place In Venezuela», опубликованной в Интернете (The Biggest Migrant Crisis In The Americas Is Taking Place In Venezuela», <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2018/02/16/the-biggest-migrant-crisis-in-the-americas-is-taking-place-in-venezuela/#49ba47a3223a>
- Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin: [Электрон. ресурс]. – – URL: <http://esa.un.org/unmigration/TIMSO2013/migrantstock> (дара обращения 18.03.2019). How many more migrants and refugees can we expect out of Venezuela? Dany Bahar and Douglas Barrios Monday, December 10, 2018 // <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2018/12/10/how-many-more-migrants-and-refugees-can-we-expect-out-of-venezuela/>
- Wright R. “The Economics of New Immigration to Scotland.” Hume Lecture, David Hume Institute, Royal Society of Edinburgh, Edinburgh, 1 April 2008. // https://www.johnmuirtrust.org/assets/000/001/070/reducing_carbon_emissions_-_the_view_from_2050_original.pdf?1438876313
- The 10 Best Articles on Refugees and Migration 20/2018» // <https://openmigration.org/en/web-review/the-10-best-articles-on-refugees-and-migration-202018>
- The 10 Best Articles on Refugees and Migration 1/2018» // <https://openmigration.org/en/web-review/the-10-best-articles-on-refugees-and-migration-12018/>.

3-бөлім
**ТАБИҒИ РЕСУРСТАР ЖӘНЕ
ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ**

Section 3
**NATURAL RESOURCES
AND ECOLOGY LAW**

Раздел 3
**ПРИРОДОРЕСУРСОВОЕ
И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Қалымбек Б.¹, Сайпинов Д.Р.², Реми М.³¹з.ғ.к., қауымдастырылған профессор, e-mail: b_kalymbek@mail.ru²құқық магистрі, докторант,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

³PhD докторы, Кадиский университет, Испания, Кадис қ., e-mail: michel.remi@uca.es**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ
МАҚСАТЫНА АРНАЛҒАН ЖЕРЛЕРДІҢ ПАЙДАЛАНУ МЕН
ҚОРҒАУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ**

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің жалпы түсінігі, түрлері, нысаны мен қағидаларының ұғымы Қазақстан Республикасының 2003 жылғы 20 маусымдағы жаңадан қабылданған Жер Кодексінде жазылған. Қазақстан Республикасының Жер Кодексінің 97-бабы ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді ауыл шаруашылығының қажеттіліктері үшін берілген немесе осы мақсаттарға арналған жерлер ретінде бекітіп берген. Ол – жер санаттарының ішіндегі ең негізгі жер санаты, оның басты ерекшелігі болып жердің өндіріс шикізаттары мен адамдар мен жан-жануарларға қажетті азықтардың басты құралы болып табылатындығы болып отыр. Жалпы, ауыл шаруашылығы алқаптары – ерекше қорғалуға жататын, Қазақстан Республикасының басқа жер санаттарымен салыстырғанда ең шұрайлы, құнарлы жерлері (Әділет ақпараттық құқықтық жүйесі, 2017).

Жалпы, ауыл шаруашылығы – барлық шаруашылық салаларының ішіндегі ең ежелгі және табиғаттың жай-күйіне тікелей тәуелді саласы. Сонымен қатар ауыл шаруашылығы – неғұрлым көп тараған сала. Шындығында, қазіргі таңда ауыл шаруашылығының түрлі салаларымен айналыспайтын бірде-бір мемлекет жоқ. Ғалымдар шамамен оның 50-ге жуық түрін бөліп көрсетеді. Қазіргі мәлімет бойынша дүниежүзінде осы салада шамамен 1,3 млрд-тан астам адам еңбек етеді, оған ауыл шаруашылығындағы шаруа отбасыларын қосатын болса, онда ол көрсеткіш 2,6 млрд адамға жетеді.

Түйін сөздер: ауыл шаруашылығы құқығы, құқықтық реттеу, жер кодексі, құқықтық қатынас, азаматтар, шетел азаматтары.

Kalymbek B.¹, Saypinov D.R.², Remi M.³¹Candidate of legal sciences, associate Professor, e-mail: b_kalymbek@mail.ru²докторант 2nd year PhD training

al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

³PhD doctor, Cadiz University, Spain, Cadiz, e-mail: michel.remi@uca.es**Legal features of use and protection of
agricultural land in the Republic of Kazakhstan**

The concept, types, forms and rules of legal regulation of agricultural land are set out in the Land code of the Republic of Kazakhstan of 20 June 2003. Article 97 of the Land code of the Republic of Kazakhstan establishes agricultural land as land provided for or intended for agricultural purposes. This is the most basic category of land from the categories of land, the main feature of which is that the Land is the main means for industrial raw materials and feed needed for humans and animals. In General, agricultural land is the most favorable, fertile land in comparison with other categories of land of the Republic of Kazakhstan, subject to special protection (information and legal system of justice, 2017).

In General, agriculture is the oldest of all branches of economy and directly depends on the state of nature. In addition, agriculture is the most common industry. Indeed, at present there is no state that is not engaged in various sectors of agriculture. In the house of scientists, approximately 50 species secrete. According to data, in the world about 1.3 billion people work in this industry, including peasant families in agriculture, this figure reaches 2.6 billion people.

Key words: rights of agriculture, legal regulation, land code, legal attitude, citizens, foreign citizens.

Қалымбек Б.¹, Сайпинов Д.Р.², Реми М.³

¹кандидат юридических наук, доцент, e-mail: b_kalymbek@mail.ru

²докторант PhD 2 года обучения

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

³PhD доктор, Кадисский университет, Испания, г. Кадис, e-mail: michel.remi@uca.es

Правовые особенности использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения в Республике Казахстан

Понятие, виды, формы и правила правового регулирования земель сельскохозяйственного назначения изложены в Земельном кодексе Республики Казахстан от 20 июня 2003 года. Статья 97 Земельного кодекса Республики Казахстан закрепила земли сельскохозяйственного назначения как земли, предоставленные для нужд сельского хозяйства или предназначенные для этих целей. Это самая основная категория земель, главной особенностью которой является то, что Земля является основным средством для получения промышленного сырья и кормов, необходимых для людей и животных. В целом, сельскохозяйственные угодья – наиболее благоприятные, плодородные земли по сравнению с другими категориями земель Республики Казахстан, подлежащие особой охране (информационно-правовая система юстиции, 2017).

В целом, сельское хозяйство – самая древняя из всех отраслей хозяйства и непосредственно зависит от состояния природы. Кроме того, сельское хозяйство – наиболее распространенная отрасль. Действительно, в настоящее время нет ни одного государства, которое не вело бы деятельность в различных отраслях сельского хозяйства. Ученые выделяют примерно около 50 видов. По данным, в мире в этих отраслях трудятся около 1,3 млрд человек, если к их числу добавить крестьянские семьи в сельском хозяйстве, то этот показатель достигает 2,6 млрд человек.

Ключевые слова: права в сельском хозяйстве, правовое регулирование, земельный кодекс, правовое отношение, гражданин, иностранные граждане.

Кіріспе

Еңбекке жарамды ер адамдардың ауыл шаруашылығындағы үлесіне сәйкес елдер индустриялы, постиндустриялы және аграрлы болып жіктеледі. Дүниежүзінде экономикалық белсенді халықтың 46 пайызы осы салада еңбек етеді. Ауыл шаруашылығының барлық жерге таралуы оның алуан түрлілігіне байланысты (Бегалиев 2013: 108-109).

Сол себепті ауыл шаруашылығына арналған жерлер өз кезегінде 6 топқа бөлінеді:

1) Ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлер, шабындыққа жарамды, жайылымдық жерлер, ішкі шаруашылық жолдармен қамтылған ауыл шаруашылығы алқаптары, коммуникациялар, көп жылдық екпелер, каналдар, су объектілері, сондай-ақ жеке қосалқы шаруашылық жүргізу үшін бөлінген жерлер (барлығы пайдалануға рұқсат етілген 11 түрі).

2) Егістік үшін аса жарамды емес, алайда кейбір техникалық дақылдар жидектер, жүзім, шай, күріш және т. б. өсіру үшін пайдаланылуы мүмкін жерлер.

3) Ауыл шаруашылығын жүргізуге қажетті құрылыс алаңдары, құрал-жабдықтарға арналған қоймалар, ғимараттар орналасқан жерлер (қоралар, мал сою цехы, көлік тұрағы, ағаш кесу

цехы және т.б. – барлығы рұқсат етілген жер пайдаланудың 17 түрі)

4) Кәсіпкерлік мақсатта пайдаланылатын су объектілері орналасқан жерлер (балық шаруашылығы, балық аулау, балық тұқымдас-тарды көбейту және т. б.).

5) Ормандар орналасқан жерлер.

6) Өзге де жерлер, соның ішінде батпақтар, жыралар, қоқыс орындары, мал қорымдары, бұзылған жерлер және басқа да қала құрылысы қызметіне тартылмаған жерлер (Хаджиев 2011: 59-61).

Негізгі бөлім

Ашып айтсақ, ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жер құрамына ауыл шаруашылығы алқаптары мен ауыл шаруашылығының қарқынды жұмыс істеуіне қажетті ішкі шаруашылық жолдары, тұйық су айдындары, коммуникациялар, мелиорациялық жүйе, қора-жайлар мен ғимараттар орналасқан жер, сонымен қатар басқа да алқаптар (құм, сор, тақыр және ауыл шаруашылығы алқаптарының алабына қосылған басқа да алқаптар) жатқызылады. Ауыл шаруашылығы алқаптарына егістік, тыңайған жер, көп жылдық екпелер егілген жер, шабындықтар мен жайылымдар жатады.

Егістік – жүйелі түрде өңделетін және көп жылдық шөптердің егістігін қоса алғанда, ауыл шаруашылығы дақылдарының егістігіне пайдаланылатын жер учаскелері, сондай-ақ сүрі жерлер. Алдын ала егілетін дақылдардың егістігі орналасқан (үш жылдан аспайтын уақыт аралығында), түбегейлі жақсарту мақсатында жыртылған шабындықтар мен жайылымдардың жер учаскелері, сондай-ақ бақтардың егіске пайдаланылатын қатар аралығы егістікке жатпайды. Тыңайған жер – бұрын егістік құрамында болған және күзден бастап бір жылдан аса ауыл шаруашылығы дақылдарын егуге пайдаланылмайтын және пар айдауға әзірленбеген жер учаскесі. Көп жылдық екпелер – жеміс-жидек, техникалық және дәрі-дәрмек өнімдерінің түсімін алуға, сондай-ақ аумақты сәндеп безендіруге арналып қолдан отырғызылған көп жылдық ағаш, бұта екпелеріне пайдаланылатын жер учаскелері. Табиғи шабындықтар мен жайылымдар – шөп шабуға және жануарларды жаюға жүйелі түрде пайдаланылатын жер учаскелері. Түбегейлі жақсартылған шабындықтар мен жайылымдар – шөп егу арқылы жаңадан отайған шабындық және жайылым учаскелері. Суландырылған жайылымдар – мал басын сапасы жоғары сумен толықтай қамтамасыз ете алатын су көздері (көлдер, өзендер, тоғандар, апандар, суару және суландыру каналдары, құбырлы немесе шегенді құдықтар) бар жайылымдар. Ауыл шаруашылығы алқаптары суармалы және суарылмайтын болуы мүмкін. Суармалы ауыл шаруашылығы алқаптарына ауыл шаруашылығында пайдалануға және суаруға жарамды, су ресурстары жүйесінің қазіргі пайдалы жұмыс коэффициентінде суару нормаларының жобалау немесе қолданыстағы нормативтері бойынша осы жерді сумен қамтудың қолайлы мерзімі ішінде қамсыздандырудың кемінде 75 процентінен кем емес су ағынымен қамтамасыз ететін суару көзімен байланысты тұрақты және уақытша суару жүйесі бар жер жатады. Жайылма суару жері қар суын және көктемгі тасқын суды, сондай-ақ топырақты ылғалдандыру үшін суару және суландыру каналдарынан берілетін суды осы учаскелер аумағында ұстап қалуды және қайта бөлуді қамтамасыз ететін су бөгейтін белдеулері, суды реттейтін бөгеттері мен басқа да гидротехникалық құрылыстары бар учаскелер болып табылады.

Осы жылғы статистикалық мәліметтерге жүгінетін болсақ, Қазақстан Республикасының жалпы территориясы – 272,5 млн га, оның

ішінде ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер – 100,8 млн га, жер қоры (оның ішінде ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер) – 100,1 млн га (егістіктер, тыңайған жер – 2,4 млн га, шабындықтар мен жайылымдар – 80,7 млн га), қалған 60,2 млн га – елдімекендер, өнеркәсіп және көлік, ерекше қорғалатын, орман және су қорының жерлері. Шаруа қожалығының саны – 216,6 мың 58,4 млн га көлемінде, ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің меншік иелері немесе пайдаланушылары болып табылатын заңды тұлғалар – 12,4 мың 42,4 млн га жер учаскесі көлемінде берілген. Олардың жеке меншігіне тиесілі 1,3 млн га (1,3%), 49 жылға дейін жалдауда – 99,5 млн га (98,7%). 2016 жылғы 1 маусымынан бастап 1,7 млн га, олардың ішінде бүгінгі таңда дайын 645,4 мың га (1271 қатысушы) жер аукцион арқылы сатуға қойылады. 2012-2016 жылдары өткізілген ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді түгендеу нәтижелері бойынша 7,4 млн га пайдаланылмаған жер анықталды. 2017 жылғы 1 сәуір жағдайында ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерін пайдаланылуының тексерістері және мониторингісінің нәтижелері бойынша мемлекеттік қорға 3,1 млн га пайдаланылмаған, олардың ішінде 1,8 млн га айналымға енген жерлер тапсырылды (Параграф ақпараттық құқықтық жүйесі, 2017).

Демек, Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығы саласына жауапты уәкілетті органдар тарапынан қажетті іс-шаралар жүргізілуде. Мемлекетіміз үшін ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің маңызы зор.

Сол себептен ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің артықшылығын төмендегі критерийлерден байқауға болады:

– Ауыл шаруашылығы мақсаттарына арналған алқаптарды тиісті ауыл шаруашылығы өндірісінің қажеттіліктері үшін бірінші кезектік тәртіпте беріледі;

– Ауыл шаруашылығынан басқа мақсаттар үшін ауыл шаруашылығы үшін жарамсыз жерлер мен сапасы төмен ауыл шаруашылық алқаптар беріледі;

– Ауыл шаруашылық мақсатына арналған жерлерді мәжбүрлі түрде алып қоюға рұқсат етілмейді.

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің құқықтық режимі дегеніміз – жерді пайдалану жөніндегі қатынастар мен оны ұтымды пайдалануды бақылау жүйесі, жерді қорғау, алқаптарды есепке алу тәртібі мен негізін орнататын құқықтық нормалар жүйесі.

Құқықтық режимнің мынадай ерекшеліктерін қарастырамыз:

1) Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің басымдығына байланысты ауыл шаруашылығына арналған жерлер тек шаруашылық жүргізу үшін беріледі. Өзге шаруашылық жүргізумен байланысты емес мақсаттар үшін ауыл шаруашылығын жүргізуге жарамсыз немесе кадастрлық бағасына сәйкес сапасы төмен жер учаскелері бөлінеді. Ауыл шаруашылығы айналымынан негізсіз алып қоюдан заң жүзінде қорғау қарастырылған.

2) Ауыл шаруашылығы қажеттіліктеріне жарамды жерлердің барлығы ауыл шаруашылығын жүргізуге арналмаған. Мысалы, қорық аймақтарында жерді пайдалануда кейбір шектеулер бар.

Ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің құқықтық режимінің құрамы туындайтын көптеген мәселелерді анықтайды. Шаруа қожалығының жерлері, ауыл шаруашылығы коммерциялық ұйымының жерлері және жеке қосалқы шаруашылық жүргізуге арналған, бақша өсіруге, мал шаруашылығын, егін шаруашылығын жүргізуге, шабындыққа және мал жаюға арналған жерлер ауыл шаруашылығы өндірісінің сипатына қарай, яғни тауарлық сипатта немесе жеке тұтынуға байланысты тиісінше бөлініп беріледі. Нақты жер учаскесі үшін келесідей пайдалануға рұқсат етілген түрлері қолдануы мүмкін: негізгі; шартты түрде рұқсат етілген; қосалқы (негізгі және шартты түрде рұқсат етілген түрлерге қосымша ретінде).

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің жалпы құқықтық режимі жер учаскелерін тек ауыл шаруашылығын жүргізу мақсатында ғана беру болып табылады. Аталған жерлерді ауыл шаруашылығы өндірісіне байланысты емес мақсаттарға пайдалануға ерекше жағдайларда ғана рұқсат етіледі. Ауыл шаруашылығы өндірісін, шаруа немесе фермер қожалықтарын жүргізу үшін жеке және заңды тұлғаларға берілген жер учаскелерінде және жеке қосалқы шаруашылықтың егістік телімдерінде ауыл шаруашылығын жүргізуге қатысы жоқ объектілер, оның ішінде тұрғын үйлер (жеке тұрғын үйлерді қоса алғанда) салуға жол берілмейді. Бұл ретте мал шаруашылығы кешендерін салуға, ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерде маусымдық жұмыстар мен шалғайдағы мал шаруашылығына арналған уақытша құрылыстарға, шаруашылық-тұрмыстық суармалы ауыл шаруашылығы алқаптарының барлық түрлері, егістік, тыңайған

жерлер, көп жылдық екпелер егілген жерлер жататын бағалы ауыл шаруашылығы алқаптары пайдаланыла алмайды. Жеке меншіктегі немесе жер пайдаланудағы ауыл шаруашылығы мақсатындағы жер учаскелерін алаңдары Жер Кодексінің 50-бабының 5-тармағына сәйкес белгіленген ең аз мөлшерден төмен учаскелерге бөлуге жол берілмейді (Стамқұлов 2003: 221).

Қарастырып отырған жерлерді қоса алғанда жер алқаптарына құқықты анықтауда заңнаманың конституциялық, азаматтық, әкімшілік және қаржы нормалары үлкен мәнге ие. Ауыл шаруашылығын жүргізу үшін жерлердің жарамдылығы мемлекеттік жер кадастры негізінде анықталады. Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер екі негізгі түрге бөлінеді. Олардың басым бөлігін ауыл шаруашылығы алқаптары, яғни өндіріс құралы ретінде пайдаланылатын жерлер құрайды. Ал екінші түрі – ауыл шаруашылығы қажеттіліктеріне арналған өндірістік құрылыстар мен өзге де құрал-жабдықтар, техникалар, жолдар орналасқан аумақтық базис ретінде пайдаланылатын жерлер. Ауыл шаруашылығы алқаптары табиғи сипаты мен өсімдік шаруашылығы немесе мал шаруашылығы мақсатында пайдаланудың экономикалық тұтастығына байланысты бөлінеді. Осы ауыл шаруашылығы алқаптары құрамында белгілі бір аймаққа аса құнды құнарлы жерлер бар, соның ішінде оқу орындары мен ғылыми-зерттеу орталықтарының тәжірибеге қажетті алқаптары ерекше қарастырылады. Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің құқықтық режимі жерлерді аймаққа бөлу негізінде пайдалануға рұқсат етілген түрі мен олардың санатымен анықталады (Әділет ақпараттық құқықтық жүйесі, 2017).

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді аймақтарға бөлу келесідей қағидаларға сүйене отырып іске асырылады:

- ауыл шаруашылық мақсатына арналған жерлердің артықшылығы;
- ауыл шаруашылық мақсатына арналған алқаптардың заңды жағынан ерекше қорғалуы;
- ауыл шаруашылық мақсатындағы жерлердің нысаналы әрі тиісінше пайдаланылуы;
- ауыл шаруашылық алқаптарын ауыл және орман шаруашылығын жүргізумен байланысты емес мақсаттарда пайдалануды қоса алғанда ауыл шаруашылығы өндірісінің барлық шығындарын өтеу.

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған алқаптар айналымының негізгі қағидалары айқындалған: аталған санаттағы жерлерді

мақсатты пайдаланылуын қадағалау; осы жерлердің топырақ құнарлығын тексеру; ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің сапасын жақсарту; бүлінген немесе химиялық қоспалармен ластанған жерлерді қалпына келтіру; шаруашылық жүргізуге мемлекеттік бақылау және қажетті қолдау көрсету; бір ұйымның меншігінде болуы мүмкін муниципалды ауданның шекарасында орналасқан ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер жалпы көлемінің максималды мөлшерін анықтау.

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің ішінде қосалқы жер ретінде пайдаланылатын жерлер де бар. Ол жерлер арқылы көбінесе ауыл шаруашылығы өндірісінің өнімдері тасымалданады, сонымен қатар электр энергиясымен жабдықтау өтеді. Сондай-ақ жердің бұл түрінде ауыл шаруашылығы өндірісіне қажетті құрал-жабдықтар мен құрылғылар орналасады. Әдетте осындай қосалқы мақсаттар үшін құнарлылығы төмен жерлер пайдаланылады. Ауыл шаруашылығы алқаптарын табиғи және техногендік сипаттағы теріс әсерлерден қорғау үшін қолданылатын, қорғаныс жолақтарының қызметін атқаратын жерлер де ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер қатарына кіреді. Егер жерде тұйық су айдыны орналасқан болса және орналасқан жері ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер аумағына кірсе, онда аталған жер учаскесі де ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлер қатарына жатады (Еркінбаева 2011: 110). Табиғи және жасанды тоғандардың ауыл шаруашылығында алатын орны ерекше. Себебі олар ауыл шаруашылығы дақылдарын суару үшін, балық аулау шаруашылығында кеңінен пайдаланылады, сонымен қатар орналасқан өңірде экологиялық тұрақтылықты сақтап қалуда маңызды рөл атқарады.

Қолданыстағы заңнамаға сәйкес осы жерлер келесідей жағдайларда пайдаланылуы мүмкін:

- ауыл шаруашылығы өндірісін жүргізу үшін;
- жеке шаруашылық, жеке шаруа қожалығын жүргізу, бау-бақша өсіру, мал шаруашылығы, саяжай құрылысы үшін;
- басқа да шаруашылық түрлерін жүргізу мақсатында.

Қазақстан Республикасы Президенті Н.Ә. Назарбаевтың пікірі бойынша, ауыл шаруашылығының ерекшеліктері айрықша аграрлық саясатты жүргізуді талап етеді. Бұл саясатқа сәйкес, мемлекеттік реттеу экономиканың басқа салаларына қарағанда ауыл шаруашылығы

саласында жоғары мәнге ие болуы тиіс. Сонымен қатар, мемлекеттің қолдауы жан-жақты сипатқа ие болуға міндетті (Параграф ақпараттық құқықтық жүйесі, 2017). Ауыл шаруашылық мақсатындағы жерлерді мемлекеттік реттеу – жердің сапалық жағдайын сақтап қалуға, олардың негізсіз және заңсыз шаруашылық және нарықтық айналымын болдырмауға және олардың рационалды түрде пайдаланылуларын қамтамасыз етуге бағытталған құқықтық, ұйымдастырушылық, саяси, экономикалық және өзге де шаралардың жүйесі болып табылады. Қазақстан Республикасының Жер кодексі жерді қорғауға, оның тиімді пайдаланылуына байланысты мемлекеттің реттеу функцияларын көздейтін арнайы бөлімді қарастырады. Жер кодексінің бұл бөлімі жерді қорғау, мемлекеттік бақылау, жерге орналастыру, мониторинг және жер кадастры мәселелерін қамтиды және реттейді. Жер кодексінің бұл бөліміне көз жүгірте отырып, жерлерді, соның ішінде сонымен қатар ауыл шаруашылық мақсатындағы жерлерді мемлекеттік реттеудің мазмұнын және оның алдына қойған мақсаттарын анықтап алуға болады.

Мемлекеттік реттеу кезінде жер учаскесінің нысанын бір түрден екінші түрге ауыстыру да қарастырылған. Мысалы, суармалы жерді суарылмайтын жерге ауыстыру кезінде суару көзімен байланысты үзілуі, сумен қамтылмауы, шаруашылық ішіндегі суару жүйелерінің техникалық жай-күйі, ал жайылма суармалы жер үшін-су ағынын қайта бөлу салдарынан су басудың тоқтауы немесе су ресурстарының болмауы, құрылыстардың техникалық жай-күйі ескеріледі. Қажет болған кезде жергілікті атқарушы органдар бағалы ауыл шаруашылығы алқаптарын бағасы төмендегілеріне ауыстырудың басқа да көрсеткіштерін: ауыл шаруашылығы алқаптарының өнімділігінің тым төмен болуы, топырақтың тұздану, сортаңдану, ластану деңгейін және алқаптардың сапалық сипаттамасына әсер ететін басқа да өлшемдерді белгілейді. Суару жүйесінің, жайылма суару жүйесінің, суландыру құрылыстарының техникалық жай-күйі, сондай-ақ негізгі қорлардың құны туралы мәліметтер болуға тиіс (Өзенбаева 2013: 76-77). Ауыл шаруашылығы алқаптарын бір түрден екіншісіне ауыстыру жөніндегі материалдар жер ресурстарын басқару жөніндегі аудандық органға аудан бойынша жинақтап қорыту, ауыл және су шаруашылығының аудандық органдарымен келісу үшін жіберіледі.

Тек қана нысанын ауыстырумен шектелмей, соған қоса неғұрлым бағалы ауыл шаруашылығы

алқаптарын бағасын соғұрлым төмендегілеріне ауыстыруға:

– егістік үшін – жердің агроөнеркәсіптік топырақ сипаттамасын олардың нақты пайдалануына сәйкес келмеуі, улы заттармен ластанудың жоғары деңгейі;

– көпжылдық екпелер үшін – екпелердің шекті жасы, олардың сиреуі, жердің кең құрамының жұтаңдығы, қолайсыз топырақ-мелиорациялық сипаттамасы,

– шабындықтар үшін – жердің шөлейттенуі, шалғындық өсімдіктердің сиреуі, жердің мелиорациялық күйінің нашарлауы;

– жайылымдар үшін – тапталып бүлінуі негіз болып табылады.

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді дұрыс әрі нысаналы пайдаланудың маңызы зор, осы жерлерді мемлекет тұрғысынан қорғау айрықша іске асады. Ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді мемлекеттік реттеу мен қорғаудың мазмұны мен деңгейі жер құқығының бірқатар негізгі қағидаларымен айқындалады. Олардың қатарына жерді табиғи ресурс, халық өмірінің негізі ретінде сақтау; ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді қорғау және ұтымды пайдалану; ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің басымдығы; жерді пайдалану мен қорғау жөніндегі іс-шараларды мемлекеттік қолдау және тағы басқа осы сияқты қағидаларды жатқызуға болады. Нарықтық қатынас, ауыл шаруашылық мақсатындағы жерлерге жеке меншік құқығының енгізілуі және оның әрекет ету жағдайында ауыл шаруашылық жерлерін реттеуде мемлекеттің аграрлық сектор субъектілерінің әрекетіне араласуы өте өзекті болып табылады. Мемлекеттік реттеу бір жағынан, жер иелері мен пайдаланушылардың құқықтары мен мүдделерінің жүзеге асырылуына кепілдік беруі тиіс, екінші жағынан, жер қатынастарында жалпы ұлттық мүддені қамтамасыз етуі тиіс (Крассов 2004: 441, 443). Аталып отырған функцияларды жүзеге асыру ауыл шаруашылығындағы жерлерін мемлекеттік реттеудің басты міндеттері болып табылады.

Сонымен қатар осы міндеттер қатарына: ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер топырағының құнарлығын сақтау, кемшіліктерді жою, деградацияға ұшырауына жол бермеу, алдын алу шараларын жатқызуға болады. Сол себепті ауыл шаруашылығына арналған жерлердің құнарлығын қамтамасыз ету үшін: құнарлығын жаңғыртуға бағытталған федералдық мақсатты бағдарламалар, сонымен қатар тиісінше аймақтық бағдарламалар жоба-

ланып, жүзеге асырылады; ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерге бақылау жүргізіледі және олардың құнарлылық көрсеткіші тіркеледі; жер құнарлығын қамтамасыз ету саласында ережелер, нормалар, стандарттар жобаланады; агротехникалық, агрохимиялық, мелиоративті және фитосанитариялық шаралар кешенінен тұратын жоспарлар жасалады; ауыр металдар, радионуклидтармен және басқа да зиян қоспалармен ластанған ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді қалпына келтіру шаралары жоспарланады; ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер құнарлығын қамтамасыз ету бойынша шаралар және осы саладағы барлық ғылыми-зерттеу жұмыстары қаржыландырылады: ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер құнарлығын қамтамасыз ету мақсатында қолданылатын агрохимикаттар мен пестицидтер сапасына мониторинг жүргізіледі және олардың дұрыс әрі нысаналы қолдануына бақылау жасалады; топырақты куәландыру жүргізіледі; агрохимиялық қызмет көрсету саласы лицензияланады; ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер құнарлығына мемлекеттік бақылау жасау жүзеге асырылады; осы салада ауыл шаруашылығы кооперативтері құрылады. Ауыл шаруашылығы кооперативі комерциялық ұйым болып табылады, оның азаматтық құқықтары болады және Қазақстан Республикасының заңнамасымен тыйым салынбаған қызметтің кез келген түрін жүзеге асыруға қажетті, оның қызметімен байланысты міндеттерді атқарады. Ауыл шаруашылығы кооперативтері қызметінің негізгі түрлері ауыл шаруашылығы өнімін, акваөсіру (балық өсіру шаруашылығы) өнімін өндіру, қайта өңдеу, өткізу, сақтау, өндіріс құралдарымен және материалдық-техникалық ресурстармен жабдықтау және кооперативтің мүшелеріне, сондай-ақ кооперативтің қауымдасқан мүшелеріне сервистік қызмет көрсетудің басқа да түрлері болып табылады (Бектұрғанов 2014).

Ауыл шаруашылығы кооперативтерін құқықтық тұрғыдан реттеу мақсатында 2016 жылдың 1 қаңтарынан бастап «Ауыл шаруашылығы кооперативтері туралы» Заңы қолданысқа енгізілді. Аталған заңның мақсаты болып ауыл шаруашылығы кооперативтері мүшелерінің құқықтық жағдайын, құқықтары мен міндеттерін, сондай-ақ ауыл шаруашылығы кооперативтері мен олардың қауымдастықтарының құқықтық жағдайын, олардың құрылу қызметі, қайта ұйымдастырылуы және таратылуы тәртібін

айқындайды. Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығы кооперативтері туралы заңнамасы Қазақстан Республикасының Конституциясына негізделеді және Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінен, осы заңнан және Қазақстан Республикасының өзге де нормативтік құқықтық актілерінен тұрады. Егер Қазақстан Республикасы ратификациялаған халықаралық шартта осы Заңдағыдан өзгеше қағидалар белгіленсе, онда халықаралық шарттың қағидалары қолданылады. Заңды тұлға ретінде ауыл шаруашылығы кооперативінің құқық қабілеттілігі Қазақстан Республикасы заңнамасында белгіленген тәртіппен оны мемлекеттік тіркеу сәтінен басталады. Жаңа Заң кооперативтердің қызметіне аудит жүргізуді бір ізге салды. Кооперативтердің мүшелері аудит жалдап, өз кооперативінің қызметін тексерте алады. Сонымен қатар, бұл заң шаруалардың табысын молайтады. Бұрынғы заңның мақсаты табыс емес, тұтынушылардың сұранысын қанағаттандыруға ғана бағытталса, бұл жаңа заң шаруалардың толағай табыс табуына мүмкіндік жасайды (Әділет ақпараттық құқықтық жүйесі, 2017). Яғни, кооперативтердің ендігі мақсаты – табыс тауып, сол табысты кооператив мүшелері арасында бөліп бере алады. Болмаса, табысты тұтастай кооперативтің дамуына жұмсай алады. Ауыл шаруашылығы кооперативтерін құру мемлекет тарапынан ауыл шаруашылығы саласын қолдауға негізделген.

Қазақстан Республикасының Үкіметі ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер құнарлығының жағдайы туралы және мемлекеттік реттеу, ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер құнарлығын қамтамасыз ету саласын мемлекеттік қолдау туралы ұлттық есепті жыл сайын тапсырады. Осы есеп нәтижесінде құнарлығын жоғалтқан, нақтырақ айтқанда, тозуға ұшыраған жерлер анықталады. Ауыл шаруашылығы алқаптарын бір түрден екіншісіне ауыстыру қажеттігі табиғи факторларға, оларды бұдан кейін де басқа жер алқаптарының құрамында пайдаланудың экономикалық тұрғыдан орындылығына негізделеді. Жер учаскесі меншік иесінің немесе жер пайдаланушының жер учаскесінің орналасқан орны бойынша тиісті жергілікті атқарушы органға берген өтінімі, сондай-ақ жергілікті атқарушы органның бастамасы ауыл шаруашылығы алқаптарын бір түрден екіншісіне ауыстыру жөніндегі жұмыстарды жүргізуге негіз бола алады. Жергілікті атқарушы органның шешімі бойынша жүргізілетін ауыл

шаруашылығы алқаптарын бір түрден екіншісіне ауыстыру жөніндегі жерге орналастыру жұмыстарын қаржыландыру – жергілікті бюджет қаражаты есебінен, ал жер учаскелерінің меншік иелері мен жер пайдаланушылардың өтініштері бойынша олардың өз қаражатының есебінен жүзеге асырылады. Топырақ-мелиорациялық жай-күйі оларды басқа алқап түріне ауыстыруды қажет ететін ауыл шаруашылығы алқаптарының болуы қолда бар жоспарлау-картографиялық материалдарды, жерге орналастыру, мелиорациялық құрылыс жобаларын, топырақты зерттеу, топырақ-мелиорациялық, геоботаникалық ізденістер материалдарын, тұздандудың түсірілген суреттерін, жер кадастрының, жерді түгендеудің деректерін зерделеу негізінде алдын ала анықталады.

Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің құқықтық режимі екі басты ерекшелікке ие: жер топырағының құнарлығын қамтамасыз ету, яғни ауыл шаруашылығы алқаптарының сапасын жақсарту және осы жерлердің мөлшерін сақтап қалуды қамтамасыз ету, ауыл шаруашылығы алқаптары көлемінің азаюын болдырмау, алдын алу. Бұл тұрғыда алғашқы тапсырма жерлерді мелиорациялау жұмыстарын жүргізу арқылы, сонымен қатар қажет болған жағдайда консервациялау жолымен орындалады. Жерлерді мелиорациялау дегеніміз – агротехникалық, гидротехникалық, химиялық жұмыстар жүргізу арқылы жерлерді түпкілікті жақсартуға бағытталған шаралар кешені. Консервациялау немесе жерлерді шаруашылық айналымынан уақытша шығарып тастау дегеніміз – топырақтың тозу процесіне тосқауыл қою мен алдын алу, олардың құнарлығын жақсарту және ластанған аймақтарды қалпына келтіру үшін жүзеге асырылатын іс-шаралар (Земельное законодательство: Сборник нормативных актов, 2004). Ауыл шаруашылығын жүргізуге байланысты емес мақсаттарға пайдалану үшін ауыл шаруашылығы алқаптарын алып қоюдан туындаған ауыл шаруашылығы өндірісіндегі шығындары ауыл шаруашылығы алқаптарының көлемі мен олардың сапасын қалпына келтіру арқылы ауыл шаруашылығы өндірісінің деңгейін сақтау мақсатында республикалық бюджет кірісіне өтелуге тиіс. Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің құқықтық режимін ұстану нәтижесінде іске асуға тиіс екінші тапсырма болып осы жерлердің мөлшерінің сақталуы және ауыл шаруашылығы алқаптары көлемінің азаюына жол бермеу болып табылады. Ауыл шаруашылығы алқаптары

көлемінің азаюын болдырмау жерлерді алып қоюды реттеу жолымен қол жеткізіледі. Ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің ерекше экономикалық құндылығына сәйкес барлық жағынан қорғалуы тиіс. Ауыл шаруашылығы алқаптары көлемінің азаюына жол бермеу үшін жер заңнамасында ауыл шаруашылығы өндірісінің шығындарының орнын толтыру туралы талап қою көзделген. Ауыл шаруашылығы алқаптары мемлекеттік деңгейде айрықша қорғалуға жатады.

Сол себепті ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді мемлекеттік реттеу алдына мынадай міндеттерді қоя отырып, жүзеге асырады:

- жерлердің құнарлылығының бұзылуына, олардың деградацияға ұшырауына және шаруашылық қызметтің басқа да жағымсыз салдарының орын алуына тосқауыл болу, кедергі жасау, экологиялық тұрғыдан қауіпсіз болып табылатын өндіріс технологияларын қолдана отырып, мелиоративті және басқа да іс-шаралар кешенін ұйымдастыру;

- бұзылуға және деградацияға ұшыраған ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер сапасының жақсаруын және қалпына келуін қамтамасыз ету;

- ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді ұтымды пайдаланудың экологиялық нормативтерін тәжірибе жүзінде іске асыру арқылы қадағалау;

- мемлекеттік органдардың, жеке, сондай-ақ заңды тұлғалардың және лауазымды адамдардың Қазақстан Республикасы Жер заңнамаларының нормаларын орындау, Қазақстан Республикасы заңдарының бұзылуын анықтау және алдын алу, жеке және заңды тұлғалардың бұзылған құқықтарын қалпына келтіру, пайда болатын шығындардың орнын толтыру, жер учаскелерін дұрыс әрі нысаналы пайдалану ережелерінің бұзылмауын, жер кадастры мен жерге орналастыру шаралар кешенінің дұрыс жүргізілуін және жерді ұтымды пайдалану мен барынша қорғау жөніндегі іс-шаралардың нақты және уақытылы жүзеге асырылуын қамтамасыз ету;

- жерлерді түгендеу ісін жүргізу, пайдаланылмай жатқан, ұтымды пайдаланылмай жүрген немесе нысаналы мақсатында пайдаланылмай отырған жерлерді анықтау, нәтижесінде ескерту жасау немесе тиісті жауаптылыққа тарту;

- ауыл шаруашылық жерлерінің экологиялық және шаруашылық жай-күйі, жер учаскелерінің орналасқан жері, нысаналы түрде

пайдаланылуы, мөлшері мен көлемі, сонымен қатар шекарасы, олардың сапа деңгейінің сипаттамасы туралы, жер пайдаланудың құжаттарының есепке алынуы мен жер учаскелерінің кадастрлық құны туралы мәліметтердің бірыңғай жүйесін қалыптастыру;

- ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерде жаңадан енгізілген өзгерістерді уақытылы анықтау, оларды құқықтық тұрғыдан бағалау, одан әрі даму көрсеткіштерін сараптау, келешегін болжау және кері ықпалы бар процестердің орын алуын болдырмау мен пайда болатын келеңсіздіктерді жоюға бағытталған нақты ұсыныстар тізбесін әзірлеу және өзге де мемлекеттік маңызы бар міндеттерді өз алдына жоспар етіп қояды (Параграф құқықтық жүйесі, 2017).

Осыған орай, мемлекеттік бақылаудың міндеттері мемлекеттік органдардың, жеке, заңды тұлғалардың және лауазымды адамдардың Қазақстан Республикасы жер заңдарының сол қалпында сақталуын, Қазақстан Республикасы заңдарының өрескел бұзылуын уақытында анықтауды және кемшіліктерді жоюды, азаматтар мен заңды тұлғалардың бұзылған құқықтарын қалпына келтіруді, ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жер учаскелерін тиімді пайдалану ережелерінің толық орындалуын, жер кадастры мен жерге орналастыру ісінің заң шеңберінде жүргізілуін және жерді ұтымды пайдалану мен қорғау туралы кешенді іс-шаралар орындалуын қамтамасыз етуден тұрады.

Жерді ұтымды пайдалану мен оны қорғауды мемлекеттік бақылауды жүзеге асыратын лауазымы жоғары тұлғаларға Жер кодексі:

- 1) Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді пайдалану мен оны қорғау туралы бас мемлекеттік инспекторын;

- 2) тиісті әкімшілік-аумақтық бірліктердің жерді пайдалану мен қорғау мәселесі бойынша бас мемлекеттік инспекторларды;

- 3) жерді пайдалану мен қорғау туралы басқа да мемлекеттік инспекторларды жатқызады.

Мемлекетіміздің ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің пайдалануын және тиісінше қорғалуын бақылауға алу жүйесі жер мониторингін және жер кадастрын толығымен қамтиды.

Жер мониторингі бірыңғай классификаторды, кодтарды, бірліктер жүйесін, ақпараттардың бірқалыпты форматын және бірыңғай техникалық базасы, координаттар мен биіктердің мемлекеттік жүйесін қолдануға негізделген әр түрлі мәліметтер сыйысу қағидасын сақтау

арқылы жүргізіледі. Оның барысында жер мониторингін техникалық жағынан қамтамасыз ету Қазақстан Республикасының жер құқық қатынастары және жерге орналастыру туралы мемлекеттік комитеті органдарының ақпаратты жинау, қорыту, талдау және сақтау сынды қызметтері бар және Қазақстан Республикасы табиғи орта мониторингінің басқа да қажетті жүйелерімен бірлескен ақпарат жүйесі арқылы жүзеге асырады.

Ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді мемлекеттік тұрғыдан реттеу саласында ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің мониторингі жер құқық қатынастары саласында өз алдына мынадай міндеттерді қояды:

– ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің қазіргі қасиеттерінің өзгеруін анықтау, оларды бағалай отырып соған сәйкес болжам жасау және кері әсері бар шараларды болдырмау, алдын алу мен туындайтын зардаптарын толығымен жою туралы қажетті ұсыныстар әзірлеу;

– мемлекеттік жер кадастрын жүргізуді, жерге орналастыруды, ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді тиімді пайдалану мен қорғау мәселесін бақылауды және жер ресурстарын мемлекеттік басқарудың басқа да маңызды функцияларын ақпараттық негізде қамтамасыз ету болып табылады.

Демек, жер мониторингі – бақылау жүргізуді, жерге орналастыруды, жерді нысаналы пайдалануды тексерулерді орындау, сонымен қатар іздестіруді, жан-жақты түсірілімдерді жүргізу, топырақ құнарлығына адамдардың ықпал етуін реттеу туралы ұсыныстарды дайындау, белгілі бір кезеңде ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің сапалық жағдайын болжаудың жай-күйі туралы шаралар кешенін камтиды (Ларионов 1997: 114).

Жер мониторингін ұйымдастыру және жүзеге асыру жер ресурстарын басқару жөніндегі орталық атқарушы органға және оның жергілікті жерлердегі органдарына тапсырылған.

Осы мақсаттарды жетілдірудің өзі еліміздің ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді Қазақстан Республикасы азаматтарының күнделікті тұрмысы мен қызметінің түп-тамыры ретінде сақтау және жерді ұтымды пайдалануды қамтамасыз ету нұсқауларын орындау мақсатында өзіне жүктелген міндеттерін атқаруы болып табылады. Осыған орай жер мониторингі және жер кадастрының атқаратын қызметі жер пайдалану мен оны қорғау мәселелерінің шешілу тетігі десе де болады. Сонымен қатар жер саласында құқық

қатынастары жерге деген мүліктік құқық объектісін реттемейді. Өйткені бұл құқық қатынастары еліміздің жер ресурстарының өзіне тиесілі табиғи болмысын, түрін, сипатын және қасиетін анықтап, бақылау негізінде адамның өмірі мен денсаулығына пайдалы немесе зиянды екендігін көрсетеді.

Жер мониторингі мүдделі министрліктердің, мемлекеттік комитеттер мен ведомстволардың қатысуымен Қазақстан Республикасының жер қатынастары және жерге орналастыру жөніндегі мемлекеттік комитеті дайындаған бірыңғай нұсқаулық, әдістеме мен арнайы бағдарлама негізінде жүргізіледі, олар ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің жай-күйін жедел түрде әрі жүйелі бақылау, іздестірулер, тексерулер мен картаға түсіру жөніндегі арнайы жұмыстар мен байланыстардың барлығы үшін міндетті болып табылады.

Қазақстан Республикасында жер мониторингін жүргізу мен оның анықтаған мәліметтерін пайдалану ережесін Қазақстан Республикасы Үкіметінің 19 қыркүйек 2003 жылғы № 956 Қаулысымен бекітілген Жер мониторингін жүргізу және оның мәліметтерін пайдалану туралы Ережесі анықтайды.

Аталған Ережеге сәйкес ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің мониторингі тұтастай алғанда қоршаған ортаны қорғау мониторингінің құрамдас бөлігі болып табылады. Жер мониторингі Қазақстан Республикасының 159-бабына сәйкес, орын алып жатқан өзгерістерді уақытылы анықтау, оларды жан-жақты бағалау, одан әрі жетілдіру және кері әсері бар процестерді болдырмау мен оның зардаптарын жою туралы ұсыныстар дайындау мақсатында жүргізілетін жер қорының сапалық және мөлшерлік жай-күйін базалық деңгейде, қысқа мерзімді бақылау шарасын көрсетеді.

Жер мониторингін жүзеге асыру мен нәтижесінде пайда болған мағлұматтарын қолдану туралы Ережеге сәйкес талданып отырған ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлер жер мониторингінің құнды объектісі болып есептеледі. Қазақстан Республикасының Жер кодексіне сәйкес жерге меншік нысандарына, жердің нысаналы мақсаты мен пайдаланылу сипатына қарамастан Қазақстан Республикасының барлық жері мен жер мониторингінің объектісі болып табылады. Кез келген жер санатының құқықтық тәртібі, ведомстволық бағыныстылығы, пайдалану мерзімі, пайдалану мақсаты, сипаты жер мониторингісін жүргізуге әсерін тигізе де алмайды.

Қорытынды

Ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді жер мониторингісі арқылы мемлекеттік реттеудің ұйымдастырушылық-құқықтық негізі болып белгілі бір функцияларға ие мемлекеттік органдардың жүйесі табылады. Реттейтін және қарастыратын сауалдарының қатарына және шеңберіне қарай мемлекеттік органдарды жалпы құзыретті және арнайы құзыретті мемлекеттік органдар деп бөлу жер құқығы доктринасында қалыптасқан. Мемлекеттің ауыл шаруашылық мақсатындағы жерлердің пайдаланылуын және қорғалуын бақылауға алу жүйесі жер мониторингін және жер кадастрын қамтиды. Ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлердің мониторингін тұтастай алғанда, қоршаған ортаны қорғау мониторингінің құрамдас бөлігі болып табылады.

Бағыныстылығына және меншік нысанына қарамастан, жерді тақырыптық картаға түсіруді және оның қалыпты жай-күйін бақылауды жүзеге асыратын кәсіпорындар, мекемелер мен ұйымдар, кооператорлар мен жеке тұлғалар аталған жұмыстар бойынша материалдардың көшірмесін жердің сандық және сапалық жай-күйі туралы мағлұматтар жер мониторингі мен мемлекеттік жер кадастры туралы баяндамаға енгізу үшін тиісті жер құқық қатынастары және жерге орналастыру жөніндегі комитетке ақысыз негізде беріледі.

Жер кадастры кадастрлардың мемлекеттік жүйесінің құрамдас бөлігі болып табылады. Кадастр – әрдайым жетілдіріп отыратын Қазақстан Республикасының жер ресурстарын пайдаланудың және күзетудің жағдайы турады ақпараттардың жүйелендірілген бірыңғай жиынтығын қамтиды.

Мемлекеттік жер кадастрын жүргізетін арнайы органдар мен лауазымды тұлғалар кадастрлық құжаттамаға тіркелген мәліметтердің нақты болуын қамтамасыз етуге міндетті болады. Жер кадастрының мағлұматтары барлығына кол жетімді болады және де мүдделі азаматтарға ақылы негізде беріліп отырады.

Белгілі қайраткер В.В. Петров табиғи ресурстардың кадастрын табиғи ресурстарын құрамы мен табиғат пайдаланушылардың құрамы мен санаттарын сипаттайтын экономикалық, экологиялық тұрғысынан ұйымдастыру мен техникалық көрсеткіштердің жиынтығы деп тұжырымдаған болатын. Әрине, жер кадастры мемлекеттік басқарудың құралы болып табылады. Оның үстіне жер кадастры жерді

нысаналы әрі ұтымды пайдалану мен қорғауға ғылыми негізделген шешімдер қабылдауды қамтамасыз етеді (Петров 1998: 325-326). Біз В.В. Петровтың тұжырымдамасымен келісе отырып, жер кадастрының Қазақстан Республикасы Жер кодексінде көрсетілгендей, мемлекеттік жер кадастры Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің табиғи және шаруашылық жағдайы, жер учаскелерінің орналасқан жері, нысаналы пайдаланылуы, мөлшері мен шекарасы, олардың сапалық сипаттамасы туралы, жер пайдаланудың есепке алынуы мен жер учаскелерінің кадастрлық құны жөнінде ақпараттардың, басқа да маңызды ақпараттардың жүйесі болып табылатындығын ескергеніміз жөн.

Ресейдің жер құқығы теориясының көрнекті өкілі Б.В. Ерофеев: мемлекеттік жер кадастры жергілікті атқарушы органдар мүдделі заңды тұлғалар мен азаматтарды жер туралы керекті мәліметтермен қамтамасыз етеді, соның арқасында жерді ұтымды пайдалану және қорғау жер құқық қатынастарын реттеу, жерге орналастыру, жерге төленетін ағымдардың мөлшері негізделеді, шаруашылық жұмыстың қорытындысы бағаланады деп көрсетеді (Ерофеев 1997: 148). Біздің ойымызша, аталған автордың пікірі жалпылай алғанда дұрыс болып табылады. Жер кадастры жер заңдарының міндеттерінен туындайды. Оның ерекшелігі жердің табиғи және экономикалық бағасын ғылыми мәліметтерге сүйеніп белгілейді, болжамдайды, бағалайды.

Мемлекеттік жер кадастрын жүргізу тәртібін Қазақстан Республикасының Үкіметі белгілейді. 2003 жылдың 20 қыркүйегіндегі Қазақстан Республикасында мемлекеттік жер кадастрын жүргізу туралы Ережеге сәйкес, мемлекеттік жер кадастры Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлердің табиғи және шаруашылық жай-күйі, жер телімдерінің орналасқан жері, нысаналы пайдаланылуы, мөлшері мен шекарасы олардың сапалық сипаттамасы туралы, жер пайдаланудың есепке алынуы мен жер учаскелерінің кадастрлық құны туралы, жер пайдаланудың есепке алынуы мен жер учаскелерінің кадастрлық құны туралы мәліметтердің жүйесі болып табылады. Мемлекеттік жер кадастрына жер учаскелеріне құқықты субъектілер туралы ақпарат та енгізіледі.

Қазақстан Республикасы Жер кодексінің мазмұндас болып келетін 152-бабының 1-тармағынан келесіні байқауға болады:

- 1) жердің табиғи объектілік жағдайы;
- 2) жердің шаруашылықтардағы жай-күйі;
- 3) жерлердің географиялық жағынан орналасқан орны, көлемі сонымен қатар белгіленген шекарасы;
- 4) жер учаскелерінің бағалануы;
- 5) жердің басқа да жағдайлары туралы мәліметтер.

Кадастрдың мәліметтері ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді пайдалануды жоспарлау және қорғау кезінде, жерге орналастыруды жүргізу, шаруашылықпен байланысты әр алуан қызметтерді бағалау және ауыл шаруашылығы мақсатындағы жерлерді пайдалану мен қорғауға байланысты басқа да шаралар кешенін жүргізу кезінде, жер үшін төлемдердің мөлшерін айқындау кезінде, құқықтық және басқа да кадастрларды жүргізу кезінде, құқықтық және басқа да кадастрларды жүргізу кезінде де пайдаланылуы мүмкін.

Мемлекеттік жер кадастрының деректері жерді пайдалану мен қорғауды жоспарлау

кезінде, жерге орналастыруды жүргізу, сонымен қоса шаруашылық қызметті бағалау және жерді пайдалану мен қорғауға байланысты өзге де шаралар кешенін жүзеге асыру кезінде, сондай-ақ жердің бірыңғай мемлекеттік тізілімін қалыптастыру, құқықтық тұрғыдан жер кадастрын жүргізу, жер үшін төлем мөлшерін анықтау, жылжымайтын мүлік құнын және табиғи ресурстар құрамындағы жер құнын есепке алу үшін себеп болады.

Қазақстан Республикасында жер кадастрын жүргізуді ұйымдастыру жер ресурстарын басқару жөніндегі орталық уәкілетті орган мен оның аумақтық органдары жүзеге асырып отырады. Мемлекеттік жер кадастры Қазақстан Республикасының мемлекеттік кадастрлық жүйесінің ажырамас бөлігі болып табылады және жер ресурстарын басқару жөніндегі орталық уәкілетті орган өздеріне қатысты мемлекеттік кәсіпорындар Қазақстан Республикасының бүкіл аумағында баршаға жалпы жүйе негізінде іске асырылады.

Әдебиеттер

- Қазақстан Республикасының Жер Кодексі 2003 жыл 20 маусым // Әділет ақпараттық құқықтық жүйесі. – 2017.
- Бегалиев Б.Б. Проблемы правового регулирования земельной реформы в Республике Казахстан: дис. канд. юрид. наук. – Алматы, 2013. – 137 с.
- Хаджиев А.Х. Земельное право Республики Казахстан. Общая часть: учебное пособие. – Алматы, 2011. – 214 с.
- Стамқұлов Ә.С. Қазақстан Республикасының экология құқығы. – Тараз: Атамұра, 2003. – 450 б.
- Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2003 жылы 10 қыркүйекте қабылданған «Әкімшілік-аумақтық бірліктер бойынша жер учаскелеріне жеңілдікті бағаның мөлшерін бекіту туралы» Қаулысы // Әділет ақпараттық құқықтық жүйесі. – 2017.
- Қазақстан Республикасының Жер ресурстарын басқару агенттігінің ережесін бекіту туралы: ҚР Үкіметінің 2005 жылғы 14 қаңтардағы № 14 қаулысы // Параграф ақпараттық құқықтық жүйесі. – 2017.
- Өзенбаева А.Т. ТМД елдеріндегі азық-түлік қауіпсіздігін құқықтық қамтамасыз етудің мәселелері // ҚазҰУ Хабаршысы. Заң сериясы № 2. – 2013. – 221 б.
- Крассов О.И. Земельное право. – М.: Юристъ, 2004. – 671 с.
- Ларионов Г.Н., Улюкаев В.Х., Макаров О.Н. Земельное право России. – М., 1997. – 356 с.
- Петров В.В. Экологическое право России (право окружающей среды). – М.: Юристъ, 1998. – 410 с.
- Ерофеев Б.В., Архипов И.Г. Земельное право Республики Казахстан. – Алматы: Издательство «Борки», 1997. – 295 с.
- Қазақстан Республикасының «Жер туралы» заңы. – Алматы: Юрист, 2001. – 60 б.
- Ralph D. Lorenz Diversity and pluralism in earth system governance: Contemplating the role for global administrative law Original Research Article Ecological Economics, Volume 70, Issue 11, 15 September 2011, Page 187 Francesca Spagnuolo // www.sciencedirect.com.
- Bekturganov, A., Nurmukhankyzy, D., Ozenbayeva, A.T. The Problems of Legal Regulations of the Investment Agreement in the Subsoil in the Republic of Kazakhstan // Procedia-Social and Behavioral Journal (ISSN: 1877-0428) International Conference // 2014. – pp. 1001-1005.
- Keiter, R.B. Ecological concepts, legal standards, and public land law: An analysis and assessment // Natural Resources Journal Volume: 44 Issue : 4 Page: 988 Published: February 2004.
- Yerkinbayeva, L.K., Ozenbayeva, A.T. The ecological and legal aspects of ensuring the food security of the Republic of Kazakhstan under the transition to a “green” economy // Social and Behavioral Journal (ISSN: 1877-0428) International Conference // 2014. – pp. 175.
- Power law distribution of pressure drops in dust devils: Observation techniques and Earth-Mars comparison Original Research Article Planetary and Space Science, Volume 60, Issue 1, January 2012, Pages 370-375 // www.sciencedirect.com.
- Nolon, J.R. Comparative land use law: Patterns of sustainability // Urban Lawyer Volume: 37 Issue: 4 Pages: 807-852 Published: February 2005.

Lettoy Lerner, R.L. The Rise of Directed Verdict: Jury Power in Civil Cases Before the Federal Rules of 1938 // *George Washington Law Review* Volume: 81 Issue: 2 Page: 525 Published: February 2013.

Max Kummerow, Joelle Chan Lun. Information and communication technology in the real estate industry: productivity, industry structure and market efficiency Original Research Article *Telecommunications Policy*, Volume 29, Issues 2-3, March-April 2005, Page 173 // www.sciencedirect.com.

References

Begaliev B.B. (2013) Problemy pravovogo regulirovaniya zemel'noj reformy v Respublike Kazahstan: Dis.kand.jurid.nauk. – Almaty. – 137 s.

Bekturganov, A., Nurmukhankyzy, D., Ozenbayeva, A.T. The Problems of Legal Regulations of the Investment Agreement in the Subsoil in the Republic of Kazakhstan // *Procedia-Social and Behavioral Journal* (ISSN: 1877-0428) International Conference // 2014. – pp. 1001-1005.

Erofeev B.V., Arhipov I.G. (1997) *Zemel'noe pravo Respubliki Kazahstan*. – Almaty: Izdatel'stvo «Borki». – 295 s.

Hadzhiev A.H. (2011) *Zemel'noe pravo Respubliki Kazahstan. Obshhaja chast'*. Uchebnoe posobie. – Almaty. – 214 s.

Krassov O.I. (2004) *Zemel'noe pravo*. – M.: Jurist#, 2004. – 671 s.

Keiter, R.B. Ecological concepts, legal standarts, and public land law: An analysis and assessment // *Natural Resources Journal* Volume: 44 Issue : 4 Page: 988 Published: February 2004.

Lettoy Lerner, R.L. The Rise of Directed Verdict: Jury Power in Civil Cases Before the Federal Rules of 1938 // *George Washington Law Review* Volume: 81 Issue: 2 Page: 525 Published: February 2013.

Larionov G.N., Uljukaev V.H., Makarov O.N. (1997) *Zemel'noe pravo Rossii*. – M. – 356 s.

Max Kummerow, Joelle Chan Lun. Information and communication technology in the real estate industry: productivity, industry structure and market efficiency Original Research Article *Telecommunications Policy*, Volume 29, Issues 2-3, March-April 2005, Page 173 // www.sciencedirect.com.

Nolon, J.R. Comparative land use law: Patterns of sustainability // *Urban Lawyer* Volume: 37 Issue: 4 Pages: 807-852 Published: February 2005.

Ozenbaeva A.T. TMD elderindegi azyq-tylik qauipsizdigin quqyqtyq qamtamasyz etuding maseleleri. // *QazUU Habarshysy. Zan serijasy* № 2, – 2013. – 221 b.

Power law distribution of pressure drops in dust devils: Observation techniques and Earth-Mars comparison Original Research Article *Planetary and Space Science*, Volume 60, Issue 1, January 2012, Pages 370-375 // www.sciencedirect.com.

Petrov V.V. (1998) *Jekologicheskoe pravo Rossii (pravo okruzhajushhej sredy)*. – M.: Jurist. – 410 s.

Qazaqstan Respublikasynyng Zher Kodeksi 2003 zhyl 20 mausym. // *Ədilet aqparattyq quqytyq zhyjesi*. – 2017.

Qazaqstan Respublikasy Ykimetining 2003 zhyly 10 kyrkyjekte kabylanfan «Əkimshilik-aumaqyq birlikter bojnynsha zher uchaskelerine zhengildikti baganyng molsherin bekitu turaly» Qaulysy // *Ədilet aqparattyq kыкыктык zhyjesi*. – 2017.

Qazaqstan Respublikasynyng Zher resurstaryn basqaru agenttiginin erezhesin bekitu turaly: KR Ykimetniң 2005 zhyly 14 qangtardagy № 14 qaulysy // *Paragraf aqparattyq quqytyq zhyjesi*. – 2017.

Qazaqstan Respublikasynyng «Zher turaly» zany. – Almaty: Jurist, 2001. – 60 b.

Ralph D. Lorenz Diversity and pluralism in earth system governance: Contemplating the role for global administrative law Original Research Article *Ecological Economics*, Volume 70, Issue 11, 15 September 2011, Page 187 Francesca Spagnuolo // www.sciencedirect.com.

Stamqulov Ə.S. (2003) *Qazaqstan Respublikasynyng jekologija ququgy – Taraz: Atamura*. – 450 b.

Yerkinbayeva, L.K., Ozenbayeva, A.T. The ecological and legal aspects of ensuring the food security of the Republic of Kazakhstan under the transition to a “green” economy // *Social and Behavioral Journal* (ISSN: 1877-0428) International Conference // 2014. – pp. 175.

Nesipbayeva I.¹, Yerkinbayeva L.K.², Peeter M. Järvelaid³

¹doctoral student of I. Zhansugurov Zhetysu State University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: nesipbaeva83@bk.ru

²Doctor of Law, Professor, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, yerkinbayeva@gmail.com

³Doctor of the Science of Law, Professor, The Vice-rector for innovations and
strategic development of I. Zhansugurov Zhetysu State University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: jarvelaid_pm@zhgu.kz, zhguprorektor@mail.ru

**LEGAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT
OF AGRICULTURAL COOPERATION:
NEW APPROACHES AND PROSPECTS**

This article discusses the legal problems of the development of agricultural cooperation in the Republic of Kazakhstan on the basis of a comparative legal analysis of the legislation of foreign countries. The object of this study is social relations in the field of agricultural cooperation. The subject of this study is the legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign countries in the field of agricultural cooperation. The purpose of the study is a comparative legal analysis of agricultural cooperation; study of MCO requirements, identification of legal problems and gaps in the legislation of the Republic of Kazakhstan, development of specific proposals for its improvement of the legislation. In 2014, the OECD made recommendations aimed at the further development of agricultural cooperation in Kazakhstan. They dealt with three main directions. The first is the improvement of the legal framework in this area. The second direction in the reform of agricultural cooperation in the Republic of Kazakhstan is the strengthening of information and educational services, including the organization of the state registry and the statistical monitoring system. The third is financial support. This article explores the process of implementing the OECD recommendations.

Key words: International Cooperative Alliance (ICA), principles of cooperation, agricultural activity, agricultural cooperative.

Несипбаева И.¹, Еркінбаева Л.К.², Пеэтер Мартұлы Ярвелаид³

¹І. Жансүгіров атындағы ЖМУ докторанты, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: nesipbaeva83@bk.ru

²заң ғылымдарының докторы, профессор,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: yerkinbayeva@gmail.com

³заң ғылымдарының докторы, профессор, І. Жансүгіров атындағы
Жетісу мемлекеттік университетінің инновациялық жұмыс және стратегиялық
даму жөніндегі проректоры, Қазақстан, Талдықорған қ.,
e-mail: jarvelaid_pm@zhgu.kz, zhguprorektor@mail.ru

**Ауыл шаруашылық ынтымақтастығын дамытудың
құқықтық мәселелері: жаңа тәсілдер мен перспективалар**

Бұл мақалада шет елдердің заңнамаларын салыстырмалы құқықтық талдау негізінде Қазақстан Республикасындағы ауылшаруашылық саласындағы ынтымақтастықтың құқықтық мәселелерін талқылайды. Зерттеудің объектісі – ауыл шаруашылығы саласындағы ынтымақтастықтың әлеуметтік қатынастары. Зерттеудің тақырыбы – Қазақстан Республикасының және шет елдердің ауыл шаруашылығы саласындағы ынтымақтастық туралы заңнамасы. Зерттеудің мақсаты – аграрлық ынтымақтастықтың салыстырмалы құқықтық талдауы; МҚҰ талаптарын зерделеу, Қазақстан Республикасының заңнамасында құқықтық мәселелер мен кемшіліктерді айқындау, заңнаманы жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар әзірлеу. 2014 жылы ЭЫДҰ (Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы) Қазақстандағы ауылшаруашылық кооперация ынтымақтастығын одан әрі дамытуға бағытталған ұсыныстар жасады. Олар үш негізгі бағытта ұсынылды. Біріншіден, кооперация саласындағы құқықтық базаны жетілдіру. Қазақстан Республикасындағы ауылшаруашылығы саласындағы ынтымақтастықты реформалаудың екінші бағыты ақпараттық

және білім беру қызметтерін, оның ішінде мемлекеттік тіркеуді ұйымдастыруды және статистикалық мониторинг жүйесін ұйымдастыруды күшейту болып табылады. Үшіншісі – қаржылық қолдау. Бұл мақалада ЭЫДҰ ұсыныстарын іске асыру жағдайы зерттелген.

Түйін сөздер: Халықаралық кооперативтік альянс (ICE), ынтымақтастық принциптері, ауылшаруашылық қызметі, ауылшаруашылық кооперативі.

Несипбаева И.¹, Еркинбаева А.К.², Пеэтер Мартович Ярвелаид³

¹докторант ЖГУ имени И. Жансугурова, Казахстан, г. Алматы, e-mail: nesipbaeva83@bk.ru

²доктор юридических наук, профессор,

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,

Казахстан, г. Алматы, e-mail: yerkinbayeva@gmail.com

³доктор юридических наук, профессор, проректор по инновационной работе и стратегическому развитию ЖГУ имени Ильяса Жансугурова,

Казахстан, Талдықурган, e-mail: jarvelaid_pm@zhgu.kz, zhguprektor@mail.ru

Правовые проблемы развития сельскохозяйственной кооперации: новые подходы и перспективы

В данной статье рассматриваются правовые проблемы развития сельскохозяйственной кооперации в Республике Казахстан на основе сравнительного правового анализа законодательства зарубежных стран. Объектом данного исследования являются общественные отношения в сфере сельскохозяйственной кооперации. Предметом настоящего исследования является законодательство Республики Казахстан и зарубежных стран в области сельскохозяйственной кооперации. Целью исследования является сравнительно-правовой анализ сельскохозяйственной кооперации; изучение требований МКО, выявление правовых проблем и пробелов законодательства РК, выработка конкретных предложений по совершенствованию законодательства. ОЭСР в 2014 году были даны рекомендации, направленные на дальнейшее развитие сельскохозяйственной кооперации в Казахстане. Они касались трех главных направлений. Первое, это совершенствование правовой базы в данной области. Вторым направлением в реформе сельскохозяйственной кооперации в Республике Казахстан является усиление информационно-образовательных услуг, в том числе организации государственного реестра и системы статистического мониторинга. Третье, это финансовая поддержка. В данной статье исследован процесс реализации рекомендаций ОЭСР.

Ключевые слова: Международный кооперативный альянс (МКО), принципы кооперации, сельскохозяйственная деятельность, сельскохозяйственный кооператив.

Introduction

The development of cooperation in the agricultural sector of our country today requires the understanding of new approaches in legislation, the study of world practice. On October 29, 2015, Kazakhstan adopted the Entrepreneurial Code, which in the main part has been put into effect from January 1, 2016. In general, the new Code is aimed at improving and developing legislation in the field of interaction between business entities and the state, supporting entrepreneurship, eliminating gaps and contradictions in the legal regulation of business relations (Entrepreneurial Code: st.5). It is aimed at the implementation of the National Plan – 100 concrete steps to implement five institutional reforms and comprehensive regulation of public relations in the field of entrepreneurship, including those arising in connection with the interaction of entrepreneurs and the state, issues of state regulation and sup-

port of entrepreneurship (Message of the President, 2012: 2).

The law of the Republic of Kazakhstan of October 29, 2015 “On agricultural cooperatives” defines the legal status, rights and obligations of members of agricultural cooperatives, as well as the legal status, procedure for the establishment, operation, reorganization and liquidation of agricultural cooperatives and their associations (unions) (On agricultural cooperatives, 2015: 10).

An agricultural cooperative is one of the most widespread forms of doing business in agriculture in the world. When determining some promising forms of cooperative management, it is useful to study the world experience. The world experience of agricultural cooperatives is extensive and is of great interest for the study and use in the practice of our Republic, which indicates that cooperatives operate in almost all major sectors of agriculture. In our republic own experience and world practice are

widely used in creation of cooperatives. In the special literature there is no fully scientifically based methodological approach to assessing the effectiveness of legal support of agricultural cooperation in the conditions of modern economic modernization. Theoretical and methodological bases of information support of business activity have not been sufficiently worked out. At the same time, effective management of business processes in the region requires research-based study and the formation of effective tools for stimulating entrepreneurship, and the formation of theoretical and methodological foundations of modernization of the economy (Moroz, 2008: 308). Cooperatives are of particular interest to economists because of their unique ownership structure and the incentives this structure creates. In addition to the so-called property rights problems (e.g., free-rider, horizon, and portfolio problems), the analysis of agricultural cooperatives has focused on issues of market power, agency, product quality, and increasingly producer and consumer heterogeneity. These last three elements are important features of the industrialization of the agrifood system (Murray 2013: 61).

It should be noted that in the Republic of Kazakhstan there are no research based studies of legal problems of agricultural cooperation in the context of principles of cooperation, new legislation and practice of its application in the field under study that are recognized and tested in the practice of developed countries. The relative literature does not fully reflect a research based methodological approach.

The above mentioned shows that the problems of agricultural cooperation require close attention from the legal science, which should theoretically comprehend the role of the state and law in the process of forming a conceptually new model of cooperation in rural areas and land reform, and offer effective legal tools for its implementation in modern conditions. The current stage of development of society requires rethinking many postulates of socialist theory and practice in the field of agricultural cooperation, substantiation of new priorities, and revision of conceptual provisions. This circumstance requires the establishment of an optimal ratio of the constitutional and sectoral regulation of legal mechanisms that ensure the effective implementation of these relations, which, in turn, necessitates both the analysis of the current regulatory framework and the need to develop theoretical models of its possible improvement.

The International Cooperative Alliance (ICA) defines a cooperative as “an autonomous associa-

tion of individuals who have united on a voluntary basis to meet their common economic, social and cultural needs and aspirations and have established a jointly owned and democratically controlled enterprise”. This definition was first introduced in the ICA «Declaration on Cooperative Identity» in 1995 and was subsequently recognized in two important international instruments: the United Nations Guidelines (2001), which are aimed at creating a favourable environment for the development of cooperatives (Hagen 2012: 431).

In 2014, the OECD made recommendations aimed at further development of agricultural cooperation in Kazakhstan. They concerned three main directions. The first was to improve the legal framework in this area. Until 2016, there were two forms of cooperatives in agriculture in Kazakhstan: in the form of an agricultural production cooperative and a rural consumer cooperative. The activity of an agricultural production cooperative was regulated by the Law of the Republic of Kazakhstan of October 5, 1995 «On a production cooperative» (On rural consumer cooperation: 1995, Art. 19). With regard to the agricultural sector, the following features of the agricultural production cooperative could be distinguished. First, the main focus of its activities is the production of agricultural products. Second, it was established only by individuals, the number of which should have been at least two people. Third, in order to join an agricultural cooperative, an individual had to make a property share (contribution). And finally, a member of the cooperative had to take personal labor participation in its activities. Unlike the agricultural production cooperative, the rural consumer cooperative was a non-profit organization. Its activity was regulated by the following laws: of July 21, 1999 «On rural consumer cooperation in the Republic of Kazakhstan»; of December 25, 2000 «On agricultural partnerships and their associations (unions)»; of April 8, 2003 «On rural consumer cooperative of water users» (On a production cooperative: Law, 1999, Art. 15-16).

Since 2015, Kazakhstan has undergone reforms in the field of agricultural cooperation, including in the legislative sphere. First of all, it is the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan dated October 29, 2015 «On agricultural cooperatives» (On agricultural cooperatives: Law, 2015: 5).

The repeal of previous laws on cooperatives, legislative consolidation of tax benefits, simplification of registration procedures are the consequences of legal reforms in the field of agricultural cooperation. According to the statistics, as of June 30, 2018, in the Republic of Kazakhstan a total of 2872 agricul-

tural cooperatives and 62 825 of their members were registered. However, the degree of involvement of farmers in cooperative enterprises remains limited: the number of cooperative members, divided by the total number of farms, made only 3.4%. Low levels of cooperative development are also observed in some countries whose economies were planned in the past, such as Romania (0.3 per cent), Georgia (1.3 per cent) and the Czech Republic (3.5 per cent) (OECD 2019:20).

The second direction in the reform of agricultural cooperation in the Republic of Kazakhstan is the strengthening of informational and educational services, including the organization of the state register and the system of statistical monitoring. The third is financial support. According to OECD analysts, it is ineffective and does not stimulate the cooperative movement in Kazakhstan. For example, in 2009-2011 the state support of agriculture in Kazakhstan on average reached 200 billion tenge (or 1.36 billion US dollars). This represents 11 per cent of the value of agricultural production, and is below the average in OECD countries. And 82% of this amount is accounted for trade-distorting measures linked to prices and volumes of production (10 «The financial support is provided without enough focus: about 60% of newly registered cooperatives are inactive or «fictional» cooperatives that are organized primarily to receive state subsidies» (OECD 2019:20).

The study of Kazakhstan's legislation in the field of agricultural cooperation shows that our country is taking steps towards the implementation of internationally recognized principles of cooperation. In his definitions of an agricultural cooperative, the Kazakh legislator tries to embrace not only the concept of "agricultural activity", that is, production, processing, storage, and marketing of agricultural products, but also the production of aquaculture products (fish farming), and the supply of means of production and material and technical resources, credit granting, water supply or other services to members of a cooperative, as well as associated members of the cooperative.

The next feature is the non-obligatory labor participation of the members of a cooperative in its activities, which raises many issues. The question arises, what is the difference between SEC (Social and Entrepreneurial Corporation) and other forms of commercial entities? Moreover, according to the old legislation, only natural persons (individuals) could be members of a cooperative, and now legal entities can. In Azerbaijan, at least 70% of the total amount of work in production cooperatives must be performed by their members. Production cooperatives

can employ workers. The number of such employees (with the exception of employees engaged in seasonal work) should not exceed 30 per cent of the total number of members of the cooperative. Workers of production cooperatives may not simultaneously work in another production cooperative with the same type of activity" (On agricultural cooperatives, 2016: 45).

The current model of agricultural cooperatives originated in Europe and spread to other states in the late 19th century as a form of mutual aid and to counter extreme poverty conditions (Hoyt A., 1989: 97). The greatest influence on the functioning of agricultural cooperatives was made by the formation in 1844 of the Rochdale Society of Equitable Pioneers. It was a consumer cooperative set up in Rochdale, England, by a group of workers representing different professions who formulated a set of basic work rules based on a two-year study of cooperatives, including some that were not successful.

At that time, the objectives of the cooperative were to meet the needs of its members to improve housing, employment, food, education and other social needs. Another important development with regard to cooperatives as banking institutions was the establishment of the first savings and credit cooperatives in 1864 by Friedrich Wilhelm Raiffeisen in Germany. The purpose of Raiffeisen Bank was to provide savings and credit services in urban and rural areas based on the idea of «self-aid» (Ingalsbe G. & Groves F.W. 1989: 67). The development of cooperatives over time has been driven by many factors and influences. Ingalsbe and Groves (1989) group the three main types (all interrelated):

- (1) economic conditions (caused by war, depression, technologies, state economic policy, etc.);
- (2) farmers' organizations (including the quality of their leadership, their motivation and enthusiasm to promote cooperatives, influence public policies, etc.);
- (3) public policy (in accordance with the public interest, legislative initiative and judicial interpretation).

Since 1988, there have been two phenomena in the organization of agricultural cooperatives in the United States: (1) the restructuring and consolidation of conventional cooperatives and (2) the emergence of new (NGC) (Cook 1995: 35). NGCs retain many of the characteristics of conventional cooperatives, but they focus on value-added activities. The contributions of the members of the capital are linked to product delivery (marketing) rights which attain value and can be transferred, and membership is closed or restricted.

Cropp states, «Cooperatives in the US are being developed to become a significant force in agriculture and play an increasingly important role in politics»(Cropp R. & Ingalsbe G.1989: 120).

It should be noted that the legal regulation of cooperation in the post-Soviet countries has advanced and effective solutions that should be adopted by the Kazakh legislator. I think that the experience of Georgia is of interest to us, because the legislation of this country takes into account the recommendations of the ICA and the peculiarities of agricultural activities as the main focus of activity of agricultural cooperatives. In particular, according to the Law «On agricultural cooperation», an agricultural cooperative is a legal entity of private law in the organizational and legal form of a cooperative, which carries out agricultural activities and which, according to this Law, has been granted the status of an agricultural cooperative (On agricultural cooperation, 2013: 12).

This definition implies such features of an agricultural cooperative as, firstly, it is a legal entity of private law; secondly, the main activity is agricultural activity. The Georgian legislator emphasizes that this is any economic activity carried out on agricultural purpose land or in relation to property related to land and related services, covering the production, processing, packaging, storage, transportation and sale of plant and animal products (including birds, fish, silkworms, bees, etc.). According to some analysts, “Georgia is the only country in the post-Soviet space that has established a special procedure for obtaining the status of an agricultural cooperative, for which it, as a private law enterprise, is obliged to submit an application to a legal entity of public law – the Agency for the Development of Agricultural Cooperatives. The Agency is authorized to monitor the activities of a legal entity having the status of an agricultural cooperative. The results of the monitoring will serve as the basis for the suspension or termination of the status of an agricultural cooperative as a legal entity” (Legislative regulation of cooperation in post-soviet countries, 2013: 31).

Another feature of agricultural cooperatives in Georgia is the labour participation of cooperative members. For example, Article 60 of the Law «On entrepreneurs» emphasizes that «a cooperative is a society based on the labor activity of members or created for the purpose of developing the economy and increasing the income of members, whose tasks are to satisfy the interests of members. It is not aimed at receiving pre-emptive profit». Art. 1509, Statement 2 “g” of the Civil Code of Georgia recognizes

cooperatives as «Legal entities of private law», and, therefore, the provisions of the Code and other legislation regulating the legal status of such persons also apply to cooperatives (Legislative regulation of cooperation in post-soviet countries: 2013, 31).

More research is certainly needed to explore the causal relationship of strategy to cooperative survival and longevity. It is also worth exploring which strategies form an optimal response to external developments without sacrificing member ownership and member control. As there is no single explanation for business survival or longevity (Napolitano 2015, 57), external adaptation ought to be considered in addition Sustainability 2018, 10, 652 11 of 15 to other variables. Useful theories and frameworks may include transaction cost theory, agency theory, and the dynamic capabilities view of the firm, among others. Regardless, considering the poor availability of non-aggregated data on farmer cooperatives, the case study method may prove the best option to further our understanding of cooperative survival (Jasper Grashuis).

Conclusion

Summarizing our research, we came to the following conclusions.

The main constraining factors of development of cooperatives in Kazakhstan are: the imperfect mechanism of stimulation of farmers association in agricultural cooperatives; lack of coordinating management bodies for the development of cooperation in the country and locally in the form of associations (Unions) of agricultural cooperatives at the district, regional and local levels that protect their interests, and also control the activity of agricultural cooperatives for observance of the basic principles of cooperation on financial activity, distribution of the income between members of cooperative, accounting, registration, etc.; high level of distrust of agricultural producers, especially small forms of management to new structures, fear of losing the main means of production – land; low level of legal culture in rural areas, lack of awareness of farmers about the benefits of agricultural cooperatives.

For the purposes of development of agricultural cooperation in the Republic of Kazakhstan it is recommended to implement measures in the following areas:

1. Improvement of legal support of business activity in the field of agricultural cooperation.
2. Introduction and use of economic instruments with the aim of stimulation of the activities of agricultural cooperatives.

3. Organizational, information and consulting support of agricultural cooperatives, including the participation of organizations that form the infrastructure to support businesses.

4. Measures aimed at educating, training and retraining of personnel.

5. Help to the subjects of agricultural cooperatives in the sale of their products.

6. Development of a mechanism to protect the rights and legitimate interests of agricultural cooperatives.

One of the further strategic directions of development of agricultural cooperation in Kazakhstan is the formation of the system of state financial and credit support of agricultural cooperatives. The implementation of this activity is confirmed by the development of a new State Program of development of the agro-industrial complex of Kazakhstan for 2017-2021, one of the main tasks of which is the involvement of small and medium-sized farms in agricultural cooperation. However, as the practice of foreign countries shows, economic instruments to support agricultural cooperatives should be updated annually as profits in the agricultural sector depend on natural conditions. Therefore, in our case it is necessary to develop comprehensive, objective and modern tools for the development of agricultural cooperatives.

One of the factors of effective development of agricultural cooperation is the provision of information and consulting services. For the purpose of formation of information consulting service and scientific support of agricultural cooperatives, we propose a two-level model of information and consulting service for the development of cooperation. The link of the first (higher) level can be the Republican educational and methodical center for the development of small business patterns in the agro-industrial complex and agricultural cooperation, responsible for the content, methodological support and development strategy of the entire cooperative system.

The successful development of agricultural cooperation requires constant training and professional development of cooperative personnel.

To this end, the state provides non-financial support measures, in particular:

- development of educational and methodology materials for agricultural educational institutions for the training of managers and specialists of cooperatives and centers of their professional development;

- introduction in the program of agricultural universities and colleges of Economics and Organization of Agricultural Cooperatives as a mandatory discipline;

- inclusion of owners of personal subsidiary and peasant farms in the program of information support of agribusiness entities free of charge as students of courses and seminars on professional development. Continuous professional development of managers and specialists of agricultural organizations, central and local executive bodies on agricultural cooperation through the system of training at agricultural educational institutions, general purpose universities and centers of knowledge sharing.

The establishment of a unified system of agricultural cooperation, the association in unions (associations) of cooperatives at different levels of management is one of the main directions of the Strategy of development of agricultural cooperatives. The system is seen as a set of cooperatives of different types and levels, in organizational, legal and functional relations, united at the state, regional and district levels.

It is recommended to gradually form a multi-level system of agricultural cooperatives, that acts in conjunction with the state (local) bodies through the formation of the Coordination Council and working groups of consultants on the organization of forms of agricultural cooperation at the district level, as well as their interaction with financial, public and other organizations.

The main tasks of the district coordination Council are as follows:

- definition of a strategy for the establishment of a system of agricultural cooperatives;

- development and submission for approval to the legislative and Executive bodies of normative documents on the establishment of a system of agricultural cooperatives;

- organization of information activity at the district level, organization of training seminars for coordination councils, working groups, specialists of agricultural cooperatives;

- providing advice to the working group on the issues of the establishment of a system of agricultural cooperatives, participation in the main activities for the development of this system;

- ensuring interaction and coordination of participants;

- compilation and dissemination of experience in the establishment of a system of agricultural cooperatives.

References

- Cropp R. & Ingalsbe G. (1989). Structure and Scope of Agricultural Cooperatives. In Cooperatives in Agriculture, ed. D. Cobia, 35-67. New Jersey, USA: Prentice-Hall, Inc
- For more detail see Analysis of legislative acts regulating agricultural cooperation, Chapter III – Legislative regulation of cooperation in post-soviet countries http://www.fao.org/fileadmin/user_upload.pdf
- Henry, Hagen. Guidelines for cooperative legislation / by Hagen Henry; International Labour Office. – 3rd ed. rev. -Geneva: ILO, 2012
- Hoyt A. (1989). Cooperatives in other countries. In Cooperatives in agriculture, ed. D. Cobia, 81-97. New Jersey, USA: Prentice-Hall, Inc.
- Ingalsbe G. & Groves F.W. (1989). Historical development. In Cooperatives in Agriculture, ed. D. Cobia, 106-120. New Jersey, USA: Prentice-Hall, Inc.
- Law of the Republic of Azerbaijan. On agricultural cooperatives. Of June 14, 2016 No. 270-VQ // The International Journal of Not-for-Profit Law, Volume 14, Issue 1-2
- Jasper Grashuis, 2018. “An Exploratory Study of Cooperative Survival: Strategic Adaptation to External Developments,” Sustainability, MDPI, Open Access Journal, vol. 10(3), pages 1-15, February
- Law of Georgia “On agricultural cooperation” No. 816-VC of July 12, 2013// <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/geo166635RUS.pdf>
- Murray Fulton and Konstantinos Giannakas. The Future of Agricultural Cooperatives //2013. Vol. 5:61-91
- Message of the President of The Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. 14 December 2012. <http://akorda.kz>
- Republic of Kazakhstan. Entrepreneurial Code of October 29, 2015 No. 375-VZRK// The Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan 2015, No. 20-III, Art. 112
- Moroz S.P. Business Law of Kazakhstan. (Course of lectures.) – Almaty, 2008. – 308 p.
- Napolitano, M.R.; Marino, V.; Ojala, J. In search of an integrated framework of business longevity. Bus. Hist. 2015, 57, 955–969.
- OECD (2019), Monitoring of the development of agricultural cooperation in Kazakhstan, OECD Publishing, Paris.// <https://www.oecd.org/eurasia/central-asia/Kazakhstan-Monitoring-Agricultural-Co-operatives-2019-RUS.pdf>
- OECD: Kazakhstan should abandon traditional support of agricultural producers// <https://www.ictsd.org/bridges-news>.
- Republic of Kazakhstan. On agricultural cooperatives: Law of October 29, 2015 No 372-V ZRK. // Statements of the Parliament of Kazakhstan 2015, No. 20-I, Art. 109
- Republic of Kazakhstan. On a production cooperative: the Law of October 5, 1995 No. 2486 // The Statements of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan, 1995, N 20, Art. 119; The Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 1996, No. 14, Art. 274
- Republic of Kazakhstan. On rural consumer cooperation in the Republic of Kazakhstan: Law No. 450-I of 21 July 1999 the Republic of Kazakhstan.
- Republic of Kazakhstan. On agricultural cooperatives: Law of October 29, 2015 № 372-V SAM. // Statements of the Parliament of Kazakhstan 2015, № 20-I, St. 109

4-бөлім
**ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ
КРИМИНАЛИСТИКА**

Section 4
**CRIMINAL LAW AND
CRIMINALISTICS**

Раздел 4
**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНАЛИСТИКА**

Мамедов Б.Г.

докторант, Алматинская академия МВД РК им. Макана Есбулатова, подполковник полиции,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: baha007kz@mail.ru

**СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ**

В статье рассматривается способ вымогательства через призму квалификации преступлений в рамках криминалистической характеристики преступлений, поскольку вопрос способа совершения такого уголовного правонарушения, как вымогательство, вызван неоднозначной трактовкой самого вымогательства в Уголовном Кодексе Республики Казахстан. Проводится сравнение диспозиций статей, смежных с вымогательством. Проведен уголовно-правовой анализ характера двух основных видов способов совершения вымогательства организованными преступными группами в правовом пространстве Республики Казахстан, в практике расследования, доминирует один из способов, а именно: требования о передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких, именуемый нами как «шантаж».

Делается вывод о том, что требования о передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких и составляют содержание способа совершения вымогательства организованными преступными группами.

Ключевые слова: организованные преступные группы, вымогательство, способ совершения вымогательства, уголовные правонарушения, криминалистическая характеристика, требование передачи имущества.

Mamedov B.G.

Doctoral student, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan named after Makan Yesbulatov, lieutenant colonel of police,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: baha007kz@mail.ru

**Method of performance of extortion organized
by the criminal group**

The article considers the method of extortion through the prism of the qualification of crimes within the forensic characteristics of crimes, since the question of the way of committing such a criminal offense as extortion is caused by the ambiguous treatment of extortion in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. A comparison of the dispositions of articles adjacent to extortion is made. A criminal law analysis of the nature of the two main types of methods of extortion by organized criminal groups in the legal space of the Republic of Kazakhstan, in the practice of investigation, was conducted; the threat of disseminating information that disgraces the victim or his relatives, or other information, the announcement of which may cause significant harm to the interests of the victims him or his loved ones named us as "blackmail".

It is concluded that the requirements for the transfer of someone else's property or the right to property or the commission of other actions of a property nature under the threat of dissemination of information that dishonors the victim or his relatives or other information whose disclosure can cause significant harm to the interests of the victim or his relatives and constitute the content Way of committing extortion by organized criminal groups.

Key words: organized criminal groups, extortion, way of committing extortion, criminal offenses, forensic characteristics, demand for property transfer.

Мамедов Б.Г.

Қазақстан Республикасы ІІМ Мақан Есболатов атындағы
Алматы академиясының докторанты, полиция подполковнигі,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: baha007kz@mail.ru

Ұйымдасқан қылмыстық топтармен қорқытып алу жолдары

Мақалада қылмыстың криминалистикалық сипаттамасы аясында қылмыстарды саралау призмасы арқылы қорқытып алу тәсілі қарастырылады, өйткені қорқытып алу сияқты осындай қылмыстық құқық бұзушылықты жасау тәсілі Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде қорқытып алушылықтың өзін бір мағыналы түсіндіруден туындады. Қорқытып алумен шектес мақалалардың диспозицияларын салыстыру жүргізіледі. Қазақстан Республикасының құқықтық кеңістігінде, тергеу практикасында ұйымдасқан қылмыстық топтардың қорқытып алушылық жасау тәсілдерінің екі негізгі түрінің сипатына қылмыстық-құқықтық талдау жүргізілді, атап айтқанда: бөтеннің мүлкін немесе мүлікке құқықты беру немесе жәбірленушіні немесе оның жақындарын масқаралайтын мәліметтерді не жариялауы жәбірленушінің немесе оның жақындарының мүдделеріне елеулі зиян келтіруі мүмкін, біз “қорқытып алу” деп аталатын өзге де мәліметтерді тарату қаупімен мүліктік сипаттағы басқа да әрекеттерді жасау туралы талаптар.

Бөтеннің мүлкін немесе мүлікке құқықты беру немесе жәбірленушіні немесе оның жақындарын масқаралайтын мәліметтерді не жария етуі жәбірленушінің немесе оның жақындарының мүдделеріне елеулі зиян келтіруі мүмкін және ұйымдасқан қылмыстық топтардың қорқытып алушылық жасау тәсілінің мазмұнын құрайтын өзге де мәліметтерді тарату қатерін төндіріп мүліктік сипаттағы басқа да іс-әрекеттер жасау туралы талаптар туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: ұйымдасқан қылмыстық топтар, қорқытып алу, қорқытып алу әдісі, қылмыстық құқық бұзушылықтар, криминалистикалық сипаттама, мүлікті қайтару талаптары.

Введение

Способ совершения вымогательства организованной преступной группой является одной из наиболее интересных составляющих криминалистической характеристики данного вида преступления. Нужно сказать, что он не совсем связан с моментом, с которого уголовное правонарушение считается завершенным, – с выдвижения самих требований. Само их выдвижение в своем описании не представляет трудностей, ибо таковое может иметь любые формы. Главным является его обращение в будущее, что и отличает само вымогательство от других правонарушений.

Сам интерес к способу совершения уголовного правонарушения (вымогательства) вызван, как минимум, неоднозначной трактовкой самого вымогательства в уголовном кодексе. Так ст. 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство» указывает на то, что Вымогательство есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>).

Заметим, что в данной трактовке описаны два варианта совершения данного уголовно-го правонарушения. Первый из них связан с угрозой применения насилия или повреждения, уничтожения имущества. Второй же предполагает угрозу распространения сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких. При этом, если первый способ сам по себе может являться преступлением и за его совершение лицо или член организованной преступной группы будет нести ответственность, то во второй ситуации такой преступник не будет нести ответственность за разглашение таких сведений, разве, что за исключением случаев совершения им преступлений, предусмотренных ст. 138 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», ст. 148 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Незаконное нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>).

Более того, в большом ряду случаев такое разглашение даже прямо предписано законом, устанавливающим ответственность за недонесение о совершенном правонарушении (ст. 434 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Недонесение о преступлении»). Данный факт существенно сказывается на количестве членов преступной группы, могущих участвовать в со-

вершении такого вымогательства и определяет вероятность совершения вымогательства вторым способом, максимально приближая их к латентным формам. Поскольку, удостоверившись в том, что такое разглашение уже имеет место в отношении ряда членов преступной группы, сама жертва, как правило, просто отказывается выполнять требования вымогателей. Несколько иную схему имеет ситуация, когда вымогатели действуют в группе, в которой лишь один или два человека владеют данной информацией, что обеспечивает некую форму тайны.

Сам способ совершения данного преступления с долей точности копирует способ совершения самого вымогательства, исключая лишь угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких. При этом законодатель, зная о такой конкуренции, постарался минимизировать ее посредством уточнения того, что угроза как способ совершения преступления, предусмотренного ст. 115 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Угроза», должна касаться совершения убийства или причинением тяжкого вреда здоровью, а равно иным тяжким насилием над личностью либо уничтожением имущества поджогом, взрывом или иным общеопасным способом (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>). Тем самым, оставив за «вымогательством» все прочие виды угроз, в том числе уничтожения имущества не общеопасными способами. Вместе с тем, значительно сузился механизм его совершения. По крайней мере формально. Фактически же вымогательство сведено к угрозам насилия не опасного для жизни и уничтожения имущества, а также распространения сведений. Конечно же, данные нормы различает выдвигаемые корыстных требований. Однако в случаях, когда корыстные требования следуют за угрозой на некотором расстоянии и являются следствием демонстрации возможностей посредством насилия и пр., говорить об успешном доказывании становится сложнее. Ибо вымогательство фактически является здесь неоконченным. Кроме того, возникает вопрос – если законодатель не предположил некое поглощение угрозы в контексте смысла ст. 115 «Угрозы», статьей 194 «Вымогательство», тогда почему он ничего не упомянул в тексте данной статьи об угрозе убийством или уничтожении имущества общеопасным способом? Не находя ответа на данный вопрос, нам ничего не остается, как полагать, что

таким образом разделены виды ответственности за такие угрозы, либо предположить, что статья 194 «Вымогательство» сконструирована в этом плане крайней неудачно и требует своего однозначного изменения посредством включения в нее упоминания об угрозе убийством и угрозе повреждения, уничтожения имущества общеопасным способом. Более того, данная логика противоречия подтверждается еще и тем, что ни в одной из частей статей 194 «Вымогательство» не упоминается, даже в качестве отягчающего обстоятельства, наступление смерти жертвы, что окончательно делает ее несовершенной. В этой связи, в существующей ее конструкции говорить о том, что она успешно реализуется в части обозначенных проблем, нельзя.

Некоторая конкуренция обсуждаемой нормы наблюдается и со ст. 125. Похищение человека; Ст. 126. Незаконное лишение свободы. При этом такое заключается в том, что обе данные статьи в соответствующих частях предполагают корыстный характер их совершения и преступную группу в качестве «субъекта» действия. На деле это означает, что если в случае с вымогательством отрицательные последствия для жертвы еще не наступили, а уголовное преследование здесь начинается с момента высказывания требований, то в случае с похищением и лишением свободы корыстные требования выдвигаются несколько позднее. Однако фактически механизм является одним и тем же по сути. Такой вывод очевиден, поскольку нельзя исключить и последующих угроз, связанных с убийством или применением насилия к похищенным, собственно ради чего оно и может быть совершено. В связи с чем и возникает частичная конкуренция.

Следующим блоком статей, составляющих конкуренцию статье 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство», являются:

Статья 209 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Принуждение к передаче информации»;

Статья 248 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения»;

Статья 271 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Пиратство»;

Статья 284 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Хищение либо вымогательство радиоактивных веществ, радиоактивных отходов или ядерных материалов»;

Статья 293 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Хулиганство».

При этом стопроцентное повторение механизма совершения уголовного правонарушения имеет место по отношению к двум из них – это:

Статья 209 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Принуждение к передаче информации» (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>).

Сравнение ст. 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство» со статьёй статей 248 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения» позволяет сделать вывод о том, что разница заключается лишь в акценте на объект преступного посягательства. Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что такое обособление является фикцией, поскольку сама по себе информация всегда имеет какое-либо значение. И это значение находится либо в плоскости корысти, либо в плоскости идеального, что отождествляет ее с объектом при распространении сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких. Попытка же обособить сделку как объект, стоящий в поле угрозы, практически настолько же бесплодна, ибо предполагает, что вместо прямого требования денежных знаков либо имущества таковое просто будет изменено на требование заключения сделки об обмене «кирпича» или его продаже.

Теперь продемонстрируем разницу в сроках и видах и вообще тяжести наказаний за совершение данных видов уголовных правонарушений, заметив при этом, что во всех случаях нами избран максимальный предел за совершение такого правонарушения согласно последней части любой из норм, непременно включающей в себя совершение уголовного правонарушения организованной преступной группой:

Ст. 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство» – наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Статья 209 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Принуждение к передаче информации» – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Статья 248 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения» – наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет.

Данный факт, просто и однозначно, окончательно объясняет нам, почему в ходе поиска уголовных дел с признаками совершения вымогательства организованной преступной группой мы обнаружили так мало дел, явно квалифицируемых по искомому нами стандарту. Поскольку сама организованная преступная группа, занимающаяся такими вымогательствами, не впервые знает алгоритмы ухода от ответственности, в том числе благодаря несовершенству уголовного закона. Именно поэтому де юре большая часть преступлений, именуемых вымогательством совершенной организованной преступной группой, связана более со вторым способом его совершения, а именно с угрозами распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких.

Думается, что нет смысла детально обсуждать конкуренцию ст. 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство» со статьёй 284 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Хищение либо вымогательство радиоактивных веществ, радиоактивных отходов или ядерных материалов». Чисто технически обе нормы имеют один преступный механизм, отличающийся лишь конечным объектом преступного посягательства. Это заставляет считать их в некоторой степени дублирующими. Вместе с тем, нами не выявлено совершения преступлений данного вида, а учитывая, что требования о передаче радиоактивных веществ, радиоактивных отходов или ядерных материалов и требований другого плана могут быть заявлены совместно, априори полагаем, что было бы правильно, как и в случае с двумя предыдущими статьями, говорить о необходимости их объединения.

Наконец, статья 271 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Пиратство», предполагая в качестве преступного механизма нападение на судно с целью его завладения, а не выдвигание каких-либо требований, безусловно, рознит его с вымогательством, однако в самой норме законодатель допускает формулировку «совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения». Это предполагает весьма неясный механизм такого нападения. Примером может стать случай из кинофильма «Пираты 20-го века», где сами пираты, не нападая на отбитое у них судно, требуют его передачи под угрозой насилия захваченных женщин. Такой случай показывает, что само пиратство, будучи связанным с преступностью на море, включает в себя нео-

пределенный круг действий, связанных с грабежом мимо проходящих судов, их захватом, захватом заложников и предъявления требований. А это, в свою очередь, приводит к мысли о том, что таковое является скорее собирательным понятием. Именно поэтому описываемая ситуация анализа предполагает либо обособление вымогательства, в том числе судна, либо включение в пиратство, т.е. статью 271. Уголовного кодекса Республики Казахстан «Пиратство», еще и признаков нападения с помощью оружия, предполагающее аналоги с уголовными правонарушениями, предусмотренными ст. 192 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Разбой», а также признаков, определенных ст. 193 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Грабеж», и многих других признаков. Мы, в свою очередь, в связи с отсутствием у Республики Казахстан собственных выходов к мировому океану предлагаем первый вариант.

Что же касается соотношения обсуждаемой статьи со статьей 293 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Хулиганство», то таковое заключается в формулировке, допускающей угрозу, сопровождающуюся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Сама статья исключает корыстные мотивы, однако указывает на то, что сами хулиганские действия, схожие с элементами вымогательства, могут и не носить корыстного характера, на что мы ранее указывали. По сути, они могут служить инструментом унижения без выдвижения корыстных требований. Изучение практики расследования дел о совершении вымогательства организованными преступными группами свидетельствует о том, что данный мотив не исключение и для вымогательства, поскольку он успешно переплетается с корыстными мотивами. Так в ходе расследования уголовного дела № 174310031000586 было установлено, что «А» совместно в группе с «В» требовал от потерпевшего «С» публичных признаний в совершении им акта полового насилия в отношении несовершеннолетней «О», такие требования сопровождалась угрозой применения насилия в отношении и заявлением о том, что если они не будут исполнены, данная информация будет передана в правоохранительные органы «С» уд.% 174310031000586 (См. материалы уд.% 174310031000586 по Кызылординской области).

Как видно, из указанного примера, имеются признаки вымогательства определенных действий со стороны «А», т.е. требования под угрозой совершения насилия, отдаленные будущим.

При этом, как-то по-другому оценить и квалифицировать действия данной группы трудно. Что указывает на то, что предметом требований и торга в ходе «шантажа» могут выступать не только денежные средства или право на имущество. По сути, им могут быть любые законные интересы лица, пренебречь которыми требуют вымогатели. Спектр таких интересов весьма и весьма широк, начиная от требований о признании отцовства и заканчивая требованиями о предоставлении каких-либо услуг. Данный факт предполагает существенное изменение содержания статьи 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство» посредством включения в нее в качестве наказуемых прочих действий неимущественного характера либо действий, имеющих характер услуг.

Наконец, интересен еще один блок статей Уголовного кодекса Республики Казахстан, указывающих на наличие частичных признаков конкуренции со способом совершения вымогательства. Все они связаны с возникновением информации, могущей быть использованной в ходе «шантажа» угрозами распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких

Это статья 130 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Клевета»;

Статья 147 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите»;

Статья 148 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Незаконное нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений»;

Статья 185 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Незаконное собирание, распространение, разглашение государственных секретов»;

Статья 211 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа».

При этом первая статья среди перечисленных в блоке представляет интерес в тех случаях, когда «шантаж» строится на основе клеветнической информации, по сути она не конкурентна, но находится в соприкосновении с вымогательством в этой части в тех ситуациях, когда эта самая клевета носит весьма убедительный характер, что по сути угроз распространения информации имеет значение только на субъективном уровне. Поскольку наступление отрицательных по-

следствий, указанных в данной норме статьи, в этом случае все равно неизбежно. А раз так, то таковая в любом случае является компонентом шантажа. Заметим, что в данной ситуации «убедительность» является следствием информационной определенности лица, сконструировавшего клевету, а значит, предполагает его полное отношение к информации, послужившей источником клеветы.

Все прочие среди приведенных нами норм отражают факт ответственности за сбор и распространение информации, ставшей предметом шантажа, и тем самым имеют отношение к вымогательству, совершенному организованной преступной группой.

Таким образом, из указанного анализа, носящего сугубо уголовно-правовой характер, можно сделать вывод о том, что из двух основных способов совершения вымогательства организованными преступными группами в правовом пространстве Республики Казахстан, практике расследования, доминирует второй способ. А именно: требования о передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких, именуемый нами как «шантаж».

Данная ситуация вызвана следующими факторами:

- уголовно-правовой трактовкой организованной преступной группы, существенно сужающей ее признаки по отношению к закрепившемуся ее пониманию;

- уголовно-правовым закреплением механизмов совершения вымогательства с уживающегося до требований имущественного характера под угрозой насилия, не опасного для жизни или уничтожения имущества, не общеопасным способом;

- действительностью борьбы с преступностью в наше время, открытые формы которой в виде вымогательства посредством требований передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества существенно снижены по сравнению с периодом девяностых годов (Информационный сервис Комитета по правовой статистике и информации ГП РК). Т.е. апогеем популярности термина «организованная пре-

ступность», когда каждый уважающий себя маргинал считал нормальным бросить вызов обществу посредством совершения преступления данного вида.

Однако анализ способов совершения вымогательства организованными преступными группами не заканчивается перечислением конкурентных или имеющих отношение к признакам конкуренции других статей уголовного кодекса Республики Казахстан, ибо безусловно понятно, что требования всегда убедительнее, если они сопровождаются демонстрацией в виде каких-либо действий, в большинстве своем оцениваемых как уголовные или административные правонарушения.

Указанные закономерности, определенные нами по отношению к способу «угроза – во имя бездействия», характерны для ситуаций, когда лицо требует определенных выгод, как то передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой действия, т.е. уничтожения, насилия и т.д.

Не имея возможности получить развернутую картину ситуации, исходя из изучения практики расследования уголовных дел с признаками вымогательства, совершенного организованной преступной группой, по причинам, указанным выше, мы воспользовались эмпирической базой лиц, осуществляющих расследование данной категории дел, в надежде сформировать более четкий образ способа совершения вымогательства данного вида. За некоторыми минусами, связанными с субъективизмом опрошенных, мы получили следующую картину.

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз в открытой форме, – 11%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз в латентной форме, – 69%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз о причинении насилия, – 61%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз об убийстве, – 26%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз об повреждении или уничтожении имущества, – 41%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз расправы, направленных в личный адрес жертвы, – 58%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз расправы, направленных в адрес их семьи, – 47%

Вымогательства, совершенные посредством высказывания угроз расправы, направленных в

адрес их родственников, – 2%

Шантаж как угроза распространения сведений, могущих повлечь ущерб для жертвы, – 67%

Шантаж как угроза распространения сведений, могущих повлечь ущерб для членов семьи жертвы, – 11%

Шантаж как угроза распространения сведений, могущих повлечь ущерб для родственников жертвы, – 0%

Вымогательства, совершенные молодежными организованными группами, – 62%

Вымогательства, совершенные организованными группами лиц среднего возраста, – 38%

Вымогательства, совершенные организованными группами, существующими до одного года, – 76%

Вымогательства, совершенные организованными преступными группами, существующими от одного года до трех лет, – 22%

Вымогательства, совершенные организованными преступными группами, существующими свыше трех лет, – 2%

Вымогательство, имеющее продолжительный, неоднократный характер, – 43%

Вымогательство, имеющее разовый, однократный характер, – 57%

При этом, указанный субъективизм определяется еще и тем, что респонденты ориентировались на личный опыт, полученный в большинстве своем до принятия действующего блока уголовного и уголовно-процессуальных кодексов Республики Казахстан.

Вместе с тем, в связи с тем, что согласно опросу респондентов «основным» видом вымогательства, совершенного организованными преступными группами, является его вид, связанный с «шантажом», нам остается только сконцентрироваться на особенностях данного способа совершения вымогательства в контексте нашего группового уточнения.

Заметим, что таковой вид предполагает собственно высказывание требований, имеющих зачастую латентную форму (67% случаев). Аргументом в их исполнении является согласно смыслу ч.1. ст. 194 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Вымогательство» угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близких. Однако приближенное рассмотрение такого аргумента с точки зрения буквы закона наталкивается на проблему толкования термина «распространение», поскольку таковое предполагает деятель-

ность, направленную на доставку информации множеству адресатов. Попытка понимания распространения такой информации как помещение ее нахождения в место частого посещения и вероятного прочтения (ознакомления с ней), не выдерживает критики, поскольку ее безличное нахождение может привести к тому, что с ней ознакомятся лишь совершенно незаинтересованные в ней субъекты, а вероятность нахождения в группе таких случайных лиц действительно заинтересованного человека может быть равна нулю. Более того, нахождение информации данного характера в таких местах «общего пользования» зачастую не воспринимается всерьез, что и вовсе минимизирует угрозу. Все это означает, что информация должна быть распространена именно для субъектов, ознакомление которых с ней является критичным для жертвы. Другими словами, помещение данной информации на сайтах неясного круга доступа лиц в сети Интернет, вывешивание ее виде объявлений на улице, выкрикивание в автобусе и пр. нельзя назвать формой распространения, несмотря на его некоторые признаки. Даже в случаях, когда такая информация направлена на широкий круг лиц, т.е. общественность, говорить о том, что имеет распространение, нельзя ввиду ее низкой эффективности, тем более в качестве предтечи вреда, являющегося согласно норме закона существенным. Примерами такого неудачного «распространения», по сути не являющегося таковым, являются многочисленные случаи регистрации оппозиционных сайтов, выставление на некоторых Интернет-ресурсах фотографий, в которых те или иные лица обнажены и пр. По сути, ничего они в данном случае, кроме популярности, «жертве» не добавляют.

В данной статье, при раскрытии способа совершения вымогательства организованными преступными группами, конечно же, может показаться, что мы смешали сами проблемы расследования с общими проблемами уголовно-правового понимания. Безусловно, такое смешение нельзя назвать неправильным, ибо раскрытие проблем способа совершения вымогательства организованной преступной группой, как и любого другого преступления, возможно, в том числе, посредством криминалистической характеристики. Ибо она, в понимании сторонников моделирования как самого востребованного метода познания, является моделью события, а значит, может выступать и средством раскрытия самих проблем явления, в том числе проблем расследования вымогательства, совершенного организованной преступной группой.

Литература

- Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: Изд-во БЕК, 1997.
- Информационный сервис Комитета по правовой статистике и информации ГП РК http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat?_piref36_223083_36_223082_223082.__ora_navigState=eventSubmit_doSearch%3D%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D1%2581%25D0%25BA%26p_YEAR%3D2016%26p_MONTH%3D12%26p_AREA%3D190000%26p_REG%3D1900__%26p_DEP%3D000%26page%3Dmode_report%26currPage%3D1&_piref36_223083_36_223082_223082.__ora_navigValues=
- Колесникова Т.В. Организованная преступная группа: системный анализ // Следователь. – 1999. – №8.
- Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: учебник / Под ред. проф. В.Д. Грабовского, доц. А.Ф. Лубина. – Н.Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1995.
- Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию преступления: автореф. ... канд. юрид. наук. – Томск: Томский государственный университет, 1999.
- Колесникова Т.В. Криминалистическая характеристика преступных групп, совершающих вымогательство: дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
- Каламкарян Р.А., Адамоли С., А.Ди Никола, Савона Э.У., Зоффи П. Организованная преступность в мире // Государство и право. – 1999.
- Лавров В.П. Общие положения и методики расследования организованной преступной деятельности: курс лекций по криминалистике / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Е.Р. Российской. – Вып. 12. – М.: Юридический институт МВД России, 1999.
- Мауленов Г.С., Сейтжанов М. Проблемы борьбы с организованной преступностью // Вестник Министерства юстиции РК. – 1995. – №8.
- Мазунин Я.М. Тактика выявления и доказывания вины организаторов преступных групп: автореф. канд. юрид. наук. – М.: Юридический институт МВД России, 1996.
- Нургалиев Б.М. Организованная преступная деятельность (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты). – Караганда, 1997. – 210 с.
- Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. – Режим доступа. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
- См. материалы уд.% 174310031000586 по Кызылординской области.
- Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V ЗРК.
- Шутемова Т.В. К вопросу о доказывании устойчивости банды // Следователь. – 1998. – №5.

References

- Belkin R.S. (1997) Kriminalisticheskaja jenciklopedija. – М.: Izd-vo BEK.
- Informacionnyj servis Komiteta po pravovoj statistike i informacii GP RK http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat?_piref36_223083_36_223082_223082.__ora_navigState=eventSubmit_doSearch%3D%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D1%2581%25D0%25BA%26p_YEAR%3D2016%26p_MONTH%3D12%26p_AREA%3D190000%26p_REG%3D1900__%26p_DEP%3D000%26page%3Dmode_report%26currPage%3D1&_piref36_223083_36_223082_223082.__ora_navigValues=
- Kolesnikova T.V. Organizovannaja prestupnaja gruppa: sistemnyj analiz // Sledovatel'. – 1999. – №8.
- Kriminalistika: rassledovanie prestuplenij v sfere jekonomiki: uchebnik / Pod red. prof. V.D. Grabovskogo, doc. A.F. Lubina. – N.Novgorod: Nizhegorodskaja VSh MVD RF. 1995.
- Kim D.V. (1999) Sledstvennaja situacija kak informacionno-poznavatel'naja sistema v dejatel'nosti po raskrytiju prestuplenii: avtoref. ... kand. jurid. nauk: Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet.
- Kalamkarjan R.A., S. Adamoli, A.Di Nikola, Je.U.Savona, P.Zoffi. Organizovannaja prestupnost' v mire // Gosudarstvo i pravo. – 1999
- Kolesnikova T.V. (2000) Kriminalisticheskaja harakteristika prestupnyh grupp, sovershajushhih vymogatel'stvo: dis. kand. ju-rid. nauk: Saratov.
- Lavrov V.P. Obshhie polozhenija i metodiki rassledovanija organizovannoj prestupnoj dejatel'nosti: kurs lekcij po kriminalistike / Pod red. dokt. jurid. nauk, prof. E.R. Rossijskoj. – Vyp. 12. – М.: Juridicheskij institut MVD Rossii, 1999.
- Maulenov G.S., Sejtzhanov M. Problemy bor'by s organizovannoj prestupnost'ju // Vestnik Ministerstva justicii RK. – 1995. – №8.
- Mazunin Ja.M. (1996) Taktika vyjavlenija i dokazyvanija viny organizatorov prestupnyh grupp: avtoref. kand. jurid. nauk: M.: Juridicheskij institut MVD Rossii.
- Nurgaliev B.M. (1997) Organizovannaja prestupnaja dejatel'nost' (ugolovno-pravovye, processual'nye i kriminalisticheskie aspekty). – Karaganda. – 210 s.
- Shutemova T.V. K voprosu o dokazyvanii ustojchivosti bandy // Sledovatel'. – 1998. – №5.
- Sm. materialy ud.% 174310031000586 po Kyzylordinskoj oblasti.
- Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 04 ijulja 2014 goda № 231-V ZRK.
- Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 ijulja 2014 goda № 226-V. – Rezhim dostupa. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

Бакишев К.А.¹, Абдрахманов Д.С.²

¹доктор юридических наук, профессор, руководитель лаборатории юридических исследований
Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований
Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза,
Казахстан, г. Караганда, e-mail: bakishev@yahoo.com

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: daniyar.abdrahmanov@gmail.com

**МОТИВАЦИЯ НЕОСТОРОЖНОГО
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ
(на примере автотранспортных правонарушений)**

Борьба с неосторожной преступностью должна быть отнесена к числу приоритетных задач государства ввиду неуклонного роста процессов, обусловленных неосторожным поведением людей. Интересы защиты государства и общества от вредных последствий такого поведения неизбежно приводит к анализу его мотивации как ближайшей и непосредственной личностной детерминанты. Мотивы присущи как умышленным, так и неосторожным преступлениям, и по своему характеру это мотивы общественно опасного поведения, приведшего к вредным последствиям. Понятие «мотивация» шире понятия «мотив», что обозначает совокупность потребностей, интересов, привычек и т.д., которые могут выступать в качестве мотивов противоправного поведения.

В статье подчеркивается, что мотив неосторожного поведения охватывает только действие, а его вредные последствия немотивированны, вследствие чего отмечается разрыв связи мотива и вредных последствий. Предложена классификация мотивов неосторожного преступного поведения, указаны мотивирующие такое поведение факторы, которые должны учитываться в процессе разработки мер профилактики.

Ключевые слова: неосторожное преступное поведение, мотив и мотивация, классификация неосторожного преступного поведения, мотивирующие факторы, профилактика неосторожного преступного поведения.

Bakishev K.A.¹, Abdrakhmanov D.S.²

¹doctor of legal sciences, Professor, head of the laboratory of legal studies
of the Research Institute of economic and legal studies of Karaganda economic University
of Kazakhstan consumer Union, Kazakhstan, Karaganda, e-mail: bakishev@yahoo.com

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: daniyar.abdrahmanov@gmail.com

**Motivation for reckless criminal behavior
(on the example of motor vehicle offenses)**

The priority tasks of the state should include the fight against imprudent delinquency because of the steady growth of processes caused by careless behavior of people. The interests of protecting the state and society from the harmful consequences of such behavior inevitably leads to an analysis of its motivation as the immediate and immediate personal determinant. Motives are inherent in both intentional and careless crimes and in nature are motivations of socially dangerous behavior which led to harmful consequences. The concept of «motivation» is wider than the concept of «motive», which means a set of needs, interests, habits, etc., which can act as motives for unlawful behavior. The article emphasizes that the motive of careless behavior covers only the action, and its harmful consequences are unmotivated, which means that the connection between the motive and harmful consequences is noted. Suggested a classification of motives for careless criminal behaviors, indicated factors that motivating such behavior that should be taken into account in the development of preventive measures.

Key words: careless criminal behavior, motive and motivation, classification of careless criminal behavior, prevention of careless criminal behavior.

Бәкішев К.А.¹, Абдрахманов С.Т.²

¹заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазтұтынуодағы Қарағанды экономикалық университетінің экономикалық және құқықтық зерттеулер ғылыми-зерттеу институтының заң зерттеу зертханасының жетекшісі, Қазақстан, Қарағанды қ., e-mail: bakishev@yahoo.com

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: daniyar.abdrahmanov@gmail.com

Абайсыз қылмыстық мінез-құлық уәждемесі (автокөлік құқық бұзушылықтар мысалы негізінде)

Абайсыз қылмысқа қарсы күрес адамдардың абайсыз мінез-құлқына байланысты үдерістердің ұдайы өсуіне байланысты мемлекеттің басым міндеттерінің қатарына жатқызылуы тиіс. Мемлекет пен қоғамды мұндай мінез-құлықтың зиянды салдарынан қорғау мүдделері оның жақын және тікелей тұлғалық детерминанты ретінде уәжін талдауға әкеп соқтырады. Себебі қасақана және абайсызда жасалған қылмыстарға тән және өзінің сипаты бойынша бұл зиянды зардаптарға әкеп соққан қоғамдық қауіпті мінез-құлық себептері. «Мотивация» ұғымы «мотив» ұғымының кеңдігі, бұл құқыққа қарсы мінез-құлық себептері ретінде әрекет ете алатын қажеттіліктер, мүдделер, әдеттер және т.б. жиынтығын білдіреді. Мақалада абайсыз мінез-құлықтың себебі тек қана әрекетті қамтитындығы, ал оның зиянды салдары азайғаны, соның салдарынан себеп пен зиянды зардаптардың байланысы үзілгендігі байқалады. Абайсыз қылмыстық мінез-құлық уәждерін жіктеу алдын алу шараларын әзірлеу барысында ескерілуі тиіс, осындай мінез-құлықты уәждейтін факторлар көрсетілген.

Түйін сөздер: абайсыз қылмыстық жүріс-тұрыс, мотив және мотивация, абайсыз қылмыстық мінез-құлықты жіктеу, уәждеуші факторлар, абайсыз қылмыстық мінез-құлықтың алдын алу.

Введение

В условиях увеличения числа транспортных средств, дальнейшего внедрения и использования новых источников энергии, современных технологий в производстве, в быту и других сферах общества, все чаще происходят техногенные катастрофы и аварии, повлекшие многочисленные жертвы и разрушения. По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире ежегодно регистрируется около 60 млн. дорожно-транспортных происшествий, в которых погибает более 1,25 млн. человек и 20-50 млн. получают тяжелые увечья (Global status report on road safety 2015). Более 2 тыс. погибших и свыше 13 тыс. раненых приходится на Казахстан (<http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPagGroup/Services/Pravstat>). Только в 2016 году экономические потери республики от аварий и катастроф составили 3 423,8 млн. тенге (<http://emer.gov.kz/ru/deyatelnost/otchety/37312>).

Исследования показывают, что техногенные аварии и катастрофы в подавляющем большинстве случаев вызваны неосторожным и преступным поведением людей. Изучение такого поведенческого акта, осуществляемого в рамках предупреждения неосторожной преступности, неизбежно приводит к анализу его мотивации как ближайшей и непосредственной личностной детерминанты.

Любое человеческое поведение, в том числе и противоправное, обуславливается наличием

определенного мотива, т.е. побуждения, которым руководствуется лицо, совершая правонарушение. «Именно мотивация, – пишет российский криминолог В.В.Лунеев, – будучи порождением конкретных общественных отношений, непосредственно изнутри субъекта определяет преступное поведение. Ее теоретическая разработка позволит углубить научные представления о закономерностях и особенностях формирования преступного поведения и личности преступника и на их основе создать теорию индивидуального прогнозирования и предупреждения преступлений» (Лунеев 1991: 9).

О решающем влиянии мотивов на неосторожное поведение лица отмечается также в работах других кримиологов ближнего и дальнего зарубежья – И.Г. Филановского, В.Е. Квашица, П.С. Дагеля, Р.Т. Нуртаева, Б. Арнеклева, А. Меле, К. Симмонса, М. Мура, Д. Хьюзака, К.Берта и др.

Выяснение мотивационной сферы личности виновного влияет на степень общественной опасности и квалификацию деяния, оказывает существенное влияние на вид и размер уголовного наказания. Так, водитель автомашины «Скорая помощь» А. превысил дозволенную скорость, чтобы быстрее доставить больного ребенка в больницу, но не справился с управлением и допустил столкновение с другой автомашиной. Здоровью ребенка был причинен тяжкий вред, за что А. был осужден к трем годам лишения свободы условно (Архив суда Ленин-

ского района г. Алматы за 1994. Дело № 1-984). В другом случае таксист Б. превысил скорость по просьбе опаздывающего на поезд пассажира, который пообещал заплатить сумму проезда в двойном размере. Не справившись с управлением, он выехал на противоположную сторону дороги и врезался в столб, причинив тяжкий вред здоровью пассажира. Б. был осужден к четырем годам лишения свободы. Как видим, мотивы допущенных А. и Б. нарушений правил дорожного движения различны, и они сыграли далеко не последнюю роль при определении меры ответственности виновных.

Исходя из криминологических задач, мы рассматриваем мотивацию как более широкое, чем мотив, понятие, обозначающее «совокупность побуждений (потребностей, интересов, привычек и т.д.), которые могут выступать в качестве мотивов противоправного поведения» (Петелин 1981: 39). Такой подход позволяет охватывать не только сам мотив – внутреннее побуждение к действию, но и целую систему факторов, детерминирующих поведение: актуализацию потребности, целеполагание, выбор путей достижения цели, прогнозирование результатов, принятие решения, контроль и коррекцию действий, анализ наступивших последствий, т.е. весь психологический механизм преступного поведения, рассматриваемый под углом зрения доминирующих побуждений субъекта (Немов 1999: 463).

Следует подчеркнуть, что вопрос о мотивации неосторожного преступного поведения, социальной сущности, классификации и иных ее аспектах в юридической литературе является дискуссионным. Так, И.Г. Филановский еще в 1970 г. разработал концепцию, согласно которой мотивы присущи не только умышленным, но и неосторожным преступлениям, и «по своему характеру это уже мотивы общественно опасного поведения, приведшего к преступному результату, а не мотивы заранее рассчитанного преступления». И далее: «...деяние, образующее преступление по неосторожности, также имеет определенную цель. Но цель в этом случае имеется лишь в деянии, а не в преступлении, включающем в себя конкретное преступление, и в этом все дело» (Филановский 1970: 48).

Разделяя эту позицию, В.Е.Квашис подчеркнул, что такой подход расширяет предупредительный фронт борьбы с неосторожными преступлениями и помогает вскрывать социально-психологический механизм разнообразных нарушений правил общественной безопасности. При этом речь о мотивах неосторожного по-

ведения следует вести исходя из соображений, принципиальных с точки зрения юридической значимости функций и содержания мотивов неосторожности и их специфики по сравнению с мотивами умышленных деяний (Квашис 1981:42).

По мнению П.С. Дагеля, неосторожные действия субъекта в подавляющем большинстве случаев имеют сознательный, волевой характер, следовательно, являются мотивированными и целенаправленными, и эти признаки имеют существенное значение для криминологической и уголовно-правовой оценки. Однако автор выступил против понятия «мотивы и цели неосторожного преступного поведения», предложенного И.Г. Филановским: «Что такое «общественно опасное поведение, приведшее к преступному результату»? Это и есть преступление, а его мотивы – это мотивы данного неосторожного преступления» (Дагель 1977: 60).

Категоричную позицию в рассматриваемом вопросе занимает А.И. Рарог, который считает неправомерным ставить вопрос о мотивах и целях любого поступка, в том числе и неосторожного преступления. Критикуя вышеприведенные точки зрения, он приводит следующие доводы:

1) не может быть мотивированным и целенаправленным такое поведение, когда лицо не выполняет лежащих на нем обязанностей неосознанно: по забывчивости, из-за сна, в силу бессознательного состояния и т.д. Тем меньше оснований искать мотивы и цели такого неосторожного преступления. При этом автор приводит в пример случаи, в которых деяние лишено сознательного волевого контроля (например, совершение преступления по небрежности), в то время как мотив может быть только осознанным;

2) подавляющее большинство неосторожных преступлений по своей юридической конструкции представляет неразрывное сочетание неосмотрительного поведения с общественно опасными последствиями, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы. Поскольку само неосмотрительное поведение в отрыве от последствий не имеет уголовно-правового значения, постольку его мотивированность и целенаправленность отнюдь не равнозначны преступным мотивам и целям» (Рарог 2003: 138).

Как уже отмечалось, мотив – это осознанное побуждение лица к определенному действию, его движущая сила. Поэтому любое преступление, в том числе и неосторожное – результат волевого действия человека, но как его производное он наступает только после того, как побуждение опосредовано сознанием действия и

предвидением его последствий. В то же время природа, характер и механизм психологического воздействия на поведение человека в неосторожных деяниях имеют качественно иное содержание, чем мотивы умышленных преступлений – это мотивы неосторожного общественно опасного поведения.

«Учитывая, что в неосторожных преступлениях наступившие последствия даже косвенно не охватываются желанием виновного, следует различать мотивы умышленных преступлений и мотивы противоправного поведения, объективно приведшего к общественно опасным последствиям в неосторожных преступлениях. И те и другие мотивы могут быть названы мотивами преступного поведения», – справедливо замечает В.В. Лунеев (Лунеев 1991: 45). Примером такого поведения является легкомысленное обращение с огнем, приведшее к пожару или гибели людей, небрежное обращение с оружием, в результате которого наступила смерть человека и т.п.

На всем процессе мотивации поведения лежит печать поверхностного отражения субъектом реальной действительности, искаженное предвосхищение будущих событий. При совершении правонарушения в виде преступной небрежности такое отражение реальности является господствующим, а связанная с ним неполная или искаженная информация расценивается субъектом достаточной для действия. В этих случаях у правонарушителя отсутствует мотивация управления. Она вытормаживается (вытесняется) наиболее актуальным в этот момент побуждением, не связанным с управлением (Корчагин 1981: 274). К. Симонс подчеркивает, что виновность лица в так называемом непреднамеренном создании риска в большинстве своем зависит от сознательного выбора и убеждений, которые он принял (Simons 2011: 112).

Выводы юристов о том, что человек может действовать не только в рамках сознательного, но и бессознательного состояния, подтверждают также современные исследования психологов. «В основе сознательных целей и планов вполне могут лежать некоторые бессознательные стремления. Большую часть времени человек не отдает себе отчета в тех процессах, которые определяют те или иные его конкретные желания, – отмечает известный бельгийский психолог Ж. Нюттен (Нюттен 2004 а: 406). «Многие психологические проблемы получают свое решение, как только мы отказываемся от представления о том, будто люди всегда осознают мотивы

своих действий, поступков, мыслей и чувств. На самом деле их истинные мотивы не обязательно таковы, какими они кажутся», – пишет Р.С. Немов (Немов 1999: 469).

По мнению М.И. Еникеева, самонадеянная личность нарушает правила предосторожности, предвидя возможные отрицательные последствия своей деятельности. Это люди с повышенным риском поведения, повышенным уровнем притязаний. Преступления по небрежности совершают лица с дефектами предвидения результатов поведения, пониженной самокритичностью, внутренней самодисциплиной, слабым развитием сдерживающих, тормозных процессов. Эти качества закрепляются в опыте многократных переходов за грань дозволенного, на почве систематической недисциплинированности в условиях пониженного социального контроля (Еникеев 2005: 308).

Вышесказанное означает, что одни потребности и цели, управляющие поведением человека, им осознаются, а другие – нет. Примечательно, что данное обстоятельство привело некоторых ученых к выводу о возможности безмотивных неосторожных преступлений, с чем нельзя согласиться. «Сложности установления мотива преступления иногда приводят к утверждению о безмотивности, немотивированности преступления, что принципиально неверно, поскольку всякое сознательное поведение побуждается осознанными и неосознанными мотивами», – подчеркивает О.Д. Ситковская (<https://books.google.kz/books?id>).

Таким образом, все виды неосторожного преступного поведения имеют собственные мотивы, и в них «проявляется социальная позиция личности, ее внутренние установки, которые выступают катализатором будущего неосторожного преступного поведения» (Лопатина 2013: 79). В пользу данного вывода свидетельствуют статьи УК об ответственности за факт неосторожного преступного действия субъекта, мотивы которого связаны с этим действием (ч. 1 ст. 186, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 305, ч. 1 ст. 318, ч. 1 ст. 324, ч. 2 ст. 325, ч. 2 ст. 326, ч.1 ст. 346, ст. ст. 356, 357, ч. 1 ст. 358 и др.).

По структуре мотивации и целеполагания неосторожные преступления характеризуются разрывом между мотивом и целью поведения субъекта и наступившим общественно опасным последствием. Это последствие, как подчеркивает Р.И. Михеев, не «утоляет» мотив (точнее, лежащую в его основе потребность) и даже не «открывает дверь к ее утолению» (Михеев 1999:437).

На этом основании П.С. Дагель структуру мотивации неосторожного преступного поведения представляет в следующем виде: а) общий мотив и конечная цель поведения субъекта (как правило, удовлетворение каких-либо общественных или личных потребностей); б) мотив и цель нарушения правил безопасности, если эти правила были нарушены субъектом сознательно; в) мотив и цель поведения в экстремальной (например, аварийной) ситуации, когда субъект осознает возможность причинения ущерба (Дагель 1981: 209). Представленная структура отражает тесную связь мотива и цели, так как мотив определяет поведение только в совокупности с целью в связи с теми результатами, к достижению которых стремится лицо, совершая то или иное действие. Оба эти понятия тесно связаны между собой, причем цель всегда опосредована мотивом и, наоборот, мотив опосредован целью.

Таким образом, мотив неосторожного поведения охватывает только действие, а его вредные последствия немотивированны, вследствие чего отмечается наличие разрыва связи мотива и вредных последствий, что составляет специфику неосторожной вины, неосторожного поведения. При этом не следует мотивацию распространять на весь механизм преступного поведения – она является его частью наряду с другими элементами (ситуацией, жертвой, личностью). Как правильно заметил Ж. Нюттен, анализ механизма деяния дает ответ на вопрос, как осуществляется поведение, а изучение мотивации – на вопрос, почему человек поступает так или иначе (Нюттен 1975 б: 20).

Интересы профилактики неосторожных правонарушений актуализируют вопрос о классификации мотивации неосторожного поведения. Это «дает возможность для более правильной характеристики субъективной стороны рассматриваемых преступлений в процессе квалификации, а также для назначения справедливого наказания, с учетом общественной опасности содеянного и личности преступника, для дифференцированного исправительно-воспитательного воздействия на посткриминальное поведение индивида» (Нуртаев 1990: 131).

По мнению П.С. Дагеля, мотивация любого преступления, хотя бы неосторожного, имеет социально порицательный характер, потому что отражает недостаточно внимательное отношение лица к интересам общества. Однако конкретный мотив может быть и положительным. В этом случае отрицательная оценка переносится на избрание лицом способов действия или на

другие элементы механизма его поведения. Поэтому автор считал, что мотивы неосторожных преступлений (как и умышленных) могут быть и антиобщественными, и социально положительными, и социально нейтральными (Дагель 1977: 61).

Другие авторы (А.И. Рарог, В.В. Лунеев), напротив, полагают, что общественно-полезных мотивов преступления не существует. В частности, А.И. Рарог пишет, что «если для достижения социально нейтрального результата или даже социально полезного результата субъект прибегает к способам и средствам, преступным с точки зрения права, и его сознанием отражается социальная вредность этих способов, средств и конечного результата, закономерно связанного с избранными способами достижения результата, то и субъективные побуждения лица приобретают социально порицаемую окраску» (Рарог 2003: 143).

Разделяя последнюю точку зрения, добавим, классификация мотивов П.С. Дагеля имеет и другой недостаток, проявляющийся в том, что указанные мотивы свойственны не только преступлениям, но и многим непроступным деяниям. Например, лихачество в одном случае может быть мотивом дорожно-транспортного происшествия, в другом – выиграть автогонку. Стремление раньше времени закончить работу, досрочно выполнить план может побудить к превышению скорости движения либо к повышению производительности труда. Между тем, побуждения к антиобщественным посягательствам вне преступления практически не существуют, что исключает его объективную оценку.

Р.Т. Нуртаев мотивы и цели неосторожного поведения систематизирует на две группы: а) извинительные по внешним признакам, не явно противоречащие интересам и потребностям общества, государства и отдельных граждан; б) неизвинительные, полностью противоречащие интересам и потребностям вышеперечисленных (Нуртаев 1990: 131).

Между тем, социальная оценка мотива поведения лица будет зависеть не от того, каков он по своему абстрактному содержанию, а от того, в систему каких общественных отношений включен и каким общественным отношениям противопоставлен. Вне связи с общественными отношениями мотив вряд ли удастся оценить с точки зрения общественной полезности или вредности (Лунеев 1991: 50).

Исследования ряда криминологов (О.В. Старков) показывают, что мотивы неосторожных

деяний непосредственно связаны с осуществляемой деятельностью субъекта, в процессе которой совершаются преступные действия. Ввиду сходства таких элементов мотивационного цикла как целеполагание, выбор путей достижения цели, прогноз последствий и другие, они могут быть объединены понятием «легкомысленно-небрежная мотивация», отражающим характер отношения субъекта к охраняемым уголовным законом ценностям. Исходя из этого положения, они выделяют мотивацию: а) профессиональных; б) бытовых; в) технических неосторожных преступлений. (Старков 1991: 8).

В.В. Лунеев всю совокупность побуждений указанных деяний делит на четыре условные группы: 1) побуждения, связанные с нарушениями правил вождения и эксплуатации автотракторной и иной техники и механизмов; 2) побуждения, связанные с нарушением правил производства строительных и других работ; 3) побуждения, связанные с нарушениями правил обращения с огнестрельным и холодным оружием; 4) побуждения, обусловившие нарушения иных правил предосторожности (Лунеев 1991: 275).

На наш взгляд, приведенные классификации мотивов не свободны от недостатков. Так, в первой нет мотивов, связанных с должностной и экологической неосторожностью. В другой указываются мотивы, связанные, главным образом, с технической неосторожностью, которая, как известно, доминирует в структуре неосторожной преступности. За рамками остаются мотивы, связанные с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации на железнодорожном, водном и морском транспорте, а также с бытовой, должностной и экологической неосторожностью.

Аналогичные замечания следует также высказать в отношении классификации мотивов Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского, предусматривающей: а) пренебрежительно-легкомысленное отношение к нормам, регулирующим служебные права и обязанности и функции участников дорожного движения и эксплуатации источников повышенной опасности; б) завышенную самооценку, самоутверждение себя как должностного лица, оператора-источника повышенной опасности (в том числе водителя) и т. д.; в) стремление избежать неблагоприятных последствий в случае неисполнения распоряжения, указания, ориентирующих на нарушение норм безопасности (Кузнецова 1994: 121).

С учетом приведенных соображений, систему мотивов неосторожного преступного поведения можно представить в следующем виде:

1) побуждения, связанные с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации на железнодорожном, водном и морском транспорте и автотранспорте; 2) побуждения, связанные с нарушением правил производства горных, строительных и других работ; 3) побуждения, связанные с неосторожным причинением смерти или вреда здоровью потерпевшего в результате нарушения правил поведения в быту; 4) побуждения, связанные с нарушениями правил в сфере должностной (управленческой деятельности); 5) побуждения, связанные с нарушением правил предосторожности в сфере экологии.

В связи с доминирующим положением повышенный интерес представляют побуждения, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Проведенный анализ уголовных дел позволил нам установить, что мотивы таких нарушений многочисленны и разнородны, что свидетельствует о неоднородности самих неосторожных преступников. Совершаются они в основном по служебно-производственной или личной мотивации (стремление быстрее закончить работу, выполнить план, вовремя доставить пассажира, предотвратить более тяжкие последствия путем причинения менее тяжкого вреда, вернуться домой), а также по мотивации ошибочной оценки сложившейся обстановки (расчет на правильные действия других участников дорожного движения, на благоприятные факторы ситуации и т.д.). Такие мотивы были свойственны 68,2 % осужденных водителей.

Другим 22,3 % осужденных была присуща такая лично-корыстная мотивация, как лихачество, озорство, хулиганские и корыстные побуждения, пренебрежительное отношение к правилам безопасности, бравада, бесшабашность, эгоизм. Остальные 9 % осужденных мотивами преступного поведения назвали растерянность, разговор по сотовому телефону, увлеченность беседой с пассажиром, задумчивость, которые можно отнести к мотивации внешнего или внутреннего отвлечения. Как видим, в структуре мотивов неосторожного поведения преобладают мотивы, не связанные с преднамеренным или злым нарушением правил дорожного движения.

Сходные данные приводят исследователи неосторожного преступного поведения на других

видах транспортных средств и в сфере бытовой неосторожности. По свидетельству А.И. Коробеева, изучение содержания и характера мотивационной сферы личности аварийщиков на морском транспорте свидетельствует о значительном преобладании у них положительных мотивов над антиобщественными, отрицательными. По положительным мотивам (желание оказать помощь, стремление быстрее и лучше выполнить работу, производственная необходимость) водно-транспортные преступления совершались в 3,5 раза чаще, чем умышленные убийства. Причем в структуре всех мотивов их совершения положительные мотивы встречаются в два раза чаще, чем отрицательные. Что же касается внутренней структуры самих положительных мотивов, то доминирующую роль здесь играют мотивы производственного порядка (Коробеев 1981: 68).

Р.И. Михеев на основе проведенного исследования о мотивах причинения смерти по неосторожности указывает, что удельный вес положительных мотивов (задержание правонарушителя, пресечение правонарушения, защита своей личности, прав и интересов, мотивы производственного характера, родственные или дружеские чувства, стремление оказать услугу, проявить заботу) по делам о неосторожном причинении смерти почти в четыре раза выше, а отрицательных (корысть, хулиганские побуждения, месть, ревность, личная неприязнь, озорство с техникой, оружием) – в полтора раза ниже, чем по делам об умышленном убийстве. Характерно и то, что соотношение удельного веса положительных и отрицательных мотивов неосторожного причинения смерти почти 1:1, тогда как при умышленных убийствах это соотношение примерно 1:7 (Михеев 1978: 52).

По данным О. В. Старкова, для профессиональной неосторожности характерны недобросовестное выполнение лицами как своих прямых профессиональных обязанностей, так и дополнительной работы; переоценка своих профессиональных возможностей, самоуверенность; ведомственность и местничество. Мотивация бытовой неосторожности характеризуется притуплением у лица чувства осторожности; невнимательностью; пренебрежением правилами безопасности, особенно при обращении с источниками повышенной опасности, например, бытовой техникой, лекарственными препаратами, ядохимикатами (Старков 1991: 8).

Лицам, совершающим экологические преступления по неосторожности, свойственны легкомыслие, пренебрежение нормативными ак-

тами в сфере охраны окружающей среды, социальная пассивность, чувство вседозволенности и бесконтрольности (Кудрявцев 1997: 384).

Приведенные результаты приводят нас к выводу о том, что мотивация в сфере профессиональной, бытовой и экологической неосторожности по своему содержанию практически сходна с мотивацией, связанной с неосторожным преступным поведением в сфере техники. В таких деяниях в значительной степени преобладают мотивы, во многом обусловленные психофизиологическими особенностями конкретного лица – точностью, быстротой восприятия и оценки ситуации, оперативностью мышления, скоростью реакции и т.д.

Этот вывод представляется весьма важным как с теоретической, так и практической точек зрения, поскольку причины неосторожного преступного поведения не могут сводиться исключительно к негативным свойствам личности виновного. В то же время неосторожные преступления в ряде случаев могут совершаться по мотивам корысти, хулиганских побуждений, ревности, личной неприязни и т.п.

Для предупреждения неосторожного преступного поведения важно выявление истоков формирования преступных мотивов. Как отмечает известный психолог С.Л. Рубинштейн, «мотив как побуждение – это источник действия, его порождающий, но чтобы стать таковым, он должен сам сформироваться. Поэтому никак не приходится превращать мотивы в абсолютное начало» (Рубинштейн 2000: 467).

По нашему мнению, мотивирующие факторы, детерминирующие неосторожное преступное поведение, порождаются различными социальными и психофизиологическими особенностями личности. В одних случаях это может быть негативная социальная позиция субъекта, в других случаях – особенности его интеллектуального, волевого, эмоционального склада, которые формируют мотив поведения, решение действовать определенным образом. В других случаях на формирование мотива преступного поведения в определенной степени влияет и конкретная ситуация, выступающая в качестве его внешних условий.

Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам:

– аварии и техногенные катастрофы, повлекшие многочисленные жертвы и разрушения, вызваны неосторожным преступным поведением людей, изучение которого в рамках разработки мер профилактики неизбежно приводит к ана-

лизу его мотивации как ближайшей и непосредственной личностной детерминанты;

– понятие «мотивация» шире понятия «мотив», что обозначает совокупность потребностей, интересов, привычек и т.д., которые могут выступать в качестве мотивов противоправного поведения;

– мотивация присуща любому неосторожному преступному поведению и ее выяснение имеет важное криминологическое и уголовно-правовое значение;

– мотив неосторожного преступного поведения охватывает только действие, а его вредные последствия немотивированны, вследствие чего

отмечается разрыв связи мотива и вредных последствий, что составляет специфику неосторожной вины, неосторожного преступного поведения;

– мотивирующие факторы, детерминирующие неосторожное преступное поведение, порождаются негативной социальной позицией субъекта или особенностями его интеллектуального, волевого, эмоционального склада либо конкретной ситуацией, выступающей в качестве его внешних условий.

Вышеприведенные положения должны быть учтены в процессе разработки эффективных мер предупреждения неосторожного преступного поведения и его вредных последствий.

Литература

- Arneklev B.J., et al. Testing the General Theory of Crime: Comparing the Effects of “Imprudent Behavior” and an Attitudinal Indicator of “Low Self-Control” / B.J.Arneklev // *Western Criminology Review*. – 2006 – Vol.7, iss.3. – P. 41–55
- Архив суда Ленинского района г.Алматы за 1994. Дело № 1-984.Burt C.H., Simons R.L. Self-control, thrill seeking, and crime. *Motivation Matters* / C.H.Burt, R.L.Simons // *Criminal Justice and Behavior*. – 2013 – Vol. 40, iss.11. – P.1326-1348
- Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы / П.С.Дагель. – М., 1977.
- Дагель П. С. Специфика механизма неосторожного преступления / П.С.Дагель // *Механизм преступного поведения*. – М., 1981.
- Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии / М.И. Еникеев. – М.: Норма, 2005. – 640 с.
- Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению / И.Г.Филановский. – Л., 1970.
- Квашис В.Е. Профилактика неосторожных преступлений / В.Е. Квашис. – Киев, 1981.
- Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. – М., 1991. – 382 с.
- Лопатина Т.М. Современный взгляд на неосторожную преступность / Т.М. Лопатина // *Современное право*. – 2013. – № 5. – С.79.
- Mele A.R. Crimes of Negligence: Attempting and Succeeding / A.R.Mele // *Criminal Law and Philosophy*. – 2012 – Vol.6, iss.3. – P. 387–398.
- Moore M.S., Hurd H.M. Punishing the Awkward, the Stupid, the Weak, and the Selfish: The Culpability of Negligence / M.S.Moore, H.M.Hurd // *Criminal Law and Philosophy*. – 2011 – Vol. 5, iss.2. – P. 147–198.
- Михеев Р.И. Мотивы неосторожных убийств / Р.И.Михеев // *Проблемы борьбы с преступной неосторожностью*. – Владивосток, 1978.
- Криминология / В.Н.Кудрявцев [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., 1997. – 512 с.
- Корчагин А. Г. О субъекте неосторожных преступлений, связанных с использованием техники / А.Г. Корчагин // *Проблемы борьбы с преступной неосторожностью*. – Владивосток, 1981. – С. 274.
- Криминология / Н.Ф.Кузнецова [и др.]; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М., 1994.
- Коробеев А. И. Криминологическая характеристика личности неосторожного преступника / А.И.Коробеев // *Проблемы борьбы с неосторожной преступностью*. – Владивосток, 1981.
- Немов Р.С. Психология. В 3 кн. Кн.1. Общие основы психологии / Р.С. Немов. – М., 1999.
- Нуртаев Р.Т. Борьба с неосторожными видами преступлений / Р.Т. Нуртаев. – Алма-Ата, 1990.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
- Нюттен Ж. Мотивация / Ж.Нюттен // *Экспериментальная психология*. – М.: Прогресс, 1975.
- Husak D. Negligence, Belief, Blame and Criminal Liability: The Special Case of Forgetting / D.Husak // *Criminal Law and Philosophy*. – 2011 – Vol. 5, iss.2. – P. 199–218.
- О дорожно-транспортных происшествиях, повлекших гибель или ранение людей. Статистический отчет Комитета по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. <[http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/ Services/Pravstat](http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat)>
- О результатах деятельности органов гражданской защиты за 2016 год. Отчет Комитета по чрезвычайным ситуациям МВД Республики Казахстан. <<http://emer.gov.kz/ru/deyatelnost/otchety/37312>>
- Петелин Б. Я. Мотивация преступного поведения / Б.Я. Петелин // *Механизм преступного поведения*. – М., 1981.
- Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб., 2003.
- Ситковская О.Д., Андриянов М.С., Кроз М.В., Рагинова Н.А. Криминальная психология. Курс лекций [электронный ресурс] / О.Д. Ситковская [и др.]. – Режим доступа: <https://books.google.kz/books?id>.

Simons K.W. When is Negligent Inadvertence Culpable? / K.W.Simons // *Criminal Law and Philosophy*. – 2011 – Vol. 5, iss.2. – P. 97–114.

Российское уголовное право. Курс лекций. Т.1. / Р.И. Михеев [и др.]. – Владивосток, 1999.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2000. – 712 с.

Старков О.В. Причины и условия неосторожных преступлений и некоторые вопросы их уголовно-правовой оценки / О.В.Старков // *Проблемы уголовно-правовой борьбы с неосторожной преступностью*. – Тюмень, 1991.

Global status report on road safety 2015. http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2015/9789241565066_eng.pdf.

References

Arneklev B.J., et al. Testing the General Theory of Crime: Comparing the Effects of “Imprudent Behavior” and an Attitudinal Indicator of “Low Self-Control” / B.J.Arneklev // *Western Criminology Review*. – 2006 – Vol.7, iss.3. – P. 41–55

Архив суда Ленинского района г. Алматы за 1994. Дело № 1-984. Burt C.H., Simons R.L. Self-control, thrill seeking, and crime. *Motivation Matters* / C.H.Burt, R.L.Simons // *Criminal Justice and Behavior*. – 2013 – Vol. 40, iss.11. – P.1326-1348

Dagel’ P.S. (1977) Neostorozhnost’: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problem. – M.

Dagel’ P.S. (1981) Specifika mehanizma neostorozhnogo prestuplenija / P.S.Dagel’ // *Mehanizm prestupno-go povedenija*. – M..

Enikeev M.I. (2005) Juridicheskaja psihologija. S osnovami obshhej i social’noj psihologii. – M.: Norma. – 640s.

Filanovskij I.G. (1970) Social’no-psihologicheskoe otnoshenie sub#ekta k prestupleniju. – L., 1970.

Global status report on road safety 2015. http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2015/9789241565066_eng.pdf.

Kvashis V.E. (1981) Profilaktika neostorozhnyh prestuplenij. – Kiev.

Luneev V.V. (1991) Motivacija prestupnogo povedenija. – M. – 382 s.

Lopatina T.M. Sovremennyj vzgljad na neostorozhnyju prestupnost’ / T.M.Lopatina // *Sovremennoe pravo*. – 2013. – № 5. – S.79.

Mele A.R. Crimes of Negligence: Attempting and Succeeding / A.R.Mele // *Criminal Law and Philosophy*. – 2012 – Vol.6, iss.3. – P. 387–398.

Moore M.S., Hurd H.M. Punishing the Awkward, the Stupid, the Weak, and the Selfish: The Culpability of Negligence / M.S.Moore, H.M.Hurd // *Criminal Law and Philosophy*. – 2011 – Vol. 5, iss.2. – P. 147–198.

Miheev R.I. Motivy neostorozhnyh ubijstv / R.I.Miheev // *Problemy bor’by s prestupnoj neosto-rozhnost’ju*. – Vladivostok, 1978.

Kriminologija / V.N.Kudrjavcev [i dr.]; pod red. V. N. Kudrjavceva, V. E. Jeminova. – M., 1997. – 512 s.

Korchagin A.G. (1981) O subekte neostorozhnyh prestuplenij, svjazannyh s ispol’zovaniem tehnik / A.G.Korchagin // *Problemy bor’by s prestupnoj neostorozhnost’ju*. – Vladivostok. – S. 274.

Kriminologija / N.F.Kuznecova [i dr.]; pod red. N. F. Kuznecovoj, G. M. Min’kovskogo. – M., 1994.

Korobeev A. I. Kriminologicheskaja harakteristika lichnosti neostorozhnogo prestupnika / A.I.Korobeev // *Problemy bor’by s neostorozhnoj prestupnost’ju*. – Vladivostok, 1981.

Nemov R.S. (1999) Psihologija. V 3 kn. Kn.1. Obshhie osnovy psihologii. – M.

Nurtaev R.T. (1990) Bor’ba s neostorozhnyimi vidami prestuplenij. – Alma-Ata..

Njutten Zh. (2004) Motivacija, dejstvie i perspektiva budushhego. – M.: Smysl. – 608 s.

Njutten Zh. Motivacija / Zh.Njutten // *Jeksperimental’naja psihologija*. – M.: Progress, 1975.

Husak D. Negligence, Belief, Blame and Criminal Liability: The Special Case of Forgetting / D.Husak // *Criminal Law and Philosophy*. – 2011 – Vol. 5, iss.2. – P. 199–218.

O dorozhno-transportnyh proisshestvijah, povlekshih gibel’ ili ranenie ljudej. Statisticheskij otchet Komiteta po pravovoj statistike i special’nym uchetaм pri General’noj prokurature Respubliki Ka-zahstan. <[http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/ Services/Pravstat](http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat)>

O rezul’tatah dejatel’nosti organov grazhdanskoj zashhity za 2016 god. Otchet Komiteta po chrezvyčajnym situacijam MVD Respubliki Kazahstan. <<http://emer.gov.kz/ru/deyatelnost/otchety/37312>>

Petelin B. Ja. Motivacija prestupnogo povedenija / B.Ja.Petelin // *Mehanizm prestupnogo povedenija*. – M., 1981.

Rarog A.I. (2003) Kvalifikacija prestuplenij po sub#ektivnym priznakam. – SPb.

Sitkovskaja O.D., Andrijanov M.S., Kroz M.V., N.A.Ratinova. Kriminal’naja psihologija. Kurs lekcij [jelektronnyj resurs] / O.D.Sitkovskaja [i dr.]. – Rezhim dostupa: <https://books.google.kz/books?id>.

Simons K.W. When is Negligent Inadvertence Culpable? / K.W.Simons // *Criminal Law and Philosophy*. – 2011 – Vol. 5, iss.2. – P. 97–114.

Rossijskoe ugovolnoe pravo. Kurs lekcij. T.1. / R.I.Miheev [i dr.]. – Vladivostok, 1999.

Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii / S.L.Rubinshtejn. – SPb, 2000. – 712 s.

Starkov O.V. Prichiny i uslovija neostorozhnyh prestuplenij i nekotorye voprosy ih ugovolno-pravovoj ocenki / O.V.Starkov // *Problemy ugovolno-pravovoj bor’by s neostorozhnoj prestupnost’ju*. – Tjumen’, 1991.

Kan A.G.¹, Izbassova A.B.², Sheloukhine S.³

¹Candidate of legal sciences, M. Yesbulatov Almaty academy at Ministry of Internal Affairs of RK, Kazakhstan, Almaty, e-mail: kan_torsan@mail.ru

²Master in Law, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: A_izbasova@mail.ru

³PhD, John Jay College of Criminal Justice, USA, New York, e-mail: S_scheloukhine@mail.ru

**FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE INVESTIGATIVE ACTIONS CONNECTED
WITH QUESTIONING**

Article is devoted to questions of a ratio of the criminal proceedings, criminalistics and operational search activity which influenced formation and development of the investigative actions connected with questioning. Formation of procedural provisions of inquiry and tactics of its carrying out is impossible without interaction, interdependence and interpenetration of criminal proceedings, criminalistics and operational search activity. As practice shows, the use of the results, received during the operational search activity, in proof on criminal cases promotes the effectiveness of inquiry.

Article analyses existing and modern criminal procedure legislation, that formulates proposals for improvement of the national legislation.

On the basis of the conducted research authors come to a conclusion that the criminalistics quite often is in the lead in research and development, which then are transformed to the legal procedure and to science of criminal procedure law. The history of the domestic criminal procedure legislation and criminalistics brightly highlights this picture. As a result of interaction, interdependence and interpenetration of criminal proceedings and criminalistics procedural emergence of such investigative actions connected with obtaining evidences as face-to-face interrogation, presentation for identification, check and specification of indications on the place, an investigative experiment, deposition of evidences became possible. And these investigative actions "detached" from interrogation. In too time in spite of the fact that the specified investigative actions are independent, their production is possible only after interrogation. Besides, for increase in guarantees of legality, ensuring protection of the rights and the interests of the persons who are involved in criminal proceedings and also the effectiveness of investigation it is necessary to regulate the provisions reflecting the procedure of receiving explanations in the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan.

Laws of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Code of RK, the Code of Criminal Procedure of RK and works of the known scientific protsessualist and criminalists of Kazakhstan and foreign countries makes scientific and methodological basis.

Key words. Obtaining evidences, investigative actions, investigation, investigator, criminal prosecution, proof, investigative experiment, criminal process, operational-search activity, confrontation

Кан А.Г.¹, Избасова А.Б.², Шелухин С.И.³

¹заң ғылымдарының кандидаты, полиция подполковнигі,
М. Есболатов атындағы ҚР ІІМ Алматы академиясының ғылыми-зерттеу және
редакциялық-баспа жұмыстарын ұйымдастыру бөлімінің бастығы,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: kan_torsan@mail.ru

²құқық магистрі, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: A_izbasova@mail.ru

³философия докторы (PhD), Қылмыстық әділет Джон Джей Колледжі,
АҚШ, Нью-Йорк қ., е-mail: S_scheloukhine@mail.ru

**Жауап алумен байланысты тергеу әрекеттерінің қалыптасуы
мен дамуының ерекшеліктері**

Мақала жауап алумен байланысты тергеу әрекеттерінің қалыптасуы мен дамуына әсер ететін қылмыстық процестің, криминалистика және жедел-іздігі қызметінің арақатынасы мәселелеріне арналған. Жауап алудың іс жүргізу ережелерін және оны жүргізу тактикасын қалыптастыру қылмыстық процестің, криминалистика мен жедел-іздігі қызметінің өзара әрекеттестігі, өзара тәуелділігі мен өзара байланысынсыз мүмкін емес. Тәжірибе жедел-іздігі

қызметі процесінде алынған нәтижелерді қылмыстық істер бойынша дәлелдеуде пайдалану жауап алудың тиімділігіне ықпал ететінін куәландырады.

Мақалада бұрын қолданыста болған және қазіргі заманғы қылмыстық іс жүргізу заңнамасы талданып, соның негізінде ұлттық заңнаманы жетілдіру жөніндегі ұсыныстар тұжырымдалды.

Жүргізілген зерттеулер негізінде авторлар криминалистика зерттеулер мен әзірлемелерде жиі көш бастап, кейін іс жүргізу нормаларына және қылмыстық іс жүргізу құқығы ғылымына ауысады деген қорытындыға келді. Отандық қылмыстық іс жүргізу заңнамасы мен криминалистика тарихы осы көріністі айқын көрсетеді. Қылмыстық процесс пен криминалистиканың өзара іс-қимылы, өзара тәуелділігі және өзара байланысы нәтижесінде беттестіру, тану үшін ұсыну, айғақтарды сол жерде тексеру және нақтылау, тергеу эксперименті, айғақтарды сақтауға беру сияқты айғақтарды алумен байланысты тергеу іс-әрекеттерінің туындауы мүмкін болды. Сонымен қатар, аталған тергеу әрекеттерінің дербес болуына қарамастан, оларды жүргізу жауап алынғаннан кейін ғана мүмкін болады. Бұдан басқа, заңдылық кепілдігін арттыру, қылмыстық процеске қатысушы адамдардың құқықтары мен мүдделерін қорғауды, сондай-ақ тергеудің тиімділігін қамтамасыз ету мақсатында Қазақстан Республикасының Қылмыстық іс жүргізу кодексінде түсініктемелер алу рәсімін көрсететін ережелерді регламенттеу қажет.

Мақаланың ғылыми-әдістемелік негізін Қазақстан Республикасының ҚК, ҚР ҚПК, сонымен қатар Қазақстанның және шет елдердің атақты ғалым криминалистерінің еңбектері құрайды.

Түйін сөздер: жауап алу, тергеу әрекеттері, тергеу, тергеуші, қылмыстық қудалау, дәлелдеме, тергеу эксперименті, қылмыстық іс жүргізу, жедел-ізвестіру қызметі, беттестіру.

Кан А.Г.¹, Избасова А.Б.², Шелухин С.И.³

¹к.ю.н., подполковник полиции, Начальник отдела организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы Алматинской академии МВД РК имени М. Есбулатова, Казахстан, г. Алматы, e-mail: kan_torsan@mail.ru

²Магистр права, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: A_izbasova@mail.ru

³доктор философии (PhD), Джон Джей Колледж уголовной юстиции, США, г. Нью-Йорк, e-mail: S_scheloukhine@mail.ru

Особенности формирования и развития следственных действий, связанных с получением показаний

Статья посвящена вопросам соотношения уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, повлиявших на формирование и развитие следственных действий, связанных с получением показаний. Формирование процессуальных положений допроса и тактики его проведения невозможно без взаимодействия, взаимозависимости и взаимопроникновения уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Практика свидетельствует, что использование результатов, полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности, в доказывании по уголовным делам способствует эффективности допроса.

В статье проанализировано ранее действовавшее и современное уголовно-процессуальное законодательство, на основании чего сформулированы предложения по совершенствованию национального законодательства.

На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что криминалистика нередко лидирует в исследованиях и разработках, которые затем трансформируются в процессуальные нормы и в науку уголовно-процессуального права. История отечественного уголовно-процессуального законодательства и криминалистики ярко высвечивает эту картину. В результате взаимодействия, взаимозависимости и взаимопроникновения уголовного процесса и криминалистики стало возможным процессуальное возникновение таких следственных действий, связанных с получением показаний, как очная ставка, предъявление для опознания, проверка и уточнение показаний на месте, следственный эксперимент, депонирование показаний. Причем данные следственные действия «отпочковались» от допроса. В то же время, несмотря на то, что указанные следственные действия являются самостоятельными, их производство возможно только после допроса. Кроме того, в целях повышения гарантий законности, обеспечения защиты прав и интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, а также эффективности расследования необходимо регламентировать в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан положения, отражающие процедуру получения объяснений.

Научно-методологическую основу составили законы Республики Казахстан УК РК, УПК РК, а также труды известных ученых процессуалистов и криминалистов Казахстана и зарубежных стран.

Ключевые слова: получение показаний, следственные действия, расследование, следователь, уголовное преследование, доказательство, следственный эксперимент, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, очная ставка.

Introduction

Questions of a ratio of criminal proceedings, criminalistics and operational search activity constantly are in sight of scientists and practitioners. The point of view that these sciences have an interrelation, interdependence and interpenetration prevails. In this aspect, there is a possibility of improvement of the legislation and increase in efficiency of the procedure of interrogation.

Law of criminal procedure as independent science closely connected with sciences of criminalistics and operational search activity, especially with the sections devoted to the theory of proofs and procedural carrying out investigative actions. The criminal procedure science defines limits and the conditions of application of criminalistic recommendations in the sphere of criminal proceedings, competence of participants of process of use of criminalistic means and methods.

Criminalistics science, improving policy strokes of carrying out investigative actions, carrying out new scientific developments, has significant effect on law of criminal procedure and the legislation.

In turn the science of operational search activity develops recommendations which in certain situations predetermine the choice of policy strokes for carrying out investigative actions.

Many policy strokes of obtaining proofs, which are given rise by the criminalistic theory on criminal cases, confirmed with long-term investigative and judicial practice and recognized not contradicting the law, led to emergence in the criminal procedure legislation of new legal proceedings with the corresponding regulation and filled the available investigative actions with new contents. Many criminalistic recommendations have been fixed in the existing criminal procedure legislation and became mandatory requirements of the law.

In foreign literature the following scientists were engaged in studying of a ratio of criminal procedure and law-enforcement activity: Ashworth A. (Ashworth 1995: 112); R. Cross and Ph. Jones (R. Cross and Ph. Jones. 1964: 341); Goldman R., Lentovska E., Frankowski S. (Goldman 2008: 210); Puttkammer E. (Puttkammer 1965:189); Barret E. (Barret 1965: 256); Moreland R. (Moreland 1959: 119); Fellman D. (Fellman 1958: 229) and others.

The purpose of this article consists in a research of questions of a ratio of the criminal proceedings, criminalistics and operational search activity, which influenced formation, and development of the investigative actions connected with obtaining evidences. Also by means of carrying

out the analysis of legal literature and the legislation to formulate suggestions for improvement of the national criminal procedure legislation, regulating obtaining evidences in criminal proceedings.

Main part

Procedural provisions of the procedure of interrogation are regulated in clauses 208-217 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan adopted on July 4, 2014 and which took effect on January 1, 2015. Such detailed regulation of interrogation was result of consecutive reforming of the criminal procedure legislation. Policy strokes and recommendations which were developed by criminalistics science for the most effective production of this investigative action, gradually filled and enriched the rules of conducting interrogation regulated in the criminal procedure law. Developing eventually, procedural provisions and tactical and criminalistic methods of interrogation influenced emergence and development of other investigative actions, that have not been regulated earlier and connected with obtaining evidences – face-to-face interrogation, presentation for identification, check and specification of evidences on the place, an investigative experiment, and deposition of evidences.

The Code of Criminal Procedure of RSFSR approved by the resolution of ARCEC (VTsIK) of February 15, 1923 was one of the first criminal procedure laws (The Code of Criminal Procedure of RSFSR and the Criminal code of RSFSR 1923). This Code of Criminal Procedure worked also in the territory of Kazakhstan.

The above-stated law in Chapter 11 (Brining a charge and interrogation of the defendant) in Articles 134-140 and Chapter 13 (interrogation of witnesses and experts) in clauses 162-174 regulated interrogation as investigative action.

Many policy strokes and recommendations developed by criminalistics science found the procedural reflection in this Code of Criminal Procedure of RSFSR.

So, for example, interrogation of the defendant has to be made not later than 24 hours on his appearance or delivery, or obtaining data on his detention (clause 134); the investigator has to take measures to that defendants on the same case could not communicate among themselves (clause 137); witnesses have to be interrogated separately from each other (clause 162), etc.

This law specified in clause 137 states: “in case of need, the investigator suits face-to-face

interrogation between defendants and also between defendants and the witness". However, in spite of the fact that the face-to-face interrogation was recognized as investigative action, in the criminal procedure law the order of its carrying out is not regulated. Such situation was explained by the fact that the face-to-face interrogation was considered as a kind of interrogation.

On July 22, 1959 the Code of Criminal Procedure of the Kazakh SSR was adopted, which is put into operation since January 1, 1960.

The specified law made significant changes and additions to the norms regulating an order of interrogation and other investigative actions connected with obtaining evidences.

Many policy strokes and recommendations developed by criminalistics were regulated in the relevant articles of the Code of Criminal Procedure of the Kazakh SSR. In particular, the clause 149, regulating an order of conducting interrogation of the witness, indicated the ban of statement of leading questions; the clause 163, regulating an order of conducting interrogation of the defendant, a duty of the investigator to begin interrogation of the defendant with clarification of its relation to the brought charge, etc.

In difference from the Code of Criminal Procedure of RSFSR of 1923, the criminal procedure law of the Kazakh SSR regulated the order and the procedure of carrying out face-to-face interrogation.

The regulation of the evidences received during presentation for identification became one more innovation of the Code of Criminal Procedure of the Kazakh SSR. It should be noted that in the specified law presentation for identification was considered not as independent investigative action, and as a kind of interrogation. Clause 154 of the Code of Criminal Procedure of the Kazakh SSR regulated interrogation at identification. Such position of the criminal procedure law caused scientific discussions. In various works on criminalistics procedural and tactical procedures of presentation were developed for identification as independent investigative action (Kocharov 1955: 185; Tsvetkov 1962:190). The master's thesis of Ginzburg A.Ya. in 1965 and his subsequent works was devoted to a research on this problem.

The Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan adopted on December 13, 1997 regulated presentation for identification by independent investigative action in Chapter 28, clauses 228, 229.

Presentation for identification, undoubtedly, is independent investigative action proceeding from the

purposes, psychological essence, tactics of carrying out and a legal regulation. The purpose of carrying out identification consists finally in identification of the shown object. The investigator in this case seek to establish whether the shown object is the same, which identifying person observed earlier in connection with the investigated event. The purpose of interrogation should be considered as obtaining full and objective information from interrogated person about circumstances, characteristics of the identity of the committed, defendant, victim, relationship between them and all other circumstances which are subject to establishment on criminal case. In psychological aspect the essence of identification consists in recognition by identifying person of earlier perceived object. The evidences given at interrogation is the information proceeding from interrogated person and being reproduction known.

It is necessary to add that obtaining information by means of interrogation on the same facts can be numerous. From a position of criminalistic tactics it will be important reception of ensuring completeness of information or exposure in a lie. Obtaining information at interrogation, if necessary, is followed by the policy strokes directed to activization of associative communications by statement of questions, reminders of facts of common knowledge, display of separate documents, objects, etc. Presentation for identification of the same object to one identifying person – is the single act. Information at recognition or not recognition of an object received in the course of presentation for identification on contents is very limited (according to the purpose of this legal proceeding), owing to what there are no such ample tactical opportunities here as at interrogation, and memories in this case will lead various policy strokes of "revival" to prompting of desirable result, that is inadmissible.

Verification of evidences on the place (Article 1301 of the Code of Criminal Procedure) became one more new investigative action, entered into the Code of Criminal Procedure of the Kazakh SSR by the Decree of Presidium of the Supreme Council of Kaz. SSR on August 30, 1965.

It should be noted that this investigative action in practice already took place as interrogation on the crime scene, and it was carried out based on articles regulating interrogation. The tactical recommendations of production of verification evidences on the place were considered on pages of the legal press long ago. In particular, R.S. Belkin, speaking about essence of check and specification of evidences on the place, included in it showing by the defendant or witness of the certain place connected with a crime

event; the story about the actions made on this place and sometimes demonstration of some actions (Belkin 1961: 25).

Procedural regulation in the criminal procedure law of the specified investigative action was practical need as, in fact, interrogation and verification of evidences on the place are the two different investigative actions differing from each other on the purposes, maintenance, policy strokes, though they have much in common. The fact that check and specification of evidences on the place as legal proceeding arose and separated from interrogation does not raise doubts. This conclusion is confirmed by the following circumstances: first, check and specification of evidences found the procedural reflection in the law much later, than interrogation; secondly, a basis in both investigative actions is process of obtaining evidences; thirdly, when carrying out the specified investigative actions similar policy strokes and recommendations are used; fourthly, check and specification of evidences cannot be carried out if it was not preceded by interrogation (so, for example, if the suspect refused evidence, then checks and specification of its evidences are out of the question).

The basis of this investigative action is made by elements of interrogation and survey: evidence in the form of the free story, survey of the place specified by the person and inquiry in the form of statement of questions and making answers. Evidences are given with a binding to a concrete on-scene situation and can be followed by the instruction on certain objects and traces and also demonstration of certain actions. After statement of evidences and demonstration of actions, the person whose testimonies are checked during check and specification of evidences on the place, can be asked questions. In this view check and specification of evidences is as close as possible to interrogation.

At the same time, check and specification of evidences on the place should not be mixed with interrogation on the place. So, adoption by the investigator of the decision on conducting interrogation on the scene, is the policy stroke directed to revival of memory of the interrogated person and by that obtaining full and objective evidences. Besides, interrogation on the place can be made repeatedly or in addition in cases when there is a need for specification or addition of evidences for circumstances of the investigated case, given earlier. Check and specification of evidences on the place, as a rule, is not made repeatedly or in addition.

According to us, investigating questions of interrelation of criminal proceedings and

criminalistics, it should be noted that the procedure of carrying out this investigative action, can be complemented with situation, concerning duty of the witness and the victim to give truthful evidences.

According to Article 257 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan check and specification of evidences on the place is that earlier interrogated person reproduces a situation and circumstances of the studied event on the place; finds and specifies the objects, documents, traces important for business; shows certain actions; shows what role in the studied event was played by these or those objects; pays attention to changes in a situation of the place of an event; concretizes and specifies the former evidences. Check and specification of evidences begin with the offer to interrogated person voluntarily to specify a route and the place where its evidences will be checked. After statement of evidences and demonstration of actions the person whose testimonies are checked can be asked questions. Any other interventions in these actions and leading questions are inadmissible. Besides, also other provisions regulating an order of conducting check and specification of evidences on the place are fixed.

The above-stated investigative action is applied as to suspects and defendants, so to witnesses and victims. Considering stated, in our opinion, it is expedient in Article 257 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan, regulating check and specification of evidences on the place, to enter the norm warning about criminal liability for giving obviously false testimonies of the witness or the victim, whose indications are checked and specified during this investigative action and also explaining the right not to testify against itself, the spouse (spouses) and the close relatives, and priests – against trusted in them on a confession.

The expediency of introduction of the above-stated provision in Article 257 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan is defined by the following. First, check and specification of evidences on the place is independent investigative action, which is the base for process of obtaining evidences. Secondly, establishment of new actual data is one of the purposes of check and specification of evidences on the place, according to Part 1 of Article 257 of the Criminal Procedure Law. Thirdly, results of this investigative action forms protocol, which according to Article 111 of Part 2 and Article 119 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan is a source of proofs.

The argument that the person whose evidences will be checked and specified during the specified

investigative action, have been already warned about criminal liability for giving obviously false testimonies during interrogation before, cannot be taken into account proceeding from the aforesaid.

Besides, it should be noted that interrogation precedes not only to conducting check and specification of evidences on the place, but also face-to-face interrogation, and to presentation for identification. In the analysis of articles, regulating carrying out the specified investigative actions, it is visible that before carrying out face-to-face interrogation and presentation for identification, earlier interrogated persons (if it is the witness or the victim) are warned about criminal liability (Article 218 of Part 3 and Article 230 of Part 4 of the Criminal Code of Kazakhstan), in spite of the fact that they have been warned about criminal liability for giving obviously false testimonies during interrogation. It is caused by the fact that in all specified investigative actions process of obtaining evidences is used, in this regard a warning of criminal liability for giving obviously false testimonies is obligatory at their carrying out.

On the basis of stated, it is offered to enter addition into Article 257 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan – Part 4-1 in the following edition: «If the person, whose evidences are being checked and specified is the witness or the victim, then before investigative action he has to be warned about criminal liability for giving obviously false testimonies and also he is explained the right not to testify against itself, the spouse (spouses) and the close relatives, and priests – against trusted in them on a confession».

Introduction of new investigative actions, changes and additions to the criminal procedure law was necessary, in connection with requirement of practice of investigation of criminal cases.

Thus, gradual development of procedural provisions and criminalistic methods of interrogation, affected the emergence and the subsequent development of other investigative actions connected with obtaining evidences, which have not been regulated before: face-to-face interrogation, presentation for identification, check and specification of evidences on the place, an investigative experiment, deposition of evidences.

Formation of procedural provisions of interrogation and tactics of its carrying out is impossible without interaction, interdependence and interpenetration of criminal proceedings, criminalistics and operational search activity.

Practice demonstrates that use of the results received in the course of operational search activity

in proof on criminal cases promotes the effectiveness of interrogation.

Legal basis of use of the materials received in the course of operational search activity at interrogation is the law of RK «About Operational Search Activity», Criminal procedure and Criminal codes of RK.

According to Article 1 of the Law of RK «About Operational Search Activity» of September 15, 1994, operational search activity represents the evidence-based system of the disclosed and secret operational search, organizational and administrative actions which are carried out according to the legislation of the Republic of Kazakhstan, by specially authorized public authorities within the competence for protection of life, health, the rights, freedoms and legitimate interests of citizens, property, safety of society and the state from criminal encroachments and also from prospecting subversive activities of special services of the foreign states and international organizations.

According to Part 2 of Article 14 of the specified law, the materials received as a result of conducting investigation and search operations before their turning in the form provided by the criminal procedure legislation or in the absence of an opportunity to enter them into criminal proceedings, do not attract any legal consequences and are not the basis for restriction of the rights, freedoms and legitimate interests of natural and legal entities.

According to the Law of RK «About Operational Search Activity», the materials received in the course of operational search activity can be used for preparation and implementation of investigative actions and conducting investigation and search operations according to prevention, suppression and disclosure of criminal offenses and also as proofs on criminal cases.

Thus, use of results of operational search activity is applied as by preparation, and directly during interrogation.

During preparation for interrogation the information obtained as a result of carrying out operational search activity is used by the investigator for interrogation scheduling. So, the investigator, knowing about a way of commission of crime; the tricks used for its concealment; the line of conduct chosen by interrogated person; his communications; the list of participants of criminal group and many other things, become known in result of OSA, will make that plan of interrogation and to carry out the choice of those policy strokes which are necessary for successful conducting interrogation.

Besides, information obtained as a result of conducting investigation and search operations helps to make to the investigator the proceeding decision on criminal case. For example, the investigator, owning the specified data, for the purpose of obtaining more effective results, makes the decision on the place and time of interrogation, its participants, use of technical means, etc.

Use of the data received in the course of operational search activity at interrogation also is expedient and necessary. During interrogation, the investigator, possessing the above-stated information, can create at interrogated belief that he knows of the mechanism of the committed crime, its participants and other facts of the case; about presence at the investigation of sufficient proofs of fault interrogated, etc.

When conducting interrogation the materials received during investigation and search operations can be used also as material evidences and documents. What the investigator during conducting interrogation, can show to interrogated person, can be for example: pictures, sound and video, schemes, drawings, images and also other objects or documents received as a result of carrying out operational search activity.

If data were received from the person, rendering assistance on a confidential basis, then investigator has to take measures for nondisclosure of this source of information. For conspiracy, during interrogation it is unacceptable direct operating by the data obtained from the above-stated source. In such cases it is obviously possible to cipher origin of information obtained from the person, carrying out assistance to law enforcement agencies on a confidential basis. For example, if a group of persons is connected to the case, then it is possible, using the data received in the operational way, to vary policy strokes so that interrogated person had an impression that information interesting the investigation was obtained from any of accomplices of crime.

Thus, use of the materials received in the course of operational search activity promotes both the effectiveness of interrogation, and investigation in general.

Obtaining the data necessary for disclosure and investigation of crimes is carried out not only by means of interrogation, but also during such operational search action as examination.

Questions of a ratio of interrogation, examination and receiving an explanation are of scientific interest and systematically rise in legal literature.

According to Patashkov S.V., Chokin Zh.M. and Kaymuldinov E.E., the community of interrogation and examination consists in the following:

First, both examination, and interrogation follow from the requirement of the law.

Secondly, examination and interrogation carry out specially on that authorized bodies of inquiry, investigation and others to which fight against crime is assigned.

Thirdly, unity of tasks: and as a result of holding examination and interrogation the important information on the facts, circumstances and faces important for crime prevention and search of criminals is obtained (Patashkov 2002: 259).

Between interrogation and examination there is also a number of essential distinctions of procedural, tactical and organizational character.

1. Examination as an operational search event can be held both before initiation of legal proceedings, and after its initiation and also regardless of crime fact.

Interrogation is conducted only after initiation of legal proceedings, and only on the circumstances important for criminal case.

2. Any citizens, authentically or presumably having data representing value for performance of the tasks assigned to the bodies, which are carrying out operational search activity, are subject to examination. The concrete rights of the interviewed persons remain independent that creates certain difficulties, and in order to avoid errors, the conflicts, violations of legality it is necessary to act on the basis of the approved organizational and tactical provisions.

Only those persons who have the procedural status provided by the criminal procedure law (the victim, the witness, the suspect, the defendant, the expert) are subject to interrogation. The rights of specified persons are accurately regulated by the criminal procedure law.

3. Survey can be conducted publicly or secretly (secretly from others). In both cases true purposes of a conversation with interviewed person can be hidden from him, that is the policy stroke of the «ciphered» examination is applied.

Interrogation is an element of criminal proceedings, which is carried out on the basis of competitiveness and publicity therefore results of interrogation finally cannot be secret.

4. Examination can be carried out orally, without official fixing of results, or can be recorded in writing (an explanation, the official report, the reference).

Interrogation has the specific procedure of fixing of results according to the Code of Criminal Procedure (Ginzburg 2005: 40).

In the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan and other regulations there is no definition of examination. Besides, they do not regulate an order of holding examination and receiving an explanation, its form and content.

If to consider an order and structure of interrogation, then it is visible that it is in details regulated in the criminal procedure law. So, before interrogation biographical and other data of interrogated person are established, his attitude towards participants of process, his rights and duties are explained, concerning the victim and the witness -warning of criminal liability for refusal and evasion from evidence and also for giving obviously false testimonies is made. Also, the criminal procedure law orders to interrogate the person separately from other persons which are subject to interrogation, the ban on leading questions is established, the possibility of fixing of interrogation by scientific and technical means, etc. is provided.

If to consider an order and structure of an explanation, then there are no provisions about it in the criminal procedure law and other regulations.

Conclusion

Thus, on the basis of the above, it is possible to conclude the following conclusions.

1. The criminalistics quite often is in the lead in research and development, which then are transformed to the legal procedure and to science of law of criminal procedure. The history of the domestic criminal procedure legislation and criminalistics brightly highlights this picture. As a result of interaction, interdependence and interpenetration of criminal proceedings and criminalistics procedural emergence of such investigative actions

connected with obtaining evidences as face-to-face interrogation, presentation for identification, check and specification of evidences on the place, an investigative experiment, deposition of evidences became possible. And these investigative actions “gemmed” from interrogation. In too time in spite of the fact that the specified investigative actions are independent, their production is possible only after interrogation.

2. It is expedient to complete procedural regulation of check and specification of evidences on the place with the provision connected with a duty of the witness and victim to give truthful evidences. It is proved by the fact that the specified investigative action is applied as to suspects and defendants, and witnesses, the victims. The witness and the victim, unlike the suspect and the defendant, are obliged to give truthful evidences, irrespective of investigative action in which they participated and gave evidences (interrogation, face-to-face interrogation, presentation for identification, check and specification of evidences on the place).

In this regard it is offered to enter addition into Article 257 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan – Part 4-1 and to state in the following edition: “If the person, whose evidences are being checked and specified is the witness or the victim, then before investigative action he has to be warned about criminal liability for giving obviously false testimonies and also he is explained the right not to testify against itself, the spouse (spouses) and the close relatives, and priests – against trusted in them on a confession”.

3. For increase in guarantees of legality, ensuring protection of the rights and the interests of the persons who are involved in criminal proceedings and also the effectiveness of investigation it is necessary to regulate the provisions reflecting the procedure of receiving explanations in the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan.

References

- Ashworth A. (1995) Sentencing and Criminal Justice. – 2d ed. London, Dublin, Edinburgh.
- Belkin R.S. (1961) Check and specification of evidences on the place. Lecture – M.. – 25 p.
- Barret E. Criminal Justice: Problem of Mass Production. “The Courts, the public and the Law Explosion”. – Ed. by Jones H.W. Englewood Cliffs. – N.J., 1965. // <http://library.ncwc.edu/www/alibs.htm>
- Cross R. and Jones Ph. An Introduction to Criminal Law. 5 th ed, London, 1964 // <http://library.ncwc.edu/www/alibs.htm> P. 341
- Code of Criminal Procedure of RSFSR and criminal code of RSFSR of 1923. – Moscow: law publishing house of NK YuSSSR, 1943. – 124 p.
- Fellman D. The Defendant’s Rights. – N.Y., 1958. // <http://www.umt.edu/InformationAbout/Libraries>
- Ginzburg A.Ya., Kogamov M.Ch. (2005) Fundamentals of tactics of examination of citizens in operational search and criminal procedure activities for the legislation of the Republic of Kazakhstan: Studies. – training and practical book, Astana. – 40 p.

- Goldman R., Lentovska E., Frankowski S. (2008) U.S. Supreme Court: Rights and freedoms of citizens / Translation from Polish: "VADEMECUM". OSCE: BEGA publishing house. – Poland. – 210 p.
- Kocharov G.I. (1955) Identification on preliminary investigation". – M, 1955 – 185 p.
- Moreland R. Modern Criminal Procedure. – Indianapolis, 1959. //http://www.criminology.fsu.edu/p/cjl-main.php
- Patashkov S.V., Chokin Zh.M. and Kaymuldinov E.E. (2002) Bases of operational search activity: Studies. the settlement is Almaty, "The young printer". – 259 p.
- Puttkammer E. (1965) Administration of Criminal Law. – Chicago.
- Tsvetkov P.P. "Presentation for identification in the Soviet criminal proceedings". – L., 1962. – 190 p.

5-бөлім
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ

Section 5
INTERNATIONAL LAW

Раздел 5
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мамедов Р.Ф.

д.ю.н., профессор Бакинского государственного университета,
Азербайжан, г. Баку, e-mail: rustam-56@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И
ЗНАЧЕНИЕ КОНВЕНЦИИ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ
КАСПИЙСКОГО МОРЯ ОТ 12 АВГУСТА 2018 ГОДА**

Статья посвящена анализу положений новой Конвенции по правовому статусу Каспийского моря 2018 года. Здесь показаны все новые новеллы, которые являются плодом более 20 лет переговоров представителей президентов прикаспийских государств. В статье указаны все положительные стороны конвенции, а также ее недостатки. Автором, в целом, положительно оценены усилия прикаспийских государств по поводу согласования «конституции» Каспия, указано, что принятие ее окажет положительное влияние на жизнь государств, расположенных в районе Каспия.

В данной конвенции прикаспийские государства в 24 статьях разработали новую хартию для Каспия и договорились о широком спектре взаимоотношений относительно положения на Каспийском море, в данном случае касающихся делимитации, правового положения данного водного объекта, судоходства, охраны окружающей среды, проблем обеспечения безопасности всего моря, региона. Далее Конвенция не допускает присутствия на Каспии вооруженных сил других государств. В части рыболовства стороны определяют общий допустимый улов и распределяют его на национальные квоты.

В статье отмечается, что справедливый «раздел» Каспийского моря на основе международных правовых норм Азербайджанская Республика предлагала на протяжении многих лет. Однако различные искусственные препятствия мешали достижению окончательной договоренности по статусу на морях и поэтому главным преимуществом Конвенции по правовому статусу Каспийского моря можно назвать сам факт ее принятия, что чрезвычайно важно, поскольку от этого, безусловно, выиграли все стороны

Ключевые слова: преамбула Конвенции, правовой статус Каспийского моря, суверенные права, рациональное использование ресурсов Каспия, делимитация, правовое положение данного водного объекта, судоходство, охрана окружающей среды, проблемы обеспечения безопасности Каспийского моря.

Mamedov R.F.

doctor of jurisprudence sciences, Professor Baku State University,
Azerbaijan, Baku, e-mail: rustam-56@mail.ru

**International legal content and significance of the Convention
on the legal status of the Caspian sea of August 12, 2018**

The article analyzes the provisions of the new Convention on the legal status of the Caspian sea in 2018. It shows all the new novels, which are the fruit of more than 20 years of negotiations between representatives of the presidents of the Caspian States.

The article identifies all the positive aspects of the Convention, as well as its shortcomings. The author, in general, positively assessed the efforts of the Caspian States on the harmonization of the «Constitution» of the Caspian sea, indicated that its adoption will have a positive impact in the life of the States surrounding the Caspian sea.

In this Convention, the Caspian States in 24 articles developed a new Charter for the Caspian sea and agreed on a wide range of relations regarding the situation in the Caspian sea, in this case concerning the delimitation of the legal status of the water body, shipping, environmental protection, problems of safety of the whole sea, the region. Further, the Convention does not allow the presence of armed forces of other States in the Caspian sea. In terms of fisheries, the parties will determine the total allowable catch and allocate it to national quotas.

The article notes that the Republic of Azerbaijan has been offering a fair «division» of the Caspian sea on the basis of international legal norms for many years.

However, various artificial obstacles prevented the achievement of a final agreement on the status of the seas, and therefore the main advantage of the Convention on the legal status of the Caspian sea can be called the fact of its adoption, which is extremely important, because of this, of course, benefited all parties.

Key words: preamble to the Convention, legal status of the Caspian sea, sovereign rights, sustainable use of Caspian resources, delimitation, legal status of the water body, shipping, environmental protection, problems of ensuring the security of the Caspian sea.

Мамедов Р.Ф.

заң ғылымдарының докторы, Баку мемлекеттік университеті профессоры,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: rustam-56@mail.ru

2018 жылғы 12 тамыздағы Каспий теңізінің құқықтық мәртебесі туралы Конвенцияның халықаралық-құқықтық мазмұны мен маңызы

Мақала 2018 жылғы Каспий теңізінің құқықтық мәртебесі жөніндегі жаңа Конвенцияның ережелерін талдауға арналған. Бұл жерде Каспий жағалау мемлекеттері президенттерінің 20 жылдан астам келіссөздерінің жемісі болып табылатын барлық жаңа жаңалықтар көрсетілген. Мақалада конвенцияның барлық оң жақтары, сондай-ақ оның кемшіліктері көрсетілген. Автор, тұтастай алғанда, Каспий жағалау мемлекеттерінің Каспий «конституциясын» келісу жөніндегі күш-жігеріне оң баға берді, оны қабылдау Каспий төңірегіндегі мемлекеттердің өмірінде оң маңызға ие болатынын көрсетті. Осы Конвенцияда Каспий жағалау мемлекеттері 24 бапта Каспийге арналған жаңа Хартия жасап, Каспий теңізіндегі жағдайға қатысты, яғни, осы су объектісінің құқықтық жағдайына, кеме қатынасына, қоршаған ортаны қорғауға, бүкіл теңіздің, өңірдің қауіпсіздігін қамтамасыз ету проблемаларына қатысты өзара қарым-қатынастардың кең ауқымы туралы уағдаласты. Бұдан әрі Конвенция басқа мемлекеттердің қарулы күштерінің Каспийге қатысуына жол бермейді. Балық аулау бөлігінде тараптар жалпы рұқсат етілген аулауды анықтайды және оны ұлттық квоталарға бөледі.

Мақалада халықаралық құқықтық нормалар негізінде Каспий теңізінің әділ «бөлу»– Әзірбайжан Республикасы көптеген жылдар бойы ұсынғаны атап өтілді.

Алайда, түрлі жасанды кедергілер теңіз мәртебесі бойынша түпкілікті уағдаластыққа қол жеткізуге кедергі жасады және сондықтан Каспий теңізінің құқықтық мәртебесі жөніндегі Конвенцияның басты артықшылығы оны қабылдау фактісінің өзі деп атауға болады, бұл өте маңызды, өйткені осыдан, әрине, барлық тараптар жеңді.

Түйін сөздер: Конвенция преамбуласы, Каспий теңізінің құқықтық мәртебесі, егеменді құқықтар, Каспий ресурстарын ұтымды пайдалану, делимитация, осы су объектісінің құқықтық жағдайы, кеме қатынасы, қоршаған ортаны қорғау, Каспий теңізінің қауіпсіздігін қамтамасыз ету проблемалары.

Введение

После долгих лет переговоров (22 года), геополитических баталий и противостояний государства приграничной зоны Каспийского моря 12 августа 2018 года удалось полностью согласовать все положения относительно нового правового статуса Каспийского моря. Ключевым событием дня стало подписание странами Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (Анастасия 2018). Также лидеры перечисленных государств утвердили протокол о сотрудничестве по борьбе с организованной преступностью на Каспийском море и соглашения по торгово-экономическому и транспортному сотрудничеству (<http://www.kurier.lt/na-sammite-v-aktau-podpisana-konvenciya-o-pravovom-statuse-kaspijskogo-morya/>).

«Конвенция – своего рода конституция Каспийского моря. Заключив Конвенцию, мы создаем базу для сотрудничества. Особое внимание уделено обеспечению безопасности», – сказал Н. Назарбаев. «Без каждого из вас нам не удалось бы достичь сегодняшних успехов» (<http://www.kp.kz/10991-ozvucheny-itogi-kaspiyskogo-sammitya>).

Принятая Конвенция состоит из преамбулы и 24 статей (<http://kremlin.ru/supplement/5328>).

В преамбуле конвенции о правовом статусе Каспийского моря указывается, что участники конвенции – государства, расположенные на побережье Каспийского моря, – далее именуемые Сторонами, Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Российская Федерация и Туркменистан, основываясь на принципах и нормах Устава Организации Объединенных Наций и междуна-

родного права, руководствуясь желанием углублять и расширять добрососедские отношения между Сторонами, исходя из того, что Каспийское море имеет для Сторон жизненно важное значение и только они обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов, подчеркивая, учитывая климат сотрудничества, добрососедства и взаимопонимания между Сторонами, что решение вопросов, касающихся Каспийского моря, относится к исключительной компетенции Сторон, признавая политическое, экономическое, социальное и культурное значение Каспийского моря. А также сознавая свою ответственность перед нынешним и будущими поколениями за сохранение Каспийского моря, устойчивое развитие региона, убежденные в том, что настоящая Конвенция будет способствовать развитию и укреплению сотрудничества между Сторонами, содействовать использованию Каспийского моря в мирных целях, рациональному использованию его ресурсов. А также изучению, защите и сохранению его природной среды, стремясь создать благоприятные условия для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества на Каспийском море. Учитывая произошедшие в регионе Каспийского моря изменения и процессы на геополитическом и национальном уровнях, имеющиеся договоренности между Сторонами, возникла необходимость совершенствования правового режима Каспийского моря.

В данной конвенции государства, подписавшие соглашение в **24 статьях**, разработали новую хартию для Каспия и договорились о широком спектре взаимоотношений относительно положения на Каспийском море, в данном случае касающихся делимитации, правового положения данного водного объекта, судоходства, охраны окружающей среды, проблем обеспечения безопасности всего моря, региона.

Так, в конвенции обозначаются термины, которые использованы при составлении конвенции. Например, к ним относятся в данном случае такие термины как «Каспийское море», «исходная линия», «нормальная исходная линия», «прямые исходные линии», методика установления прямых исходных линий, «внутренние воды», «территориальные воды», «рыболовная зона», «общее водное пространство», «сектор», «водные биологические ресурсы», «совместные водные биологические ресурсы», «промысел», «военный корабль», «экологическая система Каспийского моря» и «загрязнение». В городе Актау Республики Казахстан главы государств

Азербайджана, России, Казахстана, Ирана и Туркменистана договорились о правовом статусе Каспия – после 22 лет переговоров (Багирова 2018).

Основная часть

«Конвенция является своего рода конституцией Каспийского моря, она призвана урегулировать весь комплекс вопросов, связанных с правами и обязательствами прибрежных стран, а также стать гарантом безопасности стабильности и процветания региона в целом», – указал Н. Назарбаев (<http://www.kurier.lt/na-sammite-v-aktau-podpisana-konvenciya-o-pravovom-statuse-kaspijskogo-morya/>).

Президенты собрались не для того, чтобы делить море. А договориться работать так, чтобы все государства работали взаимосвязанно не во вред государствам и экологии. И договорились – все-таки на одном языке говорят. Море общее, разделят только дно. «Определение правового статуса Каспия будет способствовать разделению дна и поверхности в соответствии с нормами международного права», – сказал президент Азербайджана Ильхам Алиев (<https://www.theguardian.com/world/2018/aug/12/landmark-caspian-sea-deal-signed-among-five-coastal-nations>).

240 миллионов человек живут в прикаспийских странах. И главное – никаких военных от других стран. И их тревожить не будут. Военные базы – под запретом. Решение бессрочное.

«Урегулирование правового статуса Каспия создает условия для вывода сотрудничества между странами на качественно новый партнерский уровень, для развития тесной кооперации по самым разным направлениям. Россия нацелена на совместную, энергичную работу по реализации шести профильных соглашений со всеми каспийскими государствами», – отметил президент РФ В. Путин (<https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6800677/aktau-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>).

По оценкам экспертов, Каспий – это 19% мировых запасов нефти, 45% мировых запасов газа. А еще 90% запасов осетровых, а значит, ценного экспортного товара – икры. Все вместе – астрономическая сумма в любой валюте (<https://mir24.tv/news/16317654/porovnu-ne-znachit-spravedlivo-kak-delyat-bogateishee-kaspiiskoe-more>).

После долгих споров, в мае 2003 года Россия, Азербайджан и Казахстан все-таки поделили северные акватории Каспия по принципу медиа-

ны. Казахстану досталось 27%, России – 19%, Азербайджану – 18% (https://bnews.kz/en/news/convention_on_legal_status_of_caspian_sea_to_be_signed_at_summit_in_aktau).

Разделить же южную часть моря не удавалось. Жесткую позицию занимал Иран. Он требовал поделить Каспий между прикаспийскими государствами по-братски: 20% каждому (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3450294><http://newsland.com/community/5652/content/glavny-stran-prikaspiiskoi-piaterki-pribyvaiut-v-aktai/6440255>).

Но если посмотреть на карту, становится понятно, что поровну не значит справедливо. Например, длина береговой линии Ирана в разы короче казахстанской (Казахстан – около 2320 километров, Иран – около 724 километров). Вот и получается, что Тегеран покушался на нефтегазовые запасы соседей. Казахстан и Россия предлагали дно разделить на национальные секторы, а акваторию моря оставить в общем пользовании, закрепив за странами лишь прибрежные зоны. Промысел рыбы в нейтральных водах регулировать равными квотами.

Принципиальная позиция Туркменистана – оспорить право Азербайджана на несколько нефтегазовых месторождений, в том числе Сердар, которое азербайджанцы называют Кяпаз. Его запасы эксперты оценивают в 150 миллионов тонн нефти (Багирова 2018).

Согласно принятой Конвенции, основная площадь водной поверхности Каспия остается в общем пользовании, а дно и недра делятся на участки по договоренности между странами и на основе международного права (<https://www.weforum.org/agenda/2018/09/what-a-new-caspian-sea-deal-means-for-military-balance-in-the-region/>).

Каждая страна должна будет установить свои территориальные воды не шире 15 морских миль от исходных линий. Конвенция также определяет правила судоходства, научных исследований и прокладки магистральных трубопроводов. Важное значение данный фактор приобретает в свете планов по прокладке Транскаспийского газопровода, который, предусматривая транспортировку природного газа из Туркменистана и Казахстана через Азербайджан в Турцию и Грузию и далее в страны Евросоюза, считается частью расширения гигантского проекта Южного газового коридора.

Конвенция не допускает присутствия на Каспии вооруженных сил других государств. В части рыболовства стороны определяют общий

допустимый улов и распределяют его на национальные квоты. А также, что еще дает прикаспийским государствам документ, на разработку, обсуждение и принятие которого понадобилось более двух десятков лет?

Во-первых, и это самое главное, положив конец многолетнему международному спору и став правовой базой для обсуждений и урегулирования всего комплекса вопросов, касающихся деятельности на Каспии, данная конвенция придаст мощный импульс дальнейшему развитию политического и экономического сотрудничества между прибрежными странами. Во-вторых, что не менее важно, Конвенция послужит укреплению стабильности и безопасности в Каспийском регионе.

Принятие такого документа призвано упростить разработку энергетических ресурсов в регионе, укрепить Каспийское море в статусе важной транспортной артерии, улучшить экологическую ситуацию на Каспии.

Во всем этом, характеризуя значение саммита и подписание Конвенции по правовому статусу Каспия, однозначно сошлись во мнении главы всех прибрежных государств (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3450294>). Кстати, касательно того, море Каспий или озеро, стороны пришли к выводу: ни то, ни другое (Аманжолова 2018).

А также даны решения по вопросу установления суверенитета на Каспии. Статьи конвенции гласят, что «в соответствии с настоящей Конвенцией Стороны реализуют суверенитет, суверенные и исключительные права, а также осуществляют юрисдикцию в Каспийском море». Кроме того, «определяются и регулируются права и обязательства Сторон в отношении использования Каспийского моря, включая его воды, дно, недра, природные ресурсы и воздушное пространство над морем» (Боклан 2013: 21-26).

В соответствии, кроме перечисленного, определяются принципы деятельности прибрежных государств на Каспийском море. Прикаспийские государства договорились осуществлять свою деятельность на основе следующих международно-правовых принципов (Иванов 2018):

– Принципы уважения суверенитета, территориальной целостности, независимости, суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга;

– Принципы использования Каспийского моря в мирных целях, превращения его в зону мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества, решения всех вопросов, связанных с Каспийским морем, мирными средствами;

– Принцип обеспечения безопасности и стабильности в Каспийском регионе;

– Принципы обеспечения стабильного баланса вооружений Сторон на Каспийском море, осуществления военного строительства в пределах разумной достаточности с учетом интересов всех Сторон, ненанесения ущерба безопасности друг друга;

– Принципы соблюдения согласованных мер доверия в сфере военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности в соответствии с общими усилиями по упрочению региональной безопасности и стабильности, в том числе в соответствии с заключенными между всеми Сторонами международными договорами;

– Принцип неприсутствия на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих Сторонам;

– Принципы непредоставления какой-либо Стороной своей территории другим государствам для совершения агрессии и других военных действий против любой из Сторон.

Свободы мореплавания за внешними пределами территориальных вод каждой Стороны при соблюдении суверенных и исключительных прав прибрежных государств и установленных ими в этой связи правил в отношении определенных Сторонами видов деятельности, обеспечения безопасности мореплавания. Конвенция затрагивает права на свободный доступ из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и обратно на основе общепризнанных принципов и норм международного права и договоренностей соответствующих Сторон с учетом законных интересов Стороны транзита в целях расширения международной торговли и экономического развития. Методы осуществления плавания в Каспийском море, прохода в/из него исключительно судами под флагом каждой из Сторон. Согласно положениям применения согласованных норм и правил по воспроизводству и регулированию использования совместных водных биологических ресурсов, а также ответственности Стороны, допускающей загрязнение, за ущерб, причиненный экологической системе Каспийского моря. Это – охрана природной среды Каспийского моря, сохранение, восстановление и рациональное использование

его биологических ресурсов. Для научного обоснования содействия проведению научных исследований в области экологии, сохранения и использования биологических ресурсов Каспийского моря. Кроме перечисленных положений рассмотрено решение вопросов свободы полетов гражданских воздушных судов в соответствии с правилами Международной организации гражданской авиации. Проведение морских научных исследований за пределами территориальных вод каждой Стороны в соответствии с согласованными Сторонами правовыми нормами при соблюдении суверенных и исключительных прав прибрежных государств, а также установленных ими в этой связи правил в отношении определенных видов исследований.

В свою очередь, Конвенция регламентирует деятельность государств в Каспийском море в целях судоходства, промысла, использования и охраны водных биологических ресурсов, разведки и разработки ресурсов его дна и недр, а также иные виды деятельности в соответствии с настоящей Конвенцией, совместимыми с ней отдельными соглашениями Сторон и их национальным законодательством (Боклан 2013: 21-23).

Согласно конвенции акватория Каспийского моря разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство. При этом отмечается, что суверенитет каждой Стороны распространяется за пределы ее сухопутной территории и внутренних вод на примыкающий морской пояс, называемый территориальными водами, равно как на его дно и недра, а также на воздушное пространство над ним. В соответствии нормам международного права устанавливаются для каждой стороны территориальные воды, не превышающие по ширине 15 морских миль, отмеряемых от исходных линий, определенных в соответствии с настоящей Конвенцией. Отмечается, что внешней границей территориальных вод является линия, каждая точка которой находится от ближайшей точки исходной линии на расстоянии, равном ширине территориальных вод.

В подписанной Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, проект которой был согласован в ходе подготовительной встречи министров иностранных дел в декабре 2017 года в Москве, подписавшие сторон договорились, что водная поверхность будет юридически рассматриваться как море, сохраняя ее открытой для совместного использования, в то время как морское дно будет считаться озером и доступ к нему осуществляется в соответствии с между-

народно-правовой базой. При этом регионы на расстоянии до 15 морских миль от берега будут считаться землей каждой последующей страны, в то время как в качестве промысловой зоны будет определено 25 миль путем прибавления 10 морских миль к этому расстоянию. Другие части будут нейтральными зонами для общего пользования.

Это, по мнению Александры Брзозовского, однако, также означает, что точное разграничение богатого нефтью и газом дна Каспийского моря потребует дополнительных соглашений между прибрежными странами, хотя предыдущий проект декларации, кратко опубликованный на сайте российского правительства в июне, предполагал более четкий результат (Brzozowski 2018).

Для целей определения внешней границы территориальных вод наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения, которые являются составной частью системы порта, рассматриваются как часть берега. Прибрежные установки и искусственные острова не считаются постоянными портовыми сооружениями (Акватория Каспия разграничена на внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство – конвенция). Внешняя граница территориальных вод является государственной границей. Конвенция раскрывает понятие разграничения внутренних и территориальных вод между государствами со смежными побережьями осуществляется по договоренности между ними с учетом принципов и норм международного права.

Участники договорились о том, что разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы осуществляется по договоренности сопредельных и противоположащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр (Акватория Каспия разграничена на внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство – конвенция). Далее решили, что прибрежное государство имеет исключительное право сооружать, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование искусственных островов, установок и сооружений в пределах своего сектора. Прибрежное государство может устанавливать вокруг искусственных островов, установок и сооружений, где это будет признано необхо-

димым, зоны в целях обеспечения безопасности как судоходства, так и искусственных островов, установок и сооружений. Ширина зон безопасности не будет простираться более чем на 50 метров, отмеряемых от каждой точки внешнего края таких искусственных островов, установок и сооружений. Географические координаты таких сооружений и контуры зон безопасности должны быть сообщены всем Сторонам (Дно и недра Каспия предполагается разграничить на сектора – проект конвенции). Государствам было наставлено, что все суда должны уважать эти зоны безопасности. Причем указывалось, что осуществление суверенных прав прибрежного государства не должно приводить к ущемлению прав и свобод других Сторон, предусмотренных в настоящей Конвенции, или приводить к неоправданным помехам их осуществлению.

Истинной новеллой стало принятие Конвенции, в соответствии с которой каждая Страна устанавливает рыболовную зону шириной 10 морских миль, прилегающую к территориальным водам. Разграничение рыболовных зон между государствами со смежными побережьями осуществляется по договоренности между ними с учетом принципов и норм международного права (Дубнов 2018).

Согласно Конвенции в своей рыболовной зоне каждая Страна обладает исключительным правом на осуществление промысла водных биологических ресурсов в соответствии с настоящей Конвенцией, принятыми на ее основе отдельными соглашениями Сторон и со своим национальным законодательством. Стороны договорились на основе настоящей Конвенции и международных механизмов совместно определять общий допустимый улов совместных водных биологических ресурсов в Каспийском море и распределять его на национальные квоты.

Как отмечается в Конвенции по правовому статусу Каспия, если одна из Сторон не имеет возможности освоить свою квоту в общем допустимом улове, она путем заключения двусторонних соглашений и других договоренностей в соответствии с национальным законодательством может предоставить другим Сторонам доступ к остаткам своей квоты в общем допустимом улове (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12 августа 2018 года). При этом порядок и условия промысла совместных водных биологических ресурсов в Каспийском море определяются в соответствии с отдельным соглашением между всеми Сторонами.

Конвенция рассматривает вопросы, посвященные свободе мореплавания за пределами территориальных вод Каспия. Здесь, в частности, указывается, что суда под флагами Сторон пользуются свободой мореплавания за внешними пределами территориальных вод Сторон (Доминик 2018). Свобода мореплавания осуществляется в соответствии с положениями настоящей Конвенции и совместимыми с ней отдельными соглашениями Сторон без ущерба для суверенных и исключительных прав Сторон, определенных в настоящей Конвенции.

По смыслу этой статьи отмечается, что каждая Сторона предоставляет судам под флагами других Сторон, осуществляющих перевозку грузов, пассажиров и багажа, буксировку, а также спасательные операции, такое же обращение, какое она предоставляет таким национальным судам в отношении свободного доступа в свои порты на Каспийском море, их использования для погрузки и выгрузки грузов, посадки и высадки пассажиров, уплаты корабельных и других портовых сборов и использования услуг, предназначенных для судоходства и осуществления обычных коммерческих операций. Режим, указанный в конвенции, распространяется на порты на Каспийском море, открытые для судов под флагами Сторон (Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12 августа 2018 года).

В этой связи здесь нужно отметить, что примечательна роль Азербайджана в свете отраженных в Конвенции факторов, в частности, как ключевого игрока в транзитно-логистической составляющей деятельности на Каспии. Об этом говорил на Актауском саммите и Президент Ильхам Алиев: «Азербайджан активно инвестирует в транспортную инфраструктуру, и проекты, которые мы реализовали, позволяют нам сегодня рассматривать Каспий как важную транспортную артерию. Коридор Восток – Запад, в рамках которого Азербайджан представляет свои транзитные услуги Казахстану и Туркменистану, коридор Север – Юг, по которому осуществляется транзит через Азербайджан между Ираном и Россией – это проекты, которые укрепляют экономическое сотрудничество, создают новые рабочие места, еще ближе делают наши страны друг к другу и способствуют укреплению стабильности и безопасности» (Доминик 2018).

Конвенция «определяет порядок на основе права свободного доступа к морям, кроме Каспийского моря, Мировому океану и от них. В этих целях стороны пользуются свободой транзита всеми транспортными средствами по тер-

риториям сторон транзита» (Мустафаев 2019). Порядок и условия осуществления такого доступа согласовываются между заинтересованными сторонами и сторонами транзита посредством двусторонних соглашений, а в случае отсутствия таких соглашений – на основании законодательства стороны транзита. Стороны транзита вправе принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы для осуществления своего полного суверенитета над своей территорией ни в коем случае не наносили ущерба законным интересам региона транзита прав и возможностей, предусмотренных настоящим пунктом для сторон.

«В нем впервые на высоком уровне были концептуально согласованы зоны суверенитета и рыболовства. Согласованы и основные принципы сотрудничества – уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности государств, превращение Каспия в зону мира, добрососедства и дружбы. Эти принципы нашли отражение и в Конвенции о правовом статусе моря. По мнению президента И.Алиева, определение правового статуса Каспийского моря будет способствовать завершению разделения между сторонами его дна и поверхности в соответствии с принципами и нормами международного права» (<https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6800677/aktau-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>).

В целях обеспечения интересов прибрежных государств в сфере **безопасности** президенты подтвердили необходимость разработки и принятия согласованных мер доверия на Каспии в области военной деятельности на море. Для реализации Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 года президенты отметили необходимость завершить согласование протокола о сотрудничестве в области борьбы с незаконным промыслом биологических ресурсов, призванного содействовать сохранению рыбных запасов Каспия и противодействовать браконьерству, а также протокола о сотрудничестве в области обеспечения безопасности мореплавания. Также дано поручение доработать протокол о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (<http://casp-geo.ru/glavnye-itogi-pyatogo-kaspijskogo-sammita/>).

Порядок осуществления пропуска является интересным в Конвенции (статья 11). Таким образом, суда, находящиеся под флагами Сторон, могут проходить через территориальные воды в

целях: пересечения этих вод без захода во внутренние воды или не стоящего на рейде или сооружении порта за пределами внутренних вод; или пересечения внутренних вод или выхода из него или нахождения на таком рейде или в таком портовом сооружении.

В Конвенции порядок и условия прохождения военных кораблей, подводных лодок и других подводных транспортных средств через территориальные воды определяются на основе соглашений между государством и прибрежным государством, а при отсутствии таких соглашений – на основе законодательства прибрежного государства.

Президент РФ В. Путин в своем выступлении отметил стратегический характер конвенции, подписанной в Актау главами пяти прикаспийских государств. «Принципиально важно, что Конвенция закрепляет за пятью государствами исключительные и суверенные права на Каспийское море, на ответственное освоение и использование его недр и других ресурсов, надежно гарантирует решение всех актуальных вопросов на повестке дня на принципах консенсуса и взаимного учета интересов», – сказал В. Путин по итогам саммита Каспийских государств в Актау (Андреева 2018).

В. Путин добавил, что Конвенция «обеспечивает по-настоящему мирный статус Каспийского моря, неприсутствие на Каспии вооруженных сил нерегиональных государств»: «Мы много лет двигались к тому, чтобы разработать и принять этот стратегический основополагающий документ» (<http://www.kurier.lt/na-sammite-v-aktau-podpisana-konvenciya-o-pravovom-statuse-kaspijskogo-morya/>).

В случае, если заход военного судна в территориальные воды необходим для оказания помощи лицам, терпящим или потерпевшим бедствие вследствие непреодолимой силы или бедствия, морским и воздушным судам, при подходе к территориальным водам командир военного корабля подает соответствующее уведомление прибрежному государству, а вход осуществляется по маршруту, определяемому командиром судна по согласованию с прибрежным государством. После прекращения действия указанных обстоятельств военное судно немедленно уйдет из соответствующей территориальной воды. Порядок и условия захода во внутренние воды военных кораблей для оказания помощи лицам, терпящим или потерпевшим бедствие вследствие непреодолимой силы или бедствия, морским и воздушным судам определяются на основе со-

глашений между государством и прибрежным государством, а при отсутствии таких соглашений – на основе законодательства прибрежного государства.

Переход через территориальные воды не должен нарушать мир, хороший порядок или безопасность прибрежного государства. Проход через территориальные воды должен быть непрерывным и быстрым. Такой переход должен быть сделан в соответствии с настоящей Конвенцией. Кроме того, военные корабли, подводные лодки и другие подводные транспортные средства одной Стороны, осуществляющие переход через территориальные воды в соответствии с условиями и порядком, не имеют права захода в порты и постановки на якорь в пределах территориальных вод другой Стороны, за исключением случаев, когда на него было соответствующее разрешение или это необходимо для оказания помощи лицам, морским и воздушным судам. Подводные лодки и другие подводные транспортные средства одной Стороны в территориальных водах другой Стороны должны следовать на поверхности и поднимать свой флаг.

Проход через территориальные воды считается нарушающим мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства, если при его совершении осуществляется любая из следующих видов деятельности: угроза силой или ее применение против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости прибрежного государства или каким-либо другим образом в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций любые маневры или учения с оружием любого вида; любой акт, направленный на сбор информации в ущерб обороне или безопасности прибрежного государства; любой акт пропаганды, имеющий целью посягательство на оборону или безопасность прибрежного государства; подъем в воздух, посадка или принятие на борт любого летательного аппарата или военного устройства и управление им; спуск на воду, под воду или принятие на борт любого военного устройства и управление им; погрузка или выгрузка любого товара или валюты, посадка или высадка любого лица вопреки таможенным, фискальным, иммиграционным или санитарным законам и правилам прибрежного государства; любой акт преднамеренного и серьезного загрязнения вопреки настоящей Конвенции; любая рыболовная деятельность; проведение исследовательской или гидрографической деятельности; любой акт,

направленный на создание помех функционированию любых систем связи или любых других сооружений или установок прибрежного государства; любая другая деятельность, не имеющая прямого отношения к проходу через территориальные воды.

Сторона может принимать в своих территориальных водах меры, необходимые для недопущения прохода через территориальные воды, осуществляемого с нарушением условий, упомянутых в настоящей статье.

Сторона может принимать в соответствии с положениями настоящей Конвенции и другими нормами международного права законы и правила, относящиеся к проходу через территориальные воды, в том числе в отношении всех нижеследующих вопросов или некоторых из них: безопасности судоходства и регулирования движения судов; защиты навигационных средств и оборудования, а также других сооружений или установок; защиты кабелей и трубопроводов; сохранения биологических ресурсов моря; предотвращения нарушения рыболовных законов и правил прибрежного государства; для сохранения окружающей среды прибрежного государства и предотвращения, сокращения и сохранения под контролем ее загрязнения; морских научных исследований и гидрографических съемок; предотвращения нарушения таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил прибрежного государства; обеспечения национальной безопасности.

Сторона должным образом публикует все законы и правила, относящиеся к проходу через территориальные воды. Суда под флагами Сторон, осуществляя проход через территориальные воды, соблюдают все законы и правила прибрежного государства, относящиеся к такому проходу. Каждая Сторона в случае необходимости и с учетом безопасности судоходства может потребовать от судов под флагами других Сторон, осуществляющих проход через территориальные воды, пользоваться такими морскими коридорами и схемами разделения движения, которые она может установить или предписать для регулирования прохода судов через территориальные воды.

В отношении судов, направляющихся во внутренние воды или использующих портовые сооружения за пределами внутренних вод, прибрежное государство имеет также право принимать необходимые меры для предупреждения любого нарушения условий, на которых эти суда допускаются во внутренние воды и ис-

пользуют портовые сооружения. Сторона может без дискриминации по форме или по существу в отношении судов под флагами других Сторон временно приостанавливать в определенных районах своих территориальных вод осуществление прохода, если такое приостановление существенно важно для обеспечения ее безопасности. Такое приостановление начинает действовать только после надлежащего оповещения о нем. Если военный корабль либо государственное судно, эксплуатируемое в некоммерческих целях, не соблюдает законы и правила прибрежного государства, касающиеся прохода через территориальные воды, и игнорирует любое обращение к нему требование об их соблюдении, Сторона может потребовать от него немедленно покинуть ее территориальные воды. Сторона флага несет международную ответственность за любой ущерб или убытки, причиненные другой Стороне в результате несоблюдения каким-либо военным кораблем или другим государственным судном, эксплуатируемым в некоммерческих целях, законов и правил прибрежных стран, касающихся прохода через территориальные воды, захода в них и постановки на якорь, или положений настоящей Конвенции, или других норм международного права.

Участник данной конвенции не должен препятствовать осуществлению прохода судов под флагами других Сторон через свои территориальные воды, за исключением случаев, когда она действует так на основании настоящей Конвенции либо законов и правил, принятых в соответствии с ней. В том числе Сторона не должна: предъявлять к судам под флагами других Сторон требования, которые на практике сводятся к необоснованному лишению их права прохода через территориальные воды или нарушению этого права; или допускать дискриминацию ни по форме, ни по существу в отношении судов под флагами других Сторон или в отношении судов, перевозящих грузы в любое государство, из него или от его имени.

Участник надлежащим образом уведомляет ее территориальные воды о любой опасности, известной ей для судоходства. В соответствии с конвенцией «каждая сторона осуществляет юрисдикцию в отношении судов, находящихся под своим флагом в акватории Каспийского моря. Каждая сторона в пределах своего сектора осуществляет юрисдикцию в отношении искусственных островов, установок, сооружений, собственных подводных кабелей и трубопроводов. Каждая сторона должна быть обоснована для

осуществления своей суверенитета, суверенных прав на недропользование и другой законной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с освоением ресурсов дна и недр, исключительных прав на промыслы водных биологических ресурсов, а также для обеспечения соблюдения ее законов и правил в целях сохранения и управления ими в своей зоне рыболовства, включая проверку, инспекцию, преследование по горячим следам, задержание, арест и судебное разбирательство. В случае необоснованного принятия таких мер любые убытки и убытки, причиненные судну, возмещаются. Такие меры, как проверка, инспекция, преследование по горячим следам, задержание могут осуществляться представителями компетентных государственных органов сторон, проживающих только на военных кораблях или военных летательных аппаратах сторон, либо на других судах или летательных аппаратах, имеющих явные опознавательные знаки, свидетельствующие о нахождении их на государственной службе и уполномоченных для этой цели. Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает иммунитета военных кораблей и государственных судов, используемых в некоммерческих целях, за исключением случаев, предусмотренных Конвенцией».

Интересной новинкой является то, что сторона, проводящая морские научные исследования, обеспечивает стороне, разрешающей проведение морских научных исследований, право на участие в таких исследованиях, особенно на борту исследовательского судна, в случае фактической возможности, но без выплаты какого-либо вознаграждения ученым разрешающей стороны и его обязанности участвовать в оплате расходов по проведению исследований. Как говорится в сообщении, сторона, проводящая морские научные исследования настоящей статьи, разрешает стороне, выдавшей разрешение на проведение таких исследований, доступ к результатам и выводам после завершения морских научных исследований, а также всем данным и образцам, полученным в рамках такого исследования. При этом сторона вправе требовать приостановления или прекращения любой деятельности, проводимой по морским научным исследованиям в своих территориальных водах. При этом сторона вправе требовать приостановления или прекращения любой деятельности, проводимой по морским научным исследованиям, в своих территориальных водах. Сторона, выдавшая разрешение на проведение морских научных исследований, вправе потре-

бовать приостановления или прекращения их в одном из следующих случаев: исследовательская деятельность проводится не в соответствии с заявленной информацией, на которой она основывала свое разрешение; Исследовательская деятельность проводится с нарушением установленных ею условий; при осуществлении исследовательского проекта не было соблюдено любое из положений настоящей статьи; такое приостановление или прекращение существенно важно для обеспечения ее безопасности.

В соответствии с конвенцией суда, плавающие под флагами Сторон, имеют право проводить морские научные исследования за пределами внешних границ территориальных вод с учетом установленных положений. В отношении двусторонних и многосторонних морских научных исследований, проводимых по соглашению заинтересованных сторон (<http://kremlin.ru/supplement/5328>) важным нововведением Конвенции является также, в которой говорится, что стороны могут прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря. Кроме того, стороны могут прокладывать подводные трубопроводы по дну Каспийского моря при условии соблюдения ими проектных экологических требований и стандартов, закрепленных в международных договорах, участниками которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы (Сергеев 2018).

В соответствии с Конвенцией о Каспийском море юридические лица смогут прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря и подводным трубопроводам при условии их соответствия международным экологическим требованиям и стандартам. Для этого требуется не одобрение всей «пятерки», а только согласие стран, через сектор которых будет проходить кабель или труба. Таким образом, Транскаспийский трубопровод из Туркменистана в Азербайджан и далее через Турцию в Европу теперь зависит от договоренностей между двумя странами важное место отводится вопросу разграничения хода прокладки подводных кабелей и трубопроводов, который по согласованию со стороной проходит через донный сектор, где должен проходить подводный кабель или трубопровод (Рюмин 2018).

Географические координаты участков подводных кабельных и трубопроводных трасс, в которых не допускается постановка на якорь, лов донными орудиями лова, подводное и дноу-

глубительное плавание с вытравленной якорной цепью, сообщаются всем сторонам прибрежным государством, через сектор которого они проложены.

Конвенция посвящена регулированию экологических вопросов Каспийского моря. В частности, стороны обязуются защищать и сохранять экологическую систему Каспийского моря и все ее компоненты. При этом участники самостоятельно или совместно принимают все необходимые меры и сотрудничают в целях сохранения биологического разнообразия, защиты, восстановления, устойчивого и рационального использования биологических ресурсов Каспийского моря, предотвращения, сокращения и контроля загрязнения Каспийского моря из любого источника. В то же время деятельность, наносящая ущерб биологическому разнообразию Каспийского моря, запрещена. Стороны в соответствии с международным правом несут ответственность за ущерб, нанесенный экологической системе Каспийского моря. Это касается и Азербайджана. В этой связи интересны слова Президента Азербайджанской Республики И. Алиева: «Азербайджан вносит активный и большой вклад в улучшение экологической обстановки на Каспии. Как отметил глава государства, принимаемые правительством Азербайджана меры направлены на предотвращение загрязнения Каспийского моря, особенно при осуществлении нефтегазовых операций. Он подчеркнул, что все нефтегазовые операции, осуществляемые Азербайджаном в период независимости, соответствуют международным стандартам ISO (<https://gia.ru/20180812/1526399832>).

В Конвенции говорится, что сотрудничество «сторон в Каспийском море с физическими и юридическими лицами государств, не являющихся участниками настоящей Конвенции, а также с международными организациями осуществляется в соответствии с положениями настоящей Конвенции». Стороны сотрудничают в целях противодействия международному терроризму и его финансированию, незаконному обороту оружия, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пиратству, предупреждению и пресечению незаконного ввоза мигрантов по морю, а также другим преступлениям на Каспии. По итогам саммита стороны определили перечень новых пятисторонних документов, над которыми основная работа будет вестись в ближайшие годы. Так, для регулярного пятистороннего сотрудничества морских администраций прибрежных

государств будет подготовлено пятистороннее соглашение о сотрудничестве в области морского транспорта в Каспийском море с целью эффективного и взаимовыгодного сотрудничества государств в этом регионе.

Конвенции относятся к заключительным положениям Конвенции. Таким образом, в соответствии Положения настоящей Конвенции могут быть изменены или дополнены по соглашению всех сторон. Поправки и дополнения к настоящей Конвенции являются ее неотъемлемыми частями и оформляются в виде отдельных протоколов, которые вступают в силу с даты получения Депозитарием пятого уведомления о выполнении Сторонами внутренних процедур, необходимых для их вступления в силу.

Конвенция предусматривает, что в целях эффективного осуществления Конвенции и обзора сотрудничества в Каспийском море стороны создают механизм проведения пятисторонних регулярных консультаций высокого уровня под эгидой министерств иностранных дел, которые проводятся, как правило, не реже одного раза в год поочередно в одном из прибрежных государств в соответствии с согласованными правилами процедуры. Прежде всего, прикаспийские страны приняли решение о создании механизма пятисторонних регулярных консультаций под эгидой министерств иностранных дел на уровне заместителей министров иностранных дел/полномочных представителей прикаспийских государств, целью которых станет эффективная реализация конвенции о правовом статусе Каспийского моря и рассмотрение различных аспектов сотрудничества на Каспии. Первые консультации сотрудничества должны состояться не позднее чем через шесть месяцев со дня подписания Конвенции.

В приоритетном порядке страны региона согласуют проект соглашения о методологии установления прямых исходных условий. После подписания этого документа впервые в своей истории Каспийское море должно иметь надлежащим образом оформленную и признанную государственную границу в соответствии с международным правом.

Соглашение определяет права и обязательства прикаспийских государств («Настоящая Конвенция не затрагивает прав и обязательств Сторон, вытекающих из других международных договоров, участниками которых они являются»). Разногласия и споры, связанные с толкованием и применением настоящей Конвенции, решаются Сторонами путем консультаций

и переговоров. Любой спор между Сторонами, касающийся толкования или применения настоящей Конвенции, по которому в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи не удается достичь согласия, по выбору Сторон может быть передан на урегулирование другими средствами мирного разрешения споров, предусмотренными в международном праве.

В конвенции есть статья, которая касается вопросов ратификации депозитария. В частности, отмечается, что настоящая Конвенция подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Республике Казахстан, выполняющей функции Депозитария Конвенции. Настоящая Конвенция вступает в силу с даты получения Депозитарием пятой ратификационной грамоты. Указывается, что депозитарий уведомляет Стороны о дате сдачи на хранение каждой ратификационной грамоты и дате вступления в силу Конвенции, а также о дате вступления в силу изменений и дополнений к ней. Важно, что настоящая Конвенция регистрируется Депозитарием в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Согласно статьям, эта конвенция по своему характеру является бессрочной. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев отметил, что принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и подписание ряда документов – « это свидетельство дружественных отношений прикаспийских государств, нашего желания тесно сотрудничать и координировать заботу о нашем общем море. Называя Конвенцию своеобразной «конституцией» Каспийского моря, Н. Назарбаев подчеркнул, что в процессе подготовки Конвенции все страны исходили из интересов обеспечения политической стабильности, развития Каспийского региона, сохранения и приумножения его природных ресурсов.

Президент Ирана Хасан Роухани, поддержав закрепленные в Конвенции договоренности, заявил о необходимости продолжения переговоров по делимитации морского дна и предложил заключить отдельное соглашение на этот счет. Также он выразил готовность расширять сотрудничество с прикаспийскими странами в области энергетики. «Необходимо создавать и упрощать условия для судоходных компаний и туристических агентств. Сотрудничество в области энергетики, в том числе транспортировка энергоносителей, проведение энергетических, своп-операций – важные темы сотрудничества на Каспии. Мы начали работу в этой сфере с некоторыми прикаспийскими странами и намере-

ны продолжать и расширять сотрудничество» (Sharma 2018).

Президент России В. Путин подчеркнул, что урегулирование правового статуса Каспия создает условия для вывода сотрудничества между странами на качественно новый партнерский уровень, для развития тесной кооперации по самым разным направлениям». «Важно, что Конвенция четко регламентирует вопросы необходимых разграничений, режимов судоходства и рыболовства, фиксирует принципы военно-политического взаимодействия стран-участниц, гарантирует использование Каспия исключительно в мирных целях и неприсутствие на море вооруженных сил внерегиональных держав» (<https://riafan.ru/1087534-putin-podvel-itogisammitya-kaspiiskoi-pyaterki>).

По словам Владимира Путина, « Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, которая готовится уже более 20 лет, закрепляет исключительное право и ответственность государств за судьбу Каспийского моря, устанавливая при этом четкие правила его коллективного использования.»

Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов подчеркнул, что Каспийское море должно навсегда стать зоной мира, взаимопонимания и доверия, а также добрососедства. Сегодня значение Каспийского моря «выходит далеко за его границы», «оно превращается в один из ключевых центров геополитических и геоэкономических процессов». Азербайджан уже много лет предлагает справедливый «раздел» Каспийского моря на основе международно-правовых норм. Однако различные искусственные препятствия препятствовали достижению окончательного соглашения о статусе морей (Мамедов 2006 а: 6-7). Поэтому главным преимуществом Конвенции о правовом статусе Каспийского моря можно назвать сам факт ее принятия, поскольку все стороны, безусловно, извлекли из нее выгоду (Эфстату 2018).

Заключение

Накануне саммита в Актау можно было наблюдать значительную активизацию определенных западных кругов, в том числе близких к армянскому лобби. Понимая, что государства как никогда близки к достижению окончательного соглашения по статусу Каспийского моря, они безуспешно испробовали большинство своих излюбленных методов для того, чтобы добиться срыва переговоров и подписания ито-

гового документа (<https://turkmenportal.com/blog/15464/>).

Вот некоторые положения, которые ставят перед нами задачи: Азербайджан добился наиболее приемлемого распределения, и теперь он может осваивать Каспийский шлейф в больших объемах для добычи и экспорта энергоресурсов в больших объемах (Мамедов 2006 б, с: 330-331; 42-48).

Транскаспийский газопровод, который свяжет экспортные инфраструктуры Азербайджана и Туркменистана, может быть построен только с согласия сторон. Это положение крайне важно.

Военное присутствие третьей стороны в Каспийском бассейне будет запрещено, что также выгодно для стран участников. В ходе работы стороны договорились уступить Азербайджану

больше энергии – вопреки стратегическим и долгосрочным гарантиям, что де-факто укрепляет существующие связи между соседями. Увлечение искусственной внутривосточной повесткой дня может стоить нам слишком дорого, если укрепление и консолидация национального политического капитала не будет происходить на международных площадках « (Багирова 2018).

«Конвенция является своеобразной конституцией Каспийского моря, она призвана урегулировать весь спектр вопросов, связанных с правами и обязанностями прибрежных стран, а также стать гарантом безопасности, стабильности и процветания региона в целом» (<https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6800677/aktau-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>)

Литература

Акватория Каспия разграничена на внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство – конвенция. <http://interfax.az/view/74110>

Алиев назвал конвенцию о правовом статусе Каспия исторической. <https://ria.ru/20180812/1526399832.html>

Аманжолова Зульфия. Правовой статус Каспия: значение Актауской конвенции. <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/zulfiamanzolova-kaspijdi-kkyktyk-mrtebesi-aktau-konferenciasyny-mni>

Аркадий Дубнов. Как Каспийское море превратили во «внутриконтинентальный водоем». <https://www.e-vid.ru/politika/160818/kak-kaspiyskoe-more-prevratili-vo-vnutrikontinentalnyu-vodoem>

Багирова Ф. Особый статус: как пять президентов написали новую историю Каспия <http://www.br.az/politics/20180816093319366.html#page999>

Боклан Д.С., Януш-Павлетта Б. Международно-правовой режим использования и защиты природных ресурсов Каспийского моря. Евразийский юридический журнал. № 1 (56) 2013. с.21-26. http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=1858:2013-02-19-08-58-07&catid=202:2013-02-19-08-53-56&Itemid=1.

Brzozowski Alexandra. Caspian Five settle row over sea's legal status, demarcation pending. <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/caspian-five-settle-row-over-seas-legal-status-demarcation-pending>

Дарья Андреева. Встреча «Каспийской пятёрки»: почему Владимир Путин назвал ее эпохальной. https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201808131415-1dy2.htm

Дно и недра Каспия предполагается разграничить на сектора – проект конвенции. <http://interfax.az/view/737090>

Главные итоги Пятого каспийского саммита. <http://casp-geo.ru/glavnye-itogi-pyatogo-kaspijskogo-sammita/>

Иванов Роман. Прикаспийские страны: какие надежды возлагаются на Актауский саммит? <https://365info.kz/2018/08/prikaspijskie-strany-kakie-nadezhdy-vozlazayutsya-na-aktauskij-sammit/>

Итоги саммита в Актау: новые правила использования ресурсов Каспия <https://mir24.tv/news/16317813/itogi-sammita-v-aktau-novye-pravila-ispolzovaniya-resursov-kaspiya>

Каспийская конвенция: уж лучше такая, чем никакая. <https://oilcapital.ru/article/general/01-08-2018/kaspiyskaya-konventsia-uzh-luchshe-takaya-chem-nikakaya>

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12 августа 2018 года. <http://kremlin.ru/supplement/5328>

Конвенция является своего рода Конституцией Каспийского моря – Н.Назарбаев. <https://24.kz/ru/news/policy/item/258386-konventsia-yavlyayetsya-svoego-roda-konstitutsiej-kaspijskogo-morya-n-nazarbaev>

Мамедов Р.Ф. Международно-правовой статус Каспийского моря. – Баку, Азернешр, 2006. – С. 330-331

Мамедов Р.Ф. Разграничение Каспийского моря (Международно-правовые вопросы). Баку, Азернешр, 2006. – С. 7-8.

Мамедов Р.Ф. Международно-правовые реалии и перспективы превращения Каспийского моря в зону мира и безъядерную зону // Вестник Института законодательства РК. -№ 3(7) 2007. – С. 42-48

Мировые СМИ продолжают комментировать итоги V Каспийского саммита <https://turkmenportal.com/blog/15464/mirovye-smi-prodolzhayut-kommentirovat-itogi-v-kaspijskogo-sammita>

Одно море и пять стран – итоговые заявления лидеров «каспийской пятёрки». <https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6800677/aktau-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>

На саммите в Актау подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. <http://www.kurier.lt/na-sammite-v-aktau-podpisana-konventsia-o-pravovom-statuse-kaspijskogo-morya/>

Петерс Доминик (Dominik Peters), Зюдow Кристоф (Christoph Sydow). Der Spiegel (Германия): Раздел Каспийского моря. <https://inosmi.ru/politic/20180821/243049931.html>

Политика одно море и пять стран – итоговые заявления лидеров “Каспийской пятерки”. <https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6800677/aktau-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>

Поровну – не значит справедливо: как делят богатейшее Каспийское море. <https://mir24.tv/news/16317654/porovnu-ne-znachit-spravedlivo-kak-delyat-bogateishee-kaspijskoe-more>

Президентами пяти стран был подписан ряд важных документов. <http://www.kp.kz/10991-ozvucheny-itogi-kaspiyskogo-sammita>

Румянцев Тимур. Путин подвел итоги саммита «каспийской пятерки». <https://riafan.ru/1087534-putin-podvel-itogi-sammita-kaspijskoi-pjaterki>

Рюмин Александр. Страны Каспия придумали, как поделить море. Они не могли договориться 22 года. Конвенция о статусе Каспийского моря призвана положить конец затяжному международному спору. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3450294>

Сергей Сергеев. Итоги саммита Главы стран прикаспийской «пятерки» прибывают в Актау. <http://newsland.com/community/5652/content/glavy-stran-prikaspijskoi-pjaterki-pribyvaiut-v-aktau/6440255>

Страны Каспия придумали, как поделить море. Они не могли договориться 22 года. Конвенция о статусе Каспийского моря призвана положить конец затяжному международному спору. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3450294> <http://newsland.com/community/5652/content/glavy-stran-prikaspijskoi-pjaterki-pribyvaiut-v-aktau/6440255>

Тороп Анастасия. Пять прикаспийских государств подписали конвенцию о правовом статусе Каспия. <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/08/12/144115-pyat-prikaspijskih-gosudarstv-podpisali-konventsiyu-o-pravovom-statuse-kaspiya>

Хоштария Нана. Эксперты о перспективах Транскаспийского газопровода после встречи в Ашхабаде. https://moscow-baku.ru/news/economy/eksperty_o_perspektivakh_transkaspiyskogo_gazoprovoda_posle_vstrechi_v_ashkhabade/

Gaurav Sharma. What Does Caspian Sea's New 'Shared Usage' Convention Hold For Oil And Gas Exploration. <https://www.forbes.com/sites/gauvsharma/2018/08/13/what-does-caspian-seas-new-shared-usage-convention-hold-for-oil-and-gas-exploration/#2b9b516f2043>

Main photo: open source. https://bnews.kz/en/news/convention_on_legal_status_of_caspian_sea_to_be_signed_at_summit_in_aktau

Mustafayev Akif. Convention on Caspian Sea to expand prospects for transit cargo traffic dev't. <https://www.azernews.az/nation/136177.html>

Phoebe Greenwood. An important Caspian Sea deal signed by five littoral countries. The convention is considered vital for breaking the sense of Iran's economic isolation after US sanctions. <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/12/landmark-caspian-sea-deal-signed-among-five-coastal-nations>

Sania Toyken. The heads of five states have signed the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. <https://rus.azat-tyq.org/a/kazakhstan-aktau-sammit-prikaspijskih-gosudarstv/29428483.html>

What the new Caspian Sea deal means for military balance in the region. Russian President Vladimir Putin and Iranian President Hassan Rouhani attend a meeting during the Fifth Caspian Summit in Aktau, Kazakhstan. <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/what-a-new-caspian-sea-deal-means-for-military-balance-in-the-region/>

What Does the New Caspian Sea Agreement Mean For the Energy Market? <https://worldview.stratfor.com/article/what-does-new-caspian-sea-agreement-mean-energy-market>

Yvonne-Stefania Efstathiou. What the new Caspian Sea deal means for military balance in the region. <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/what-a-new-caspian-sea-deal-means-for-military-balance-in-the-region/>

References

Akvatorija Kaspija razgranichena na vnutrennie i territorial'nye vody, rybolovnye zony i obshee vodnoe prostranstvo – konvencija. <http://interfax.az/view/74110>

Aliev nazval konvenciju o pravovom statuse Kaspija istoricheskoy. <https://ria.ru/2018-08-12/1526399832.html>

Amanzholova Zul'fija. Pravovoj status Kaspija: znachenie Aktauskoj konvencii. <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/zulfiya-amanzholova-kaspijdi-kkyktyk-mrtebesi-aktau-konferenciasyny-mni>

Arkadij Dubnov. Kak Kaspijskoe more prevratili vo «vnutrikontinental'nyj vodoem». <https://www.e-vid.ru/politika/160818/kak-kaspijskoe-more-prevratili-vo-vnutrikontinentalnyy-vodoem>

Bagirova F. Osobyj status: kak pjat' prezidentov napisali novuju istoriju Kaspija <http://www.br.az/politics/201808160933-19366.html#page999>

Dar'ja Andreeva. Vstrecha «Kaspijskoj pjaterki»: pochemu Vladimir Putin nazval ee jepohal'noj. https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/2018-08131415-1dy2.htm

Dno i nedra Kaspija predpolagaetsja razgranichit' na sektora – proekt konvencii. <http://interfax.az/view/737090>

Glavnye itogi Pjatogo kaspijskogo sammita. <http://casp-geo.ru/glavnye-itogi-pyatogo-kaspijskogo-sammita/>

Ivanov Roman. Prikaspijskie strany: kakie nadezhdy vozlagajutsja na Aktauskiy sammit? <https://365info.kz/2018/08/prikaspijskie-strany-kakie-nadezhdy-vozlagaetsya-na-aktauskij-sammit/>

Itogi sammita v Aktau: novye pravila ispol'zovanija resursov Kaspija <https://mir24.tv/news/16317813/itogi>

Kaspijskaja konvencija: uzh luchshe takaja, chem nikakaja. <https://oilcapital.ru/article/general/01-08-2018/kaspijskaja-konvencija-uzh-luchshe-takaja-chem-nikakaja>

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12 августа 2018 года. <http://kremlin.ru/supplement/5328>

Конвенция javljaetsja svoego roda Konstituciej Kaspijskogo morja – N. Nazarbaev. <https://24.kz/ru/news/policy/item/258386-konventsija-yavlyajetsya-svoego-roda-konstitutsiej-kaspijskogo-morya-n-nazarbaev>

Mamedov R.F. (2006) Mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morja. Baku, Azerneshr, 2006. – s. 330-331

Mamedov R.F. (2006) Razgranichenie Kaspijskogo morja (Mezhdunarodno-pravovye voprosy). Baku, Azerneshr. – s. 300.

Mamedov R.F. Mezhdunarodno-pravovye realii i perspektivy prevrashhenija Kaspijskogo morja v zonu mira i bezjadernuju zonu // Vestnik Instituta zakonodatel'stva RK. -№ 3(7) 2007. – S. 42-48.

Boklan D.S., Janush-Pavletta B. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim ispol'zovaniya i zashhity prirodnyh resursov Kaspijskogo morja. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. № 1 (56) 2013.s.21-26. http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=1858:2013-02-19-08-58-07&catid=202:2013-02-19-08-53-56&Itemid=1.

Mirovye SMI prodolzhat kommentirovat' itogi V Kaspijskogo sammita <https://turkmenportal.com/blog/15464/irovye-smi-prodolzhatyut-kommentirovat-itogi-v-kaspijskogo-sammita>

Oдно more i pjat' stran – itogovye zajavlenija liderov “kaspijskoj pjaterki”. <https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6800677/aktu-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>

Na sammite v Aktau podpisana Konvencija o pravovom statuse Kaspijskogo morja. <http://www.kurier.lt/na-sammite-v-aktau-podpisana-konvencija-o-pravovom-statuse-kaspijskogo-morya/>

Peters Dominik (Dominik Peters), Zjudov Kristof (Christoph Sydow). Der Spiegel (Germanija): Razdel Kaspijskogo morja. <https://inosmi.ru/politic/20180821/243049931.html>

Politika odno more i pjat' stran – itogovye zajavlenija liderov “Kaspijskoj pjaterki”. <https://ru.sputnik-news.kz/politics/20180812/6800677/aktu-kaspij-sammit-zayavleniya-itogi.html>

Porovnu – ne znachit spravedlivo: kak deljat bogatejshee Kaspijskoe more. <https://mir24.tv/news/16317654/porovnu-ne-znachit-spravedlivo-kak-delyat-bogateishee-kaspijskoe-more>

Prezidentami pjati stran byl podpisan rjad vazhnyh dokumentov. <http://www.kp.kz/10991-ozvucheny-itogi-kaspijskogo-sammita>

Rumjancev Timur. Putin podvel itogi sammita «kaspijskoj pjaterki». <https://riafan.ru/1087534-putin-podvel-itogi-sammita-kaspijskoi-pjaterki>

Rjumin Aleksandr. Strany Kaspija pridumali, kak podelit' more. Oni ne mogli dogovorit'sja 22 goda. Konvencija o statuse Kaspijskogo morja prizvana polozhit' konec zatjazhnomu mezhdunarodnomu sporu. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3450294>

Sergej Sergeev. Itogi sammita Glavy stran prikaspijskoj «pjaterki» pribyvajut v Aktau. <http://news-land.com/community/5652/content/glavy-stran-prikaspijskoi-pjaterki-pribyvaiut-v-aktau/6440255>

Strany Kaspija pridumali, kak podelit' more. Oni ne mogli dogovorit'sja 22 goda. Konvencija o statuse Kaspijskogo morja prizvana polozhit' konec zatjazhnomu mezhdunarodnomu sporu. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3450294> <http://newsland.com/community/5652/content/glavy-stran-prikaspijskoi-pjaterki-pribyvaiut-v-aktau/6440255>

Hoshtarija Nana. Jeksperty o perspektivah Transkaspijskogo gazoprovoda posle vstrechi v Ashhabade. https://moscow-baku.ru/news/economy/eksperty_o_perspektivakh_transkaspijskogo_gazoprovoda_posle_vstrechi_v_ashhabade/

Torop Anastasija. Pjat' prikaspijskih gosudarstv podpisali konvenciju o pravovom statuse Kaspija. <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/08/12/144115-pyat-prikaspijskih-gosudarstv-podpisali-konvenciju-o-pravovom-statuse-kaspiya>

Brzozowski Alexandra. Caspian Five settle row over sea's legal status, demarcation pending. <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/caspian-five-settle-row-over-seas-legal-status-demarcation-pending>

Gaurav Sharma. What Does Caspian Sea's New 'Shared Usage' Convention Hold For Oil And Gas Exploration. <https://www.forbes.com/sites/gauavsharma/2018/08/13/what-does-caspian-seas-new-shared-usage-convention-hold-for-oil-and-gas-exploration/#2b9b516f2043>

Main photo: open source. https://bnews.kz/en/news/convention_on_legal_status_of_caspian_sea_to_be_signed_at_summit_in_aktau

Mustafayev Akif. Convention on Caspian Sea to expand prospects for transit cargo traffic dev't. <https://www.azetnews.az/nation/136177.html>

Phoebe Greenwood. An important Caspian Sea deal signed by five littoral countries. The convention is considered vital for breaking the sense of Iran's economic isolation after US sanctions. <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/12/landmark-caspian-sea-deal-signed-among-five-coastal-nations>

Sania Toyken. The heads of five states have signed the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. <https://rus.azat-tyq.org/a/kazakhstan-aktau-sammit-prikaspijskikh-gosudarstv/29428483.html>

What the new Caspian Sea deal means for military balance in the region. Russian President Vladimir Putin and Iranian President Hassan Rouhani attend a meeting during the Fifth Caspian Summit in Aktau, Kazakhstan. <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/what-a-new-caspian-sea-deal-means-for-military-balance-in-the-region/>

What Does the New Caspian Sea Agreement Mean For the Energy Market? <https://worldview.stratfor.com/article/what-does-new-caspian-sea-agreement-mean-energy-market>

Yvonne-Stefania Efsthliou. What the new Caspian Sea deal means for military balance in the region. <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/what-a-new-caspian-sea-deal-means-for-military-balance-in-the-region/>

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Мемлекет пен құқық теориясы және тарихы	Section 1 Theory and history of chair of sate and law	Раздел 1 Теория и история государства и права
<i>Sartaev S.A., Kalshabayeva M.Zh., Otyunshiyeva A.A.</i> Problems of increasing the legal awareness of Kazakhstan society		4
<i>Ерғазиев Б.Б., Базаров Е.Т., Смаилова У.Е.</i> Модель угрозы национальной безопасности		11
<i>Zhetpisbaev B.A., Urishbayeva A.A., Aldashev S.M., Yermukhametova S.R.</i> Conflicts and social deviations in the behavior of the minor		22
<i>Аманов Ж.К., Салимгерей А.А., Нұртілеу М.Н.</i> Сущностные свойства национальных интересов, их классификация		31
2-бөлім Конституциялық және әкімшілік құқығы	Section 2 Constitutional and admistrative law	Раздел 2 Конституционное и административное право
<i>Веселов Н.Ю.</i> Ювенальная юстиция в системе обеспечения прав детей		42
<i>Ибраева А.С., Байкенжеев А.С., Дюсебалиева С.С., Турсынқулова Д.А., Ибраев Н.С.</i> Государственно-правовое регулирование миграционных отношений в Республике Казахстан: проблемы теории и практики.....		53
3-бөлім Табиғи ресурстар және экологиялық құқық	Section 3 Natural resources and ecology law	Раздел 3 Природоресурсовое и экологическое право
<i>Сайпинов Д.Р., Калымбек Б., Реми М.</i> Шет мемлекеттерінде ауыл шаруашылығы мақсатына арналған жерлерді пайдалануды құқықтық реттеу мәселелері (құқықтық-салыстырмалы талдау)		66
<i>Nesipbayeva I., Yerkinbayeva L.K., Peeter M. Järvelaid</i> Legal problems of development of agricultural cooperation: new approaches and prospects		78
4-бөлім Қылмыстық құқық және криминалистика	Section 4 Criminal law and criminalistics	Раздел 4 Уголовное право и криминалистика
<i>Мамедов Б.Г.</i> Способ совершения вымогательства организованной преступной группой		86
<i>Бакишев К.А., Абдрахманов Д.С.</i> Мотивация неосторожного преступного поведения		94
<i>Kan A.G., Izbassova A.B., Sheloukhine S.</i> Features of formation and development of the investigative actions connected with questioning		103
5-бөлім Халықаралық құқық	Section 5 International law	Раздел 5 Международное право
<i>Мамедов Р.Ф.</i> Международно-правовое содержание и значение конвенции о правовом статусе каспийского моря от 12 августа 2018 года.....		114